

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2008 ГОДУ

И.И. ОРЛОВ

ЗАГАДКИ СТРАНЫ «ОК» РОМАНСКИЕ ЦЕРКВИ ОКСИТАНИИ X–XIII ВЕКОВ

МОНОГРАФИЯ

Электронно-
Библиотечная
Система
znanium.com

Москва
ИНФРА-М
2023

УДК 726.5
ББК 85.113(3)
О66

А в т о р:

Орлов Игорь Иванович, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки и техники, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, действительный член Российской Петровской Академии наук и искусств Санкт-Петербурга и International Academy of Natural History (UK-London), член творческого Союза Дизайнеров РФ

Р е ц е н з е н т ы:

Соловьев Н.К., доктор искусствоведения, профессор МГХПА им. С.Г. Строганова, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Государственной премии РФ;

Кошаев В.Б., доктор искусствоведения, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой семиотики

Орлов И.И.

О66 Загадки страны «Ок». Романские церкви Окситании X–XIII веков : монография / И.И. Орлов. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 216 с. — (Научная мысль). — DOI 10.12737/monography_5995a80c94fd54. 86578412.

ISBN 978-5-16-018155-4 (print)

ISBN 978-5-16-106093-3 (online)

Настоящая монография посвящена малоизученному феномену Средневековой культуры Западной Европы X–XIII вв. — романским укрепленным церквям *eglises fortifies* обширного региона Южной Франции, Каталонии, Наварры, Басконии и Гаскони (Окситания). В книге исследуется возникновение и сложение этого уникального явления культуры и искусства, почти не изученного в отечественной медиевистике.

Данная монография предназначена для специалистов по истории Средневековой Франции, преподавателей, студентов, аспирантов и всех, кто интересуется вопросами искусства и культуры Европейского средневековья.

УДК 726.5(3)
ББК 85.113(3)

ISBN 978-5-16-018155-4 (print)
ISBN 978-5-16-106093-3 (online)

© Орлов И.И., 2017

*С благодарностью
моему учителю
Николаю Кирилловичу Соловьеву*

Введение

Интерьер культового пространства представляет собой ближайшую к человеку и наиболее контактирующую с ним предметно-пространственную среду. Поэтому функциональная и эстетическая организация пространства жизни и деятельности человека во все эпохи была и остается главной задачей архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Однако стоит учесть, что само понятие интерьера имеет довольно широкие рамки толкования. Существующее традиционное понятие «интерьеров» как внутренних помещений (залы, комнаты, коридоры, галереи и т.д.) нередко дополняется понятием «интерьер города», интерьеры внутренних дворов и площадей. Подчас строгое деление сооружений на внешнюю оболочку и интерьеры бывает невозможно, особенно в случае, когда созидание архитектурных объектов осуществлялось по единым формообразующим принципам и целостному композиционному сценарию. Характерной особенностью зодчества ряда эпох, культурно-исторических типов цивилизаций и творческих направлений было отсутствие четких границ между внутренним пространством и внешней архитектурой. Предметно-пространственная среда всегда воспринимается зрителем через призму мировоззрений и понятий, свойственных его социальному окружению, религии и времени. Спецификой культового интерьера является то, что его эстетический образ воспринимается человеком в единстве всех архитектурно-художественных характеристик: архитектурных форм и пространств, их освещения, обстановки, художественной отделки и элементов пластических форм, а также быта, привычек, поведения, религиозной мотивации людей, для которых он создается. Архитектура Средних веков оказывала на людей своей эпохи более глубокое и сложное эмоциональное воздействие, чем на нас, поскольку мы видим и оцениваем в ней преимущественно эстетическую организацию объемов и пространств. Понять эмоциональный образ интерьеров культуры Западноевропейского Средневековья можно лишь ознакомившись с основой их семантического строя, учитывая деятельность человека того времени. Изучение истории культовых романских интерьеров Окситании (Южная Франция и Каталония)

поэтому предполагает анализ всех вышеуказанных составляющих в их диалектическом взаимном развитии.

Предметом исследования данной монографии стали генезис, история развития, иконография, структура, архитектурно-художественные особенности и типология культовых романских архитектурных сооружений *eglises fortifiées* Окситании X—XIII вв. Объектом же исследования, в свою очередь, служили непосредственно культовые сооружения Южной Франции и Каталонии указанного периода, которые являют собой зримое воплощение в материале идейно-художественных программ христианского религиозного мироощущения католической Западной Европы.

Основной целью данного исследования стала проблема выявления глубокой и сложной взаимосвязи религиозно-мистической парадигмы самобытной окситанской цивилизации с художественной практикой строителей культовых сооружений региона. В монографии, помимо ранее использованных в научном обороте литературных источников, были привлечены материалы малоизвестных зарубежных публикаций, архивных документов (любезно предоставленных музеем «Огюстен», Тулузским Университетом и Католическим институтом Тулузы, Центром Катарских исследований в Каркассоне), а также материалы непосредственного исследования автором натуральных объектов изучаемого региона. Анализ всех этих данных позволил по-новому взглянуть и оценить культурно-исторический фон, ставший благодатной почвой для появления и распространения культовой архитектуры укрепленных церквей, последующего формирования и распространения своеобразной романской архитектуры Юга Франции. В данной монографии впервые вводится в научный оборот ряд новых гипотез, позволяющих более объективно взглянуть на особенности культовой архитектуры Южной Франции. Это, в свою очередь, значительно расширило научные представления об объемно-пространственных композициях укрепленных культовых сооружений данного периода, а также позволило связать вопросы синтеза искусств и концептуальных образов, порождаемых религиозными идеями той эпохи.

Поскольку период времени X—XIII вв., относящийся к теме данной монографии, — это эпоха безраздельного господства схоластики, постольку автор счел целесообразным (следуя примеру Эрвина Панофского) при ее написании использовать общую схолистическую схему оформления средневековых трактатов (*secundum ordinem disciplinae*), с тем чтобы шаг за шагом идти от одного суждения к другому, постоянно информируя читателя о ходе развития этого логического процесса. Такая простая и вместе с тем понятная методика, примененная к системе классификации культовых сооружений, дала возможность исследовать «окситанскую» архитектуру,

заранее зная (или предполагая) те идейно-художественные программы, которые изначально были обусловлены тем или иным местоположением культового объекта в системе предложенной автором классификации.

Глава 1

ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ОКСИТАНИИ

1.1. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Возникновение и религиозно-философское обоснование концепции «укрепленной церкви» прослеживается еще в ранний период становления христианской религии. Описание «Небесного Иерусалима» в Откровении Апостола Иоанна Богослова (Откр. Иоанна, 21, 12–14) подробно фиксирует элементы фортификации городских стен, башен и ворот. Св. Апостол Иоанн пишет, что Город: «...имеет большую высокую стену, двенадцать врат и на них двенадцать Ангелов. На вратах написаны имена двенадцати колен израилевых... Стена имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца...» (Откр. Иоанна, 21, 12–14)¹. Богословско-семантическое отождествление Церкви Христовой и образа «Небесного Иерусалима» в трудах Отцов Церкви в дальнейшем способствовало популяризации данной иконографической концепции в христианском культурном пространстве. Другое богословско-мистическое отождествление образа Церкви с «Укрепленной Башней» (фортификационным объектом) подробно раскрывается в раннехристианском трактате «Пастырь» Ермы, II в., который пользовался огромным авторитетом и на христианском Востоке, и на христианском Западе. Здесь в IX Притче Ерма довольно подробно описывает свое видение, в котором «мужи и девы» возводят прочную и обширную башню из камней различной величины. Место возле Башни было очищено, и Пастырь, обходя вокруг Башни, видит, что «...она прекрасна: она была построена так хорошо, что всякий увидевший ее полюбовался бы, потому что она казалась сделанной как бы из одного камня — не было видно ни одной спайки», (Пастырь, Ерма, IX, 17.2). В своем видении Ерма получает объяснение многочисленным подробностям. Так, «Башня» есть Церковь, «белый квадратный камень» и «дверь в башню» обозначают Сына Божьего. Первый — Его предвечное бытие, последняя — Его дело в качестве посредника между Богом

---

¹ См.: Библейская энциклопедия / под ред. архим. Никифора / репринт. М.: Типография А.М. Снегиревой, 1891. С. 334–335.

и людьми. Господин Башни — также Сын Божий Иисус Христос (Пастырь, Ерма, IX, 17.2)¹. Мы видим, что еще в раннем христианстве отождествление укрепленного города или башни с образом Церкви Христовой было традиционным и на Востоке, и на Западе. Несомненно, что это своеобразное символическое богословие в образах приняло доктринальную форму уже на раннем этапе становления христианского искусства. Именно этими символическими образами с самых древних времен христианской культуры руководствовались с детской наивностью мастера по всей Европе. Для этого достаточно взглянуть на яркие миниатюры IX–XII вв., сопровождающие «Комментарий к Апокалипсису» Беатуса, аббата Лиебанского (рукописи окситанских монастырей в Силосе, Жероне, Ургеле, Коголле и др.)². Мы видим, что именно окситанским монахам старинных монастырей Каталонии, Наварры и Арагона принадлежит заслуга одними из первых иллюстрировать тексты Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова). Таким образом, истоки религиозно-семантического обоснования образа «Церкви-Города» или «Церкви-Башни» (трансформирующиеся в образ «Церкви-Крепости») мы можем достаточно легко проследить на просторах Окситании (рис. 1.1).

Рис. 1.1. Карта распространения окситанского языка (Окситания)

Символика христианской Церкви, проникнув в глубину народного мироощущения, с течением веков тесным образом переплеталась с давними традициями населения Окситании. Все это не могло

¹ См.: Н.И. Сагарда. Лекции по патрологии I–IV века. М.: Издательский Совет РПЦ, 2004. С. 166–167.

² См.: L. Delisl, *Melanges de paleogr.*, 180, p. 177 ff.

не породить уникальное ментально-ценностное ядро, художественные образы которого и повлияли на сложение удивительного феномена *eglises fortifiées* Окситании. Так уж сложилось исторически, что со Средних веков и вплоть до Первой мировой войны *domus* или *casa pairal* («патриархальный дом»), являлся жизненно необходимой частью окситано-каталонского бытия, со временем превратившийся в социальный миф, игравший в светской жизни населения почти такую же роль, какую играла церковь в жизни религиозной. Подобно тосканской *casa colonica*, окситанской *domus* и провансальской *mas*, арагоно-каталонская *casa pairal (masia)* также пришла к нам из Средневековья, хотя корни подобных сооружений следует искать гораздо древнее. Жорж Платон, андоррский юрист, написавший этнографическое и юридическое исследование андоррского права в XVIII–XIX вв., выявил некоторые причины и особенности первенствующей роли *domus (casa pairal)* в социально-культурном плане региона¹. Древнеримская *villa*, укрепленная ферма свободных римских поселенцев — ветеранов с ее традиционными толстыми стенами, смотровыми башнями и пристройками для скота, — вот что послужило основой для всех этих типов сельских поместий Окситании. Некоторые строения прямо стоят на фундаментах ранних римских *villae* и даже полностью повторяют планировку построек. В отличие от Испании Дальней (Южной) со столицей в современной Кордове (*Corduba*), населенной в основном торговцами и моряками, Каталония — Испания Ближняя (со столицей в Таррагоне) заселялась в основном римскими ветеранами — рядовыми, центурионами и младшими офицерами. За свою службу империи они в конце службы получали небольшие наделы земли и занимались в основном ведением сельского хозяйства, которое, конечно, не походило на огромные латифундии римской аристократии. Однако благодаря трудолюбию своих хозяев окситанские вино, оливковое масло, зерновые и знаменитая ампурданская ветчина уже в I в. н. э. шли на экспорт в столицу империи Рим. Подобные укрепленные фермы римских ветеранов (*villa*), объединенные в одном регионе, предвосхитили будущие каталонские *poblet* (деревни, поселки) — прототипы окситанского деревенского будущего². Хотя в целом нельзя говорить о точном копировании римских сооружений. Дизайн *domus (casa pairal)* не являлся чем-то стандартным, так как эти здания были полностью функциональны, и формирование усадьбы в целом было подвержено воздействию климата и социальной среды. Это наследие римских традиций,

¹ См.: Э. Ле Руа Ладюри. «Монтайю, окситанская деревня 1294–1324», Издательство Уральского университета. Екатеринбург, 2001. С. 50.

² См.: Р. Хьюз. Барселона. История города. М.: ЭКСМО, 2008. С. 90.

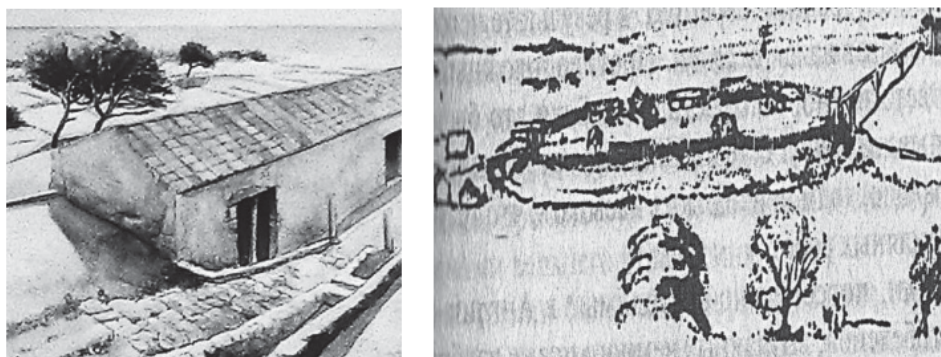
главное место в которых занимало *domus* (*casa pairal*), а также типичные окситанские вольности находили свое подтверждение в конкретных фактах. Например, в городке Ма д'Азиль, как и во многих других «бастидах», вплоть до XIII в. любой колон (до этого века еще сохранялись некоторые пережитки серважа), построивший свой собственный дом, автоматически становился свободным. Как отмечал Жорж Платон, с точки зрения этнографической, или, пожалуй, юридическо-магической, окситанский *domus*, каталонский *casa pairal*, арьежский *осталь*, как и андорская *casa*, являлись чем-то большим, чем просто совокупность жилища и его обитателей, составляющих круг домашних. Окситанский (пиренейский) патриархальный дом является юридическим лицом с неделимой собственностью и определенными правами: они состоят в собственности на земельный участок, в пользовании общинными лесами и высокогорными пастбищами, *solanes* или *soulanes* («пастбища», оксит.) прихода. *Domus*, *осталь* или *casa pairal* являются некой целостностью, «продолжением личности своего хозяина», считается как бы «истинным владельцем всех благ, составляющих хозяйство»¹. Римско-окситанская традиция *преципуума* («преимущественное право», лат.), та легкость, с которой глава семьи может выделить одного наследника для предотвращения дробления надела, играла в регионах окситанской культуры огромную роль. Отсюда тирания отца — главы *domus* распространяется на всех членов семьи и не подлежит сомнению. Это полная противоположность эгалитарным традициям нормандских или анжуйских норм обычного права, которые известны своей суровой и уравнилительной настойчивостью в том, что касается равного раздела собственности между всеми братьями (или даже между братьями и сестрами, в анжуйском варианте)². Подобная патриархальная суровость норм и обычаев сельской окситанской культуры не могла не найти свое отражение в семантике и иконографии *domus*, *casa pairal* или *осталь*.

Крыша окситанского дома (она же терраса) была, как правило, совершенно плоская и могла служить и местом для укладки хлебных снопов, и трибуной для кумушек-соседей. Хотя под влиянием влажно-прохладного климата Пиренеев в высокогорных районах крыши *domus* (*casa pairal*) со временем, примерно с XVI в., приобретают наклонную пирамидальную форму. Дополнительные лестницы и крошечные окошки и стены поистине циклопической толщины были здесь всегда. Напротив дома, вдоль стен, располагались конюшни и загоны для скота с таким расчетом, чтобы тепло от

¹ См.: Platon G., 1902—1903, p. 16, 49 et passim.

² См.: Э. Ле Руа Ладюри. «Монтайю, окситанская деревня 1294—1324», Издательство Уральского университета. Екатеринбург, 2001. С. 49.

навоза распространялось в сторону жилых помещений. По мере того как фермы спускаются вниз, в предгорья или долины, окна становятся чуть больше, а крыши приобретают более плоскую форму. Один из вариантов расположения лестниц в здании — *clos* «помещение, отделенное стеной». Еще ниже, на равнинах Ампурдана, Вика или в Таррагоне, наклон крыш становится совсем небольшим, а под коньком кровли появляются три-четыре чердачных окошка. Иногда встречается выносное крыльцо с аркадами, а дверные и оконные проемы становятся большими (например, в Гаскони или Лангедоке), хотя и закрыты массивными дубовыми дверьми и ставнями. Довольно часто фермы имели сторожевую башню для наблюдения за приближающимися сарацинами (Арагон или Каталония), разбойниками или инквизиторами (рис. 2.2).

Рис. 1.2. Ранняя христианская церковь в Жероне II–III вв.
и деревянный замок VIII–IX вв.

Помимо климатических условий внешний вид *domus* (*casa pairal*) очень сильно зависел и от типа земледелия и следовательно от видов почв. Так, например, в некоторых районах — в Жероне, на равнинах Вик, в Сельве, более богатых растительностью, фермы могли иметь многочисленные складские помещения для хранения фруктов, бобов, масла, вина, зерна и вообще всякого инвентаря. И поскольку фермеры здесь не держали многочисленного скота, при доме не было конюшен и хлевов, тогда как в Ампурдане и в окрестностях Таррагоны, где преобладает зерновое земледелие, к ферме примыкают обширные амбары и хлевы, а двор продолжен площадкой для молотбы. В самых крупных хозяйствах Гаскони и Лангедока, помимо двора, могут присутствовать также сад, свиарник рядом с садом, *boal* (хлев для быков), голубятня, *bordes* (сеновалы), *coral* для овец, примыкающий к *domus* (*casa pairal*). Почти повсеместно со стороны улицы расположены неизменные лавка или стол под открытым небом, чтобы погреться на солнышке и поболтать с соседями. Во многих окситанских деревнях и городках, «зараженных катарской ересью», соседние дома часто соединялись между собой

особыми проходами-лазами, через которые хозяева (или скрываемые ими «совершенные») могли перебираться из одного жилья в другое во время облавы инквизиции. С этой точки зрения многие окситанские населенные пункты представляли собой настоящий «термитник»¹. Несмотря на обилие вариаций, в целом образ *domus* (*casa pairal*) «патриархального дома» оставался одним и тем же. Все было устроено прочно, грубо и надежно. Пространство стен отличается грубоватой лаконичностью, никаких решеток, сложных выступов, завитушек, кроме иногда встречающихся грубоватых капителей, оконных сводов в стиле сельской готики XIV столетия или аляповатых меандров над дверью XVIII в. Беленые стены, толщиной почти метр, выложены тесаной бутовой кладкой на растворе, а черепица положена в два или даже три слоя (видимо, в память о некогда соломенных крышах). Тяжелые дубовые потолочные балки, часто покоящиеся на закругленных каменных выступах, и кирпичные или выложенные керамической плиткой полы. Массивные железные дверные петли, запоры и засовы. Маленькие косящие окошки, снабженные массивными ставнями, словно говорят нам о том, что обитателям *domus* (*casa pairal*) важен не вид из окна, а надежность и уют, чувство защищенности и безопасность. И это, в общем, вполне понятно, поскольку вплоть до XIX столетия сельская и горная Окситания кишела «лихими людьми» (сарацины, бродячие рыцари, инквизиторы, горные разбойники, карлисты и пр.). Понятно, что «отчий дом» должен был выстоять против всех этих врагов.

Центральная часть такого дома — *llar de foc* («фоганья», оксит.), дословно переводится как «очаг», но такой перевод не отражает в должной мере сущности названия. Слово *llar* происходит от латинского *lares*, «боги домашнего очага», т.е. подразумевает собой некий сакральный центр, священное пространство, а не просто место, где разводят огонь и семья собирается «у комелька». За огнем следит особая работница, или *focària* «домохозяйка». Именно поэтому *llar* отделен от общего пространства интерьера особым навесом величиной с небольшую комнату, под которым может уместиться вся семья (не здесь ли кроются корни алтарных преград окситанских соборов?). Здесь же размещены решетка, вертелы, кочерга, котел, подвешенный на цепях, а также длинные полки, где размещены тазы и горшки. Под навесом же расположены деревянные стулья с прямыми спинками, подлокотниками и обязательными ящичками под сиденьями для *Avi* (главы семьи) и его супруги *metrssa* (или *padrina*), обычные стулья — для остальных членов семьи, начиная

---

¹ См.: Э. Ле Руа Ладюри. «Монтайю, окситанская деревня 1294–1324», Издательство Уральского университета. Екатеринбург, 2001. С. 55.

с *bereu* (наследника, старшего сына), *pubilla* (старшей дочери) и табуреты для младших детей и работников. При рассаживании за столом всегда соблюдался определенный порядок, соответствующий строгой иерархии «доброй каталано-окситанской традиции», существовавшей в деревенской окситанской семье вплоть до XVIII столетия. Таким образом, самый частный, внутренний дом, именуемый «фоганья», оказывался вставленным в более обширный дом, называемый «осталь». Патриархальную мистико-религиозную силу *domus* (возможной исходной матрицы религиозно-бытового мировоззрения и целого рода и отдельного его представителя) отмечали почти все исследователи Окситанской цивилизации. Эта целостность, по сути, — первичная общность проживания или первичная экологическая общность (если вспомнить, что греческое слово «экос», означает «дом, жилище»). Основное понятие *domus* (*casa pairal*) включает в себя, помимо жилища и нераздельного владения земельным наделом, и круг совместно проживающих «домашних». Включает и саму жизнь (если не саму плоть), организуя в своем развитии в единое целое различные элементы бытия (центральные и второстепенные): огонь кухонного очага и могилы предков, имущество и землю, супружеские союзы и детей, религиозную веру и суеверия¹. Обитатели *domus* (*casa pairal*), проживающие по обе стороны Пиренеев, верили, подобно древним римлянам, что у каждого дома есть своя Звезда и своя Судьба, к которой остаются причастны как живые, так и умершие (души предков). Для того чтобы обереечь эту звезду или судьбу, каждый *domus* (*casa pairal*) сохранял пряди волос и кусочки ногтей главы семьи и предков. Благодаря использованию этого ритуала дом, как отмечает Э. Ле Руа Ладюри: «пропитывается определенными магическими чертами личности» и оказывается способным передать их другим членам семьи². Подобные верования в существование аналогичных устойчивых связей между живыми и умершими в Каталонии, Арагоне, Наварре, Стране Басков, Гаскони, Французских Пиренеях, Лангедоке, Руссильоне и др. регионах Окситанской цивилизации отмечали многие исследователи. В частности, Пьер Бурдьё в своем исследовании кабийского дома пишет, что родные и близкие соблюдают давние обряды состригания волос и ногтей, предпринимая все возможные меры для того, чтобы во время обмывания тела и его «путешествия» к могиле покойный не унес с собой «барака» (*baraka*) этого дома³.

¹ См.: Boutruche. *Seigneurie et feodalite*. V. I. p. 81.

² См.: Э. Ле Руа Ладюри. «Монтайю, окситанская деревня 1294–1324», Издательство Уральского университета. Екатеринбург, 2001. С. 44.

³ См.: Bourdieu P. *Esquisse d'une theorie de la pratique*. Geneve, Droz, 1972.

Таким образом, можно констатировать стратегическое положение *domus* (*casa pairal*) в Окситанской системе обладания благами этого да и загробного мира. «Мертвые, вместо того, чтобы принадлежать потомкам, продолжают принадлежать дому и разлучаются со своими потомками, когда те покидают дом», — пишет Кола в своей книге, посвященной баскским могилам. Этот автор отмечает, что за *domus* сохраняется право владения или собственности по отношению к семейным могилам на кладбище¹. Именно этим, помимо всего прочего, объясняется та могущественная сакральная связь (подобная древнеримским «родным пенатам»), существующая между *domus* (домашними, проживающими в нем) и покойными предками. Благодаря соблюдению права первородства сохранялась целостность земельного надела, сохранялась целостность крестьянского и всего феодального мира. После смерти отца семейства старший сын получал все, если сына не было, наследовала старшая дочь, которая становилась завидной невестой. Брачные контракты в Арагоне, Каталонии, Гаскони, Лангедоке и Провансе заключались долго и обстоятельно с пересчетом всего имущества (вплоть до последнего цыпленка) и торжественно зачитывались стряпчими в присутствии всех членов обеих семей. Это было натуральное хозяйство, производившее все, включая развлечения: так что *llar* (римское *lares*), помимо всего прочего, еще и начало всего Окситанского фольклора, музыки, песен, *rondalles* (рассказов и басен). Хотя в кухне можно было спать, обитатели *domus* предпочитали спать на кроватях, расположенных либо в комнатах, окружающих кухню, либо на верхнем этаже (*solier*). Раскопки средневековых *domus* (*casa pairal*) открыли нам существование комнат, расположенных вокруг кухни (имеющих окна без стекол, но с деревянными ставнями), а также погреба (*sotulum*), который предназначался для хранения провизии, а также и служил убежищем для еретиков, скрывающихся от преследования инквизиции. В домах представителей «сельской интеллигенции» (нотариусов, врачей или священников) имелаась отдельная комната-кабинет (*scriptorium*). В целом наличие *solier* (верхний этаж, расположенный над кухней и сообщающийся с нижним этажом через лестницу) являлся внешним признаком богатства: достройка *solier* — показатель социального возвышения. Однако независимо от степени состоятельности своих хозяев, *domus* (*casa pairal*) был и оставался вплоть до Первой мировой войны краеугольным камнем окситанского (каталонского) консерватизма, олицетворяющий идею Земли и Рода. Отчий дом *domus* — первичный, квазибиблейский символ собственности и права наследования, включающий в себя идею самоотверженного труда, верности сеньеру, родине, патриотизма, преемствен-

---

¹ Colas L. *La Tombe basque*. Bayonne, 1923. Vol. I. P. 46.

ности и родства. Здесь было также и осознание себя «окситанцем», а не французом или испанцем вообще, и притом окситанцем особым, не аристократом, а именно крестьянином (человеком земли и труда). И прежде всего, для придерживающегося такого мировоззрения означало не быть иностранцем и отвергать всякого, кто им являлся.

Подобные *domus* (*casa pairal*) сегодня еще можно увидеть в сельской местности Лангедока, Гаскони, Верхнего Арьежа, Андорры, Арагона, Каталонии, Наварры или в Стране Басков, хотя большая часть населения бывшей Окситании ныне живет в городах, поскольку структура сельской жизни (основанная на семье) практически исчезла. И хотя это покажется невероятным, однако несколько подобных *domus* сохранилось, например, в старой Барселоне, «выжив» с тех времен, когда вокруг них расстилались «сады и виноградники». Самый старый из них — это Масиа Торе Рондона, выстроенный в 1610 г. и сегодня служащий пристройкой к гостинице «Принцесса София». Другой — Масиа Канн Планас на проспекте папы Иоанна XIII, где размещается штаб-квартира футбольного клуба «Барселона». Имеется также великолепный экземпляр XVII в. на улице Каррер д'Эсплугас, в пещерах Льобрегат, в южной части Барселоны: толстые белые стены, каменные своды арок и старинные солнечные часы (словно подчеркивающие патриархальную основательность и неторопливость бытия). Эти суровые осколки средневековья своими строгими, массивными и подчас грубоватыми формами словно олицетворяют своих прежних хозяев — окситанцев, упрямых, всегда готовых бороться за свои права, консервативных, стремящихся сохранить независимость любой ценой, при этом считающих «солью земли» только себя самих. Подобный менталитет окситанского крестьянства, нашедший свое отражение в архитектуре *domus* (*casa pairal*), выковался многовековыми традициями феодальной «жадности» с ее системой земельно-правовых отношений, а также особенностями борьбы за свое существование с «маврами».

Переплыв в 711 г. «Бахр аль Руми» (Римское море), арабы за период с 712 по 718 гг. захватили всю Испанию и большую часть Каталонии, Лангедока и Прованса. Приход мавров почти сразу же изменил демографическую и социальную ситуацию Окситании, поскольку потоки крестьян, бежавших с равнинных латифундий (где они работали на римско-вестготскую аристократию), находили убежище в горных складках по обе стороны Пиренеев. Именно здесь беглые крестьяне смогли создать свои небольшие, но хорошо укрепленные поселения — *roblet*, ставшие основой будущей реконкисты. Римско-вестготская земельная аристократия на равнинах пришла в упадок, зато свободные крестьяне в горах начиная с VIII в. становятся серьезной экономической, да и военной силой. Терпение и вы-

носливость свободного окситанского земледельца и внесли впоследствии важный вклад в биографию, точнее даже, в «иконографию» Окситанской культовой архитектуры *eglises fortifiees*. Эти суровые, упорные, зоркие и недоверчивые окситанские крестьяне добились того, что уже к концу XII столетия многие из них владели своей землей, а многие арендовали ее на определенных условиях. На практике применялось два вида аренды. Первый вид — наследственная бессрочная аренда земли, система, которая с X столетия доминировала на большей части Европы. Договор о землевладении переходил от отца к сыну и ревниво оберегался арендаторами, так, что сеньер практически не мог его отменить. В Окситании такая система была известна как *senso*, а, например, в Северной Италии как *mezzadria*. Это была, по сути, обыкновенная издольщина: крестьянин обрабатывал землю и платил налоги. Стоимость посадочного материала и инвентаря, как и доходы от ведения хозяйства, делили землевладелец и арендатор. Некоторые договоры об аренде такого рода, заключенные в XII столетии, оставались в силе еще семьсот лет спустя. Подобная примитивная система «ценза» работала хорошо, пока землевладелец и арендатор доверяли друг другу, пока земля была плодородной и пока арендатор трудился на ней не покладая рук. В целом в аграрном секторе Окситании все три условия соблюдались. Второй вид аренды возник в Окситании в связи с производством вина, а виноградарство, даже несмотря на медленный рост молодых лоз, было одной из самых прибыльных отраслей окситанского сельского хозяйства еще со времен Античности. На богатых землях Лангедока и Руссильона, в Провансе и Каталонии выращивание виноградной лозы внедрялось еще во времена эллинизации кельтского населения на рубеже I в. до н. э.¹ Арендаторы — виноградары назывались «*gabassaires*» и также несли вместе с землевладельцем совместные расходы и доходы. Однако срок аренды был ограничен длительностью срока жизни лозы (*seps*). Как только три четверти лоз отмирало (такое положение именовалось «*gabassa mort*») — земля возвращалась своему землевладельцу, который имел право заключать новый договор по своему усмотрению с любым другим арендатором.

Жизнь окситанского крестьянина определялась жестким циклом смены времен года и очень медленно менялась, сохраняя «старую добрую Окситанскую традицию». Начиная с раннего Средневековья и вплоть до XVII в., когда Лангедок, Каталонию, Арагон и районы по обе стороны Пиренеев терроризировали многочисленные разбойники и казалось, что социальная структура рушится, именно *domus* (*casa pairal*) «патриархальный дом» стал настоящей неприступной

---

¹ См.: *Левек П.* Эллинистический мир. М.: Наука, 1989. С. 173.

крепостью, сохранив очаги стабильности в нестабильном мире. Как справедливо отмечал каталонский панегирист Х. Жибер: «Такие дома были последними тлеющими очагами приговоренного к исчезновению образа жизни...символами утраченного — глубоких и чистых человеческих чувств. Такой дом — толстый ствол могучего семейного древа, суровый и патриархальный, в чьих ветвях могли застрять обрывки паутины вечности, потому что именно здесь формировались традиции, которые соблюдались как церковные обряды, добрые каталонские традиции, переходящие от отцов к сыновьям. Так, что истоки души нашего народа следует искать в этих деревенских постройках»¹. Неудивительно, что эти фундаментальные черты окситанского национального характера, столетиями выкристаллизовавшиеся в *domus* (*casa pairal*), нашли свое выражение в своеобразии суровой строгости культовой окситанской романо-готической архитектуры *eglises fortifiees*.

Опыт возведения укрепленных церквей (*eglise fortifiee*) на территории Европы вообще и на территории Окситании в частности имеет весьма древние истоки. И хотя наиболее старые *eglises fortifiees*, сохранившиеся до наших дней, берут свое начало со второй половины XI в., когда начинают возводиться первые каменные церкви-донжоны (так называемые *eglise fortifiee*), тем не менее сегодня мы достоверно знаем, что культовые христианские сооружения (приходские церкви, соборы, монастыри, часовни) с самых первых веков своего возникновения в IV–V вв. уже обладали «правом убежища» (лат. — *jus asyli*), которое законодательным порядком было признано за Церковью при Феодосии II (431 г.), и в дальнейшем обычно подтверждалось светскими властями². Это право подразумевало под собой, кроме всего прочего, и возможность служить местом укрытия во время многочисленных войн, раздиравших и пространства Европы, и территории Окситании и в эпоху поздней Античности, и в эпоху почти всего Средневековья. Изначально культовые христианские сооружения использовались в качестве убежища при нашествиях многочисленных племен «варваров» (во времена «Великого переселения народов»), затем во времена экспансии воинов Ислама, далее в эпоху постоянных набегов викингов, и затем во времена почти постоянных феодальных и религиозных войн (с неизбежными бесчинствами отрядов наемников и мародеров — рутьеров). На долгие, долгие времена западная христианская Церковь воспримет такое использование культовых религиозных сооружений как непри-

---

¹ Цит. по: Барселона: история города / Роберт Х.; [пер. В Капустиной]. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. С. 147.

² См. подробнее: *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви: в 4 т. Минск: Харвест, 2008. Т. 3. С. 115–117.

ятную необходимость. Вопрос состоял лишь в том, что подчас это «право убежища» не соблюдалось даже дружинами и армиями христианских правителей, не говоря уж о войсках арабских халифов, доходивших в VIII столетии практически до Пуатье или «язычников» — викингов, наводивших ужас на всю Европу.

На всем протяжении Средневековья мы также постоянно встречаем примеры перенесения наиболее ценных христианских реликвий в отдаленные укрепленные монастыри или укрепленные церкви, подальше от военных опасностей. Так, например, святые мощи св. Бенуа (Бенидикта) Нурсийского (+529), аббата монастыря Мон-Кассен (Монте-Кассино) (свод «Правил» которого был принят первоначально около 620 г. в аббатстве Отрив (епархия Альби), а затем во Флери-сюр-Луар (Сен-Бенуа) и стал в дальнейшем основой западного Бенедиктинского монашества), были спасены и перенесены около 672 г. в Галлию из разграбленного арианами-лангобардами аббатства Монте-Кассино (Ломбардия). Видимо, не сильно уповая на соблюдение «священного права убежища» в эти «Темные века» местные жители и духовенство издавна стремились возводить культовые христианские сооружения таким образом, чтобы они в случае необходимости могли создать хотя бы некоторую защиту укрывшимся в них жителям. Во многих городах храмы, возводившиеся в эти беспокойные времена, чаще всего стремились соорудить прилегающим непосредственно к крепостным стенам. Например, в городке Теруане (Terouanne) при сооружении церкви строители просто «наложили» полукруглую апсиду на уже существующий до этого галло-романский пояс городских стен, образовав своеобразный гибридный «культово-фортификационный» интерьер. Известно, что подобное строительное решение было реализовано в эпоху раннего средневековья во многих городах, например в Дижоне (Dijon), Туре (Tours), Ле Мане (Le Mans), Анжере (Angers), Нанте (Nantes), Суассоне (Soissons), Нуайоне (Noyon), Сенли (Senlis), Колонь (Cologne), Бурже (Bourges), Каоре (Cahors), Бордо (Bordeaux), Родезе (Rodez), Тулузе (Toulouse), Сен-Лизьере (Saint-Lizier)¹.

Территория Южной Франции, Каталонии, Басконии (Гаскони) и Наварры не являлась исключением, но, наоборот, именно в этот период наследница «Нарбоннской Галлии» являет нам примеры массового строительства укрепленных монастырей. При этом стоит отметить тот факт, что нас не должны путать многочисленные названия этой территории, встречающиеся в документах той эпохи, —

---

¹ См.: С. Enlart. *Villes mortes du moyen dye*, 1920. P. 22; Можно также обратиться к работе: М.А. Blanchet. *Les enceintes romaines de la Gaule*. Paris, 1907.

Нарбоннская Галлия, Готия, Вестготия, Окситания, Септимания и пр. На мой взгляд, одна этимология не исключает другой, но, как бы там ни было, они скоро будут забыты, и уже в VII в. «Septimania» понималась как совокупность семи «городов» — так, Исидор Севильский употребил однажды выражение «Septem oppida». Впрочем, их набор и даже количество не были неизменными. Согласно *Notitia Galliarum*, в составе Первой Нарбоннской Галлии насчитывалось всего пять *civitates*: Нарбон, Тулуза, Безье, Лодев и Ним. Другие города обретут этот статус в течение V столетия. Каркассон и Эльн обязаны своим возвышением, скорее всего, военному фактору: первый — положению стратегически важной крепости на границе с франками, второй — необходимости организовать оборону пиренейских перевалов, также возникшей именно в это время (при римлянах они редко подвергались угрозе). Римский Каркассон был достаточно важным центром, расположенным на одной из главных дорог Империи и упоминаемым во многих источниках. Эльн, как и «Ruscino» (давший уже в VIII—IX вв., топоним Roussillon) и другие восточно-пиренейские *oppida*, были в эпоху Домината глухой периферией «города Нарбон» и известны главным образом благодаря раскопкам. Военный фактор, несомненно, сыграл ключевую роль в возвышении Изеса, оказавшегося за пределами Септимании. Именно Изес с начала VI в. был форпостом франков на границе с вестготами. Чем объясняется изменение статуса Агда и особенно Магелона, который никогда не был городом в собственном смысле слова, а лишь епископской резиденцией, — остается загадкой. Важность церковного фактора очевидна, но почему и зачем были созданы эти небольшие епископства, мы не знаем. С другой стороны, в ходе франко-вестготских войн Лодев постоянно переходил из рук в руки. По крайней мере, в 535 г. епископ этого города участвовал в соборе галльских епископов в Клермоне, а в 589 г. — в соборе испанских и септиманских епископов в Толедо. Составленная при вестготском короле Вамбе *Divisio terminum episcopatuum* называет его в числе восьми (а не семи!) городов «Нарбоннской провинции». Во главе каждой из септиманских *civitates* стоял граф (*comes*), вся же область в целом считалась *ducatus*. Борьба за эту территорию продолжалась почти до самого конца существования Вестготского государства, и, несмотря на некоторые успехи франков, она осталась вестготской, что имело далеко идущие последствия для ее социально-правового облика и политического определения. Начиная с VI столетия франкские авторы все чаще называли ее «Готией», что, похоже, больше соответствовало разговорному языку, чем Септимания («семиградье»). Испанцы же говорили: «провинция Галлия», «Галлия» или — на старый и более ученый лад — «Нарбоннская Галлия». Последний топоним можно

встретить и у франкских писателей, иногда в сочетании с топонимом «Септимания». Прованс оставался достаточно устойчивым политическим образованием на протяжении почти всего Средневековья. Территориальное единство более раздробленного Лангедока не в последнюю очередь обеспечивалось тем, что он почти совпадал с Архиепископством Нарбонским¹.

С другой стороны, тот факт, что в XI—XIII вв. целый ряд графств, виконтств и баронств Лангедока и сопредельных с ним областей контролировался одним и тем же феодальным родом Тренкавелей, не мог не повлиять на географическое единство документации местных монастырей, капитулов и епископских кафедр. Сказанное в известной мере касается и нарративных источников, создание и дальнейшая судьба которых подчиняются действию несколько иных законов, в целом менее жестких. Например, агиографические тексты, связанные с монастырем св. Веры в Конке (расположенным в Родезском диоцезе, близ границы с Керси), как и его картулярий, в значительной своей части повествуют о событиях, имевших место в Тулузене, Каркассэ и других районах Лангедока. В силу этих соображений под Средиземноморской Францией (Окситанией) понимается территория, не обязательно совпадающая с историческими провинциями в их Средневековых или предреволюционных границах. Переводя это понятие на язык современного административного деления, это территория следующих департаментов: Буш-дю-Рон, Вар, Воклюз, Приморские Альпы, Нижние Альпы, Верхние Альпы (составляющие исторический Прованс), Гар, Лозер, Эро, Од, Тарн, Верхняя Гаронна (которые с небольшими оговорками можно соотносить с историческим Лангедоком) и Восточные Пиренеи, Руссильон, часть Каталонии. Притом что Каталония, Наварра, Баскония и Гасконь, Андорра, часть Арагона и Валенсии традиционно входили в мир так называемой окситанской цивилизации. Более условно причисление к средиземноморским департаментам: Арьеж (графство Фуа), Авейрон (область Руэрг, тесно связанная с Лангедоком, но никогда не считавшаяся его частью), Ардеш (его северные кантоны тяготеют уже к Лиону) и Тарн-и-Гаронна, расположенного на границе Лангедока и Керси. Целесообразность такого причисления объясняется либо территориальным единством какого-то комплекса источников, либо временной общностью социально-исторических судеб этих областей с судьбами собственно Средиземноморской Франции².

---

¹ См.: Материалы взяты из Коллекции руссильонского адвоката Ф. де Фосса (1725—1789), с 1963 г. хранящейся в Архиве департамента Восточные Пиренеи.

² Там же.

«Великое переселение народов», мощными потоками захлестнувшее и систематически разрушавшее Римскую империю и, как следствие этого, — ускорившее процесс образования так называемых Варварских королевств на римских землях, было изначально основной причиной, которая вынуждала Церковь придавать своим культовым сооружениям фортификационный характер, приспособляя их к обороне от частых и внезапных набегов незваных пришельцев¹. В римском обществе, которое распадалось под ударами свежих сил, Христианская Церковь, хранительница культурного наследия римской цивилизации и ее культурных сокровищ, была подвержена нескончаемым грабегам как на севере и западе Галлии (германцами и норманнами), так и на юге Галлии и Испании (арианами-вестготами и сарацинами). Немецкий ученый Ульгорн (Uhlhorn) замечательно точно характеризует роль Церкви в эту переломную эпоху истории: «Что стало бы с Римским государством без христианства! Одним Церковь оказала помощь, несчастья других облегчила, иным осушила слезы. Древний мир должен был умереть, и этого предотвратить было не в состоянии христианство, но оно, по крайней мере, сделало то, что умирающий мир нашел в нем утешение и успокоение. Церковь присутствовала при последнем часе умирающего, окружая его нежной заботой и облегчая его с такой гуманностью, о которой древний мир даже в цветущее его время и понятия не имел».

И продолжает Ульгорн (Uhlhorn): «Вот над страной пронеслись полчища диких народов, села и города лежат в пепле, но продолжает жить христианская Церковь и начинается ее деятельность. Храмы, капеллы, госпитали и монастыри, богадельни снова возникают, эти здания прежде других поднимаются из пепла. Организуется помощь потерпевшим, церковные житницы растворяются, несчастные жители имеют хлеб и питье. Церковь не отказывает им и в крове. Вместе с материальной помощью получают они и духовную. А народ, бывший причиной общественного бедствия, народ варварский, непривыкший к труду, презиравший труд, под благодетельным влиянием монастырей приучается к труду. **Монастыри** везде были исходными пунктами новой культуры»².

Торговая жизнь того времени едва теплилась лишь в некоторых сильно укрепленных портовых городах, в частности в Марселе и Нарбонне, но сведения об этом не очень конкретны. В отличие от более раннего времени в море выходили неохотно из-за боязни мав-

---

¹ Более подробно об этой эпохе см.: *Альфан Л.* Великие империи варваров. М.: Вече, 2006.

² Цит. по: Uhlhorn. Die christliche Liebesthatigkeit in der alten Kirche. Zweite Auflage, 1882.

ританских пиратов. Так, когда в 953 г., в надежде приструнить арабских разбойников из Ле Френэ, Оттон I отправил в Кордову посольство, его эмиссары спустились вниз по Роне от Лиона «до условленного места», откуда свернули, по всей видимости, на *Via Domitia* и прибыли в Барселону по суше. В Рим также предпочитали добираться по суше, хотя и Альпийские перевалы в то время были далеко не безопасны. Геральд Орильякский, выбравший для своих регулярных паломничеств дорогу из Лиона в Турин (по-видимому, через Бриансон) на рубеже IX—X вв., столкнулся здесь с некими *maugusi*, в которых соблазнительно увидеть обосновавшихся на юге Прованса мавров, хотя в действительности речь, наверное, идет о никому неподвластных жителях гор, то грабивших путешественников, то нанимавшихся им в проводники и нередко выступавших заодно с мусульманами. Флодоард также исходил из того, что паломники идут в Рим через Альпы, несмотря на то что здесь их подстерегают сарацины и прочие разбойники, от чьих рук в 931 г. принял смерть даже Архиепископ Тура. В 942 г. в этих же местах нападению неких разбойников, именуемых *magrones*, подвергся кортеж Ключийского аббата Одона. В 972 г. его преемник, Майоль, также возвращался из Рима через Альпы, где и его настигли вездесущие сарацины. Как известно, этот случай переполнил чашу терпения христиан; несколько месяцев спустя, предварительно выкупив святого аббата, знать Прованса и Пьемонта положила конец арабскому присутствию в Ле Френэ. Эти факты как нельзя лучше иллюстрируют тезис о сугубо сухопутном сообщении между даже Францией и Италией в X столетии, несмотря на очевидный риск, паломники и послы предпочитали горные перевалы еще более беспокойному морю. В этих условиях выраженный сухопутный облик приобрела и торговля. Наибольшее значение имела древняя римская магистраль, ведущая из Арля в Нарбонн и далее в Испанию. Дорога из Нарбонна в Эльн именуется в каталонских документах «Торговой». Оживился и старый торговый путь из Нарбонна в Каркассон и Тулузу; по нему везли в первую очередь соль. На север, помимо долины Роны, вела дорога, начинавшаяся в Пезенасе и шедшая через Лодев на Мийо и далее в Овернь. В Марве-жолле она встречалась с другой, начинавшейся в Ниме и пересекавшей Севенны по линии Андуз — Флорак — Манд, у самого подножья горы Лозер. Лодев и Андуз не случайно оказались в числе очень немногих удаленных от моря населенных пунктов, применительно к которым от каролингской эпохи сохранились свидетельства о рынках и торговых сборах. Что же касается Прованса, в природно-географическом отношении заметно более «закрытого», чем Лангедок, и разделенного на достаточно замкнутые районы, главными внутренними артериями оставались реки, прежде всего, естественно, Рона и Дюранс. Судя по маршрутам паломников,

вдоль побережья здесь ездить избегали; Альпы пересекали вдали от моря, никак не южнее Бриансона, откуда открывалась дорога на Турин и долину реки По¹.

По мере относительной стабилизации варварских набегов к VIII в. у Церкви появляется новый враг, не менее жадный и хищный, чем варвары и мавры, — свой же «брат во Христе» местный феодал (алчность и жестокость которого порой была не меньше чем у «нехристей»). Картулярии старейшего аббатства Сен Бертен (*Cartulaire de Saint-Bertin, par Guerard. Preface, p. XLIV.*) поведали нам о том, что в IX столетии аббатству приходится защищаться на два фронта: от норманнов и местного графа Бодуэна Фландрского, захватившего монастырь Сен-Бертен (а затем и аббатство Сен-Омер) в 900 г. и превратившего его в свой укрепленный замок, не забыв конфисковать в свою пользу и богатства обители. Так что после неверного и еретика естественным врагом Церкви частенько становится местный сеньер, человек жестокий, алчный и воинственный². Такова была эпоха, и таковы были условия, которые могут объяснить нам, почему Церкви приходилось заранее прибегать к поиску средств защиты при возведении культовых христианских сооружений практически повсеместно. Причем подобная картина наблюдается в указанный период как на христианском Востоке (например, в Египте или св. Горе Афон, где монастыри становятся настоящими крепостями)³, так и на христианском Западе, где первоначально аббатства и церкви укреплялись весьма поверхностно (например, ранний план аббатства Сен-Галлен)⁴. Обилие строительного леса на просторах Британии, Германии, Галлии и Ближней Испании в V–IX вв. позволяло быстро и недорого возводить многочисленные культовые сооружения и хозяйственные постройки, которые, впрочем, были мало приспособлены к обороне в случае внезапного нападения. Значительное число примеров, подтверждающих подобную практику, мы можем отыскать в работах зарубежных медиевистов. Так, например, церковь монастыря Молем (*de Molesme*), выходцем которого был св. Робер (*Saint Robert*), впоследствии основатель аббатства Сито, первоначально была возведена из дерева

---

¹ См.: Материалы из Коллекции руссильонского адвоката Ф. де Фосса (1725–1789), с 1963 г. хранящейся в Архиве департамента Восточные Пиренеи.

² См.: *Лебек С.* Происхождение франков V–IX века. М.: Скарабей, 1993. С. 188–206.

³ См.: *Didron Voyage au Mon Athos (Annales archeol., 1846. P. 138).*

⁴ См.: *J. Flach Etudes sur les origines et les vieissitudes historiques de l'habitation en France.* Или капитальный труд *A. de Foville Enquete sur les de l'habitation, les maisons-types, t. II, 1899. P. 72.*

в 1075 г., точно так же была построена посреди глухого леса первая церковь Сито (de Cîteaux) в 1098 г. Цистерцианское аббатство Фонгийом (de Fonguillem) в Базаде (en Bazadais), основанное в 1124 г., первоначально возводило свои церкви и часовню из древесины и лишь спустя несколько лет уже реконструировало их в камне¹.

Хроники средневековой Франции X–XII вв. довольно подробно описывают характерные черты и укрепления подобных сооружений. Так, например, некий Жан де Кольмье описывал строительство укреплений замка Мершем, призванного защитить находящуюся рядом церковь. «Существовала традиция, — пишет де Кольмье, — по которой знатные и богатые люди в этой провинции, которым приходилось жить в постоянной вражде и войнах, поскольку они стремились обезопасить себя от своих врагов и с помощью силы либо завоевать владения равных, либо угнетать стоявших ниже, насыпали холм как можно выше, выкапывали вокруг него широкий и глубокий ров. Вместо стены они укрепляли вершину холма высокой оградой vallo из плотно пригнанных деревянных досок. По периметру ограды по возможности строились башни. Внутри ограды строили дом или цитадель (arx), который позволял контролировать всю территорию»². Жан де Кольмье в своем описании укрепленного замка Мершем не детализирует подробно внешний вид и структуру замковой башни-донжона (цитадели). Однако хронист Ламберт Ардрский оставил нам подробное описание мощной трехэтажной деревянной башни-донжона, возведенной неким Луи из Бурбурга для сеньера Ардра, Арнаульда приблизительно в 1099 г.³ Согласно его описанию постройка была довольно сложной по конструкции и ее возведение потребовало значительного труда. Нижний этаж деревянной башни занимали подвалы, склады и амбары с зерном. На втором этаже располагались основные жилые помещения, в том числе главный зал, кладовые и комнаты для господ и прислуги. Третий этаж занимали спальни сыновей и дочерей хозяина, а также караульное помещение для гарнизона башни-донжона. Для нас интересен тот факт, что в восточном крыле второго этажа находилась выступающая пристройка *logium*,

---

¹ По этому вопросу см.: Сборник текстов, относящихся к истории архитектуры средневековой Франции за 1911 г. — *Vila sancti Roberti*, с. II, num. 8; texte dans Victor Mortet: *Recueil de textes a l'histoire de l'architecture et a la condition des architectes en France au Moyen Age, XI–XII-e s.*, 1911. P. 296, note 4. И еще там же — V. Mortet, *ibid.*, p. 295.; *Gallia Christ.*, t. I, *Instrum.*, col. 190 et col. 1220–1221.

² Цит. по: *Гамильтон Томпсон А.* Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2011. С. 79–80.

³ Там же. С. 81.

или зал-приемная, над которой на третьем уровне располагалась замковая капелла, «...построенная таким образом, что ее рисунки и резьба напоминали Храм Соломона»¹. Итак, мы видим, что в указанных хрониках речь идет конкретно об укрепленном замке с башней-донжоном, который или прикрывает расположенную рядом с ним церковь, или непосредственно содержит в своей изначальной планировке укрепленное культовое сооружение — капеллу.

Весьма интересен для нас тот факт, что помимо тех редких в эту эпоху случаев, когда церкви и монастыри находились внутри городских стен и были защищены ими, аббатства и церкви, возводимые вне городов, имели потребности в сооружении земляных укреплений (рвов и валов) или стен ограждения. Наиболее ранние фортификационные сооружения, примененные в культовых зданиях, мы встречаем в монастырском комплексе Сен-Флоран-ле-Вьей (Saint-Florent-le-Vieil) в Анжу (Anjou), построенном в 1030 г., в аббатстве Фульк Нерра (Foulque Nerra) на горе Гломм (Glomme), которое было защищено, помимо стен, горой и лесным массивом, или в аббатстве Сен-Трон (Saint-Trond) во Фландрии, которое было укреплено аббатом Аделяром II (Adelard II) в середине XI столетия². Подобные культовые деревянные сооружения, имеющие фортификационный характер, охваченные пожаром, можно видеть также изображенными на знаменитом ковре из Байо, датируемым XI в. В биографии епископа Иоанна Теруэнского, составленной около 1130 г., есть описание одного из таких церковных укреплений: «Епископ Иоанн, объезжая свой приход, часто останавливался в Мэрчеме. Возле церкви находилось укрепление, которое с полным основанием можно назвать замком. Он был построен по обычаю страны бывшим лордом этой местности много лет назад. Здесь, где благородные люди большую часть жизни проводят в войнах, приходится защищать свое жилище. Для этого насыпают холм земли такой высокий, насколько это удастся, и окружают его рвом, широким и глубоким, насколько это возможно. Вершину холма окружают очень крепкой стеной из отесанных бревен, располагая по окружности изгороди маленькие башенки — столько, сколько позволяют средства. Внутри изгороди ставят дом или большое здание, откуда можно наблюдать, что происходит окрест. Войти в крепость можно только по мосту, который начинается от контрэскарпа рва, поддерживаемый двумя, а то и тремя опорами. Мост этот поднимается до

---

¹ Цит. по: Гамильтон Томпсон А. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2011. С. 82

² См.: V. Mortet, *idem*. P. 21; Pertz: *Script.* T. X. *Gesta abb. Trudon*, p. 242, цит. по: V. Mortet p. 324–326.

вершины холма»¹. Интересно, что далее биограф повествует о том, как однажды, когда епископ и его свита поднимались по мосту, который обвалился, люди с высоты 35 футов (11 метров) упали в глубокий ров. Согласно мнению ряда историков, таких как Э. Окшотта (Ewart Oakeshott), или А. Гамильтон Томпсона (A. Hamilton Thompson), именно под непосредственным влиянием укрепленных монастырей во Франкском королевстве, для защиты от набегов викингов, начинают возводиться и первые светские деревянные замки. Укрепления этого типа, как и укрепленные монастыри, первоначально представляли собой земляные сооружения — продолговатый или округлый ров и земляной вал, окружавшие сравнительно небольшую площадку, в центре или на краю которой располагался высокий насыпной холм. Сверху земляной вал венчался деревянным частоколом, такой же частокол располагался и на вершине холма. Внутри деревянного палисада находились деревянные строения и высокая деревянная башня (прототип будущего донжона). Подобная схема постройки укрепленных церковных и светских сооружений сохранялась практически по всей Европе до X—XI вв.² Например, в Нормандии сохранилось значительное количество развалин таких укреплений. Знаменитый замок Домфрон (Domfront) в департаменте Орн, который был заложен Гийомом Тальвой (ум. 1030), основателем дома Беллем (Bellem). Или в провинции Анжу, где представитель высшей Алансонской знати — Робер сын Жируа в 1061 г. возводит по аналогичной схеме свои родовые замки Ла-Рошсюр-Иже и Сен-Сенери³. Перечисленные выше факты можно свести к следующим выводам:

1. Укрепленные замки (башни-донжоны), защищающие культовые сооружения, возводятся во Франции, Каталонии, Англии на всем протяжении уже раннего Средневековья.

2. В своей первоначальной простейшей форме эти укрепления состоят из земляных рвов, валов, деревянных стен и башен, окружающих внутреннее пространство.

3. Укрепления монастырей и замков на раннем этапе их развития практически полностью возводятся из дерева и поэтому не сохраняются в позднейший период времени.

---

¹ См.: Окшотт Э. Оружие и доспехи Европы. С древнейших времен до конца Средневековья / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2009. С. 580—581.

² См.: Окшотт Э. Там же. С. 580—581.

³ См.: Гамильтон Томпсон А. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2011. С. 78—79.

1.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ EGLISES FORTIFIEES ОКСИТАНИИ

Сохранилось достаточное количество источников, которые повествуют нам о причинах и этапах основания и последующих перестроек укрепленных галльских монастырей и церквей в период времени до конца X — начала XI в., когда началось повсеместное возведение каменных культовых сооружений. Согласно мнению ряда историков, например С. Левека, до VIII столетия в западной Церкви еще не существовало строгой иерархии монашеских орденов, и каждый монастырь оставался относительно независимой единицей, что наглядно отражалось в отсутствии единого плана обителей и монастырских структур. Например, обитель во Флери имела внутри две церкви, монастыри в Нивель, в Центум (Сен-Рикье), основанные в 625 г., и в Фонтенеле (Сен-Вандрий, основан в 649 г.) — по три церкви каждый, в аббатстве Жюмьеж (Сен-Филибьер) было пять церквей. Относительно последнего монастыря есть интересное описание в «Житии св. Филибьера» конца VII в., повествующее о проведении строительных работ по замене деревянных монастырских сооружений каменными (в том числе фортификационными). «Именно тогда были предусмотрительно сооружены **стены с башнями** на квадратной площадке, а также прекрасные покои для гостей (...). За стенами открывается взорам мирная обитель, достойная монахов. В восточной стороне возвышается храм крестовидной формы (с алтарями, посвященными Деве Марии, Святому Иоанну и святому Колумбану, а также с гробницей святого Филибьера); на севере находится небольшой храм, воздвигнутый во славу блаженного мученика Дионисия и исповедника Жермена; слева — храм Святого Петра, рядом — часовня, посвященная святому Мартину, на юге — склеп, где покоятся мощи святого Филибьера, ставшие предметом поклонения. Монашеские кельи (постройка длиной в 90 метров) занимают восточную сторону. Лучи, проникающие сквозь оконные витражи, освещают книги, делают их разноцветными, помогая глазам читателя. Внизу находится трапезная...»¹. Перед нами достаточно подробно и точно описан план монастыря: наличие литургического пространства, защищенность крепостными стенами и башнями от внешних угроз, открытость и гостеприимство для паломников-христиан, желающих приложиться к мощам святых угодников, часовни и мартирии, общая трапезная и общие кельи, соответствующие общежительному монашескому уставу св. Бенедикта Нурсийского, библиотека, где сосредоточена «книжная пре-

---

¹ Цит. по: Vita Filiberti; перевод на франц. Язык Мишеля Молла (M. Mollat et Rene Van Santbergen "Le Moyen Age", — Liego, 1961).

мудрость», и даже витражи (конец VII в.), дающие освещение этому книгохранилищу и создающие определенный духовный настрой.

На юге Франции распространение монастырей связано с именем Преподобного Иоанна Кассиана (ок. 360—435), ученика знаменитого Константинопольского патриарха и учителя Церкви — Св. Иоанна Златоуста. В 404 г. Кассиан прибывает в Рим к папе Иннокентию I с посланием от Константинопольского клира просить защиты несправедливо осужденному и сосланному Константинопольскому патриарху св. Иоанну Златоусту, но, когда его миссия не имеет успеха, Иоанн Кассиан остается на Западе. В Риме Кассиан сближается с будущим папой Львом Великим, а около 410—416 гг. преподобный Иоанн прибывает в Марсель, где и основывает два наиболее известных и прославленных монастыря: мужской — монастырь Сен-Виктор и женский — Христа Спасителя¹. Аббатство Сен-Виктор (аббатство Святого Виктора) — мужской монастырь в Марселе, основанный преподобным Иоанном Кассианом в V веке вблизи могил массалийских мучеников, одному из которых — святому Виктору († в ок. 303) — он и посвящен. Это один из самых первых монастырей Галлии (после Лигуэ и Мармутье, основанных святым Мартином Турским, и знаменитого Леринского монастыря преподобного Гонората). Аббатство считается самой первой монашеской обителью Галлии, расположенной непосредственно в городской черте). Здесь Кассиан пишет свои знаменитые книги: «О постановлениях киновитян» (*Institutes*) и «Собеседования египетских подвижников» (*Conferences*), в которых он, основываясь на своем опыте, приобретенном в египетских пустынях, пытается соединить общежительный уклад с высоким подвижническим духом отшельничества. Эти труды, адресованные и посвященные различным галльским аббатам и основателям монастырей, в V—VI вв. становятся наиболее авторитетными аскетическими писаниями в Галлии, Окситании, Испании и в других странах Европы. Оставаясь бессменным настоятелем монастыря Сен-Виктор, преподобный Иоанн Кассиан более не покидал Марселя до самой своей кончины в 435 г. (сегодня в Марселе память преподобного Кассиана отмечается ежегодно 23 июля). Монастырь оказывал существенное духовное влияние на всем пространстве Окситании от времени своего основания до начала второго тысячелетия.

Аббатство Сен-Виктор сразу же становится колыбелью восточно-православного христианства в Южной Галлии, имея многочисленные филиалы в Испании, Сардинии, Сирии, и настоящей богословской школой для всех последующих поколений, например, одним из настоятелей монастыря был будущий папа Урбан V (1362—1370).

---

¹ См.: Gennadius. *De script. Eccl.*, 61. Возможно, женский монастырь был основан преп. Кассианом для своей сестры (см.: *Instit.*, XI. 18).

В бурном V столетии монастырь Святого Виктора, как и вся Церковь Марселя, был связан с ересью полупелагианства, которая появилась благодаря отдельным плохо понимаемым и неверно толкуемым местам в богословских трудах Иоанна Кассиана. Марсельский мирянин Хилари и монах святой Проспер из Аквитании в этот сложный период просто умоляют Святого Августина и Папу Селестина I о жестком подавлении этого сильного еретического движения. Позднее, во время мощной исламской экспансии на Запад, в VIII–IX веках оба марсельских монастыря (мужской и женский) были полностью разрушены и разграблены сарацинами. Произошло это либо в 731 г., либо в 838 г., именно тогда аббатиса женской обители Святая Евсевия была причислена к числу мучеников вместе с 39 монахинями своего аббатства. Впоследствии женский монастырь Христа Спасителя так и не смог восстановиться от погрома. К середине X столетия у аббатства Сен-Виктор уже сформировалась слава настоящей архитектурной школы так, что со всех уголков Окситании к аббатам монастыря обращаются за помощью при возведении других монастырей¹ (рис. 1.3).

Рис. 1.3. Вид на Сен-Виктор со стороны Марсельского порта.
Фото автора 2009 г.

В первой половине XI в. происходит новое «возрождение» аббатства Сен-Виктор, а сам монастырь был заново отстроен и укреплен Святым Уилфредом, ставшим незадолго до этого его аббатом. Аббатство быстро набирает духовный и политический вес, поскольку его братия сохраняет связи с королевскими семьями Франции, Каталонии и Сардинии, приобретая и получая в дар даже земли

¹ См.: Картулярий изданный Жераром (Guerard) — V. Cartulaire, t. I, 1857. Preface, p. XXXII.

в Сирии. Монументальный «Полиптих Сен-Виктор», завершенный в 814 г., состоящий из большой реестровой книги (конец XI — начало XII в.) и малой реестровой книги (середина XIII в.), наряду с различными документами, датируемыми от 683 до 1336 г., позволяет нам сегодня оценить, насколько велика была религиозная, политическая и экономическая роль этого аббатства в Средние века. Благословенный Гильом Гримор, провозглашенный аббатом 2 августа 1361 г., в 1362-м стал Римским Папой, Урбаном V. Он увеличил размеры самой церкви и заново обнес аббатство высокой и прочной зубчатой стеной. Он также дал аббатству епископскую юрисдикцию и назначил несколько районов и деревень к югу от города ему в епархию. Урбан V посетил Марсель в октябре 1365 г., освятив большой алтарь церкви. В мае 1367 г. он вернулся в аббатство и провел там реконструкцию (рис. 1.4).

Рис. 1.4. Башни аббатства Сен-Виктор. Фото автора 2009 г.

Однако начиная с XV столетия аббатство постепенно приходит в упадок, особенно бурно этот процесс протекал в XVI в., когда появился институт так называемых коммендаторов. Потеря уникальной старинной монастырской библиотеки аббатства Сен-Виктор может быть следствием злоупотребления властью коммендаторов. Содержимое библиотеки может быть исследовано лишь благодаря чудом сохранившемуся каталогу, относящемуся ко второй половине XII в. Скорее всего, это трагическое событие произошло где-то между 1579 и 1591 гг. Интересно, что знаменитый кардинал Мазарини был аббатом Сен-Виктор в 1655 г., а другой известный представитель аббатства — монах Томас ле Фурнье (1675—1745) написал несколько манускриптов, повлиявших на публикации мавристов. Позднее по каким-то сиюминутным причинам 17 декабря 1739 г. Папа Климент XII распустил аббатство Сен-Виктор. А во время Великой Французской революции здания монастыря вообще сносятся практически

полностью. Сегодня от некогда великого очага христианской культуры Южной Галлии сохранилась небольшая часть фортификационных сооружений и действующая монастырская церковь. В 1968 г. в крипту аббатства передана богатая коллекция саркофагов конца IV — первой половины V века, до этого выставленных в музее Замка Борели. Таким образом, сегодня аббатство Сен-Виктор стало вторым по значению музеем христианского искусства первого тысячелетия в Провансе после Арльского музея.

Хотя стены и башни монастырских укреплений Сен-Виктор были окончательно перестроены во времена понтификата Урбана V, однако общая схема и система укреплений XIV в. сохраняла в целом свой архаичный характер V—VI вв. и во многом напоминает фортификационную систему Леринского монастыря Сен-Гоннорат (Saint-Honnorat de Lerins). Именно эта обитель считалась в Средние века самой передовой крепостью всего Средиземноморского побережья Южной Франции и Каталонии¹. Основателем и аббатом Леринского монастыря на уединенном «Острове Святых» в V в. был св. Гонорат епископ Арльский (+426), а затем преп. Фавст епископ Регийский (+490) — второй из великих отцов Галльского монашества после Иоанна Кассиана, оказавший огромное влияние на знаменитого св. Кесария Арльского (480—542). Духовно-религиозное и культурно-историческое влияние, которое Леринский монастырь оказывал на раннехристианское общество Западной Европы, было огромно. Например, достаточно указать тот факт, что епископ Труа Луп, спутник св. Германия епископа Оксера во время апостольской проповеди христианства в Британии в 429 г., был теснейшим образом связан именно с аббатством Лерин (монашеским центром Южной Галлии). Согласно мнению ряда специалистов, появление монастырей в Британии вообще теснейшим образом связано с отцами-монахами Леринской обители². Остров Святого Гонората (его еще называют островом Святого Оноры) составляет всего 1,5 км в длину и 400 м в ширину. Остров этот лежит около побережья Южной Галлии, напротив Канн. Из-за множества ядовитых змей для людей он был практически необитаем. Здесь и сегодня располагается самый старый христианский монастырь, построенный в начале V века. Эта обитель была, по словам о. Серафима (Роуза), главным рассадником православного иночества в Галлии и выросла

---

¹ Их сходство впервые было замечено В. Морте, см.: V. Mortet, *sup. Cit.*, p. 230, note 1.

² Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2007. С. 72. // *Beda Venerabilis, Historia*. I, 20.

исключительно под влиянием монашеской традиции православного Востока¹.

Ее основателем является святитель Гонорат (350—425). Он принадлежал к знатному патрицианскому роду северной Галлии, в его жизнеописаниях есть свидетельства, что в его семье были даже консулы. Тем не менее св. Гонорат вместе со своим братом Венанцием стал подвизаться на одном из островов близ Марселя под руководством отшельника Капразия. В «Житии св. Гонората» говорится, что чем больше братья скрывались от мира, тем сильнее молва об их славных подвигах распространялась по всей Европе. Уже будучи известными на Западе подвижниками, братья отправились в обители Востока, но когда они были уже в Греции, Венанций умер. Тогда св. Гонорат возвратился в Галлию и основал на острове Лерин знаменитый впоследствии монастырь. Там, при постоянных туманах, среди лесов, болот и диких зверей вместе с несколькими единомышленниками стал подвизаться св. Гонорат. Число иноков постоянно возрастало, они заселили не только остров Лерин, но и ближайшие острова. По своей форме жизнь Леринских иноков напоминала полуотшельническую. Братья жили в отдельных кельях и собирались вместе на богослужение. В уединенных местах Лерина и соседнего острова Леро подвизались отшельники-анахореты. Источником существования иноков был труд. Они ловили рыбу самодельными сетями, выращивали хлеб, возделывали виноградники. Письменного устава в обители не было, и жизнь всего этого братства направлялась устными наставлениями св. Гонората, имевшего сан пресвитера. Вот как описывает благотворное действие св. Гонората его ученик, а затем преемник по кафедре св. Иларий Арльский в своем «Похвальном слове» святому. «Вокруг Гонората собираются ищущие Христа, вполне находят Христа... Ибо здесь обитала чистота, святость, вера и добродетель, здесь сияла мудрость и истина... Какого варварства он не укротил? Сколько раз он из лютых зверей делал кротких голубей? ... И чья порочность прежде тяжела была для самих порочных, тех совершенство сделалось увеселением для всех.... благодаря его неутомимой деятельности и оживляющей любви, всем становилось вблизи него легко... Оттого все называли его господином и отцом, и в нем снова находили отечество и родных, которых оставляли в мире»².

Позднее, в 426 г., св. Гонорат становится епископом Арля (Арелата) и продолжает насаждать в полуязыческой Галлии евангельское учение и восточно-православные монашеские идеалы уже в качестве

---

¹ О. Серафим Поуз. *Vita Partium*. — Platina, California, 1988 (Library of Congress Catalogue Card Number 88-060562).

² О. Серафим Поуз. *Vita Partium*. — Platina, California, 1988 (Library of Congress Catalogue Card Number 88-060562).

архипастыря. Преподобный Иоанн Кассиан посвятил ему целых семь из своих 24 «Собеседований египетских подвижников». Постепенно Леринский монастырь становится центром южно-галльской аскезы. Аббатство воспитало множество провансальских епископов, в честь которых названы местные селения: Сен-Валлье, Сен-Эгюльф, Сен-Кассьен. В наши дни на острове также существует аббатство: здесь живут монахи-цистерцианцы (рис. 1.5).

Рис. 1.5. Донжон и панорама аббатства Лерин (Saint-Honorat de Lerins)

Со временем трудолюбивые монахи превратили аббатство Лерин в настоящую крепость, построив мощные фортификационные сооружения, поскольку времена были беспокойные, существовала постоянная угроза нападения со стороны морских пиратов, генуэзцев или сарацин. В 1080 г. аббат Альдеберт II начинает строительство большой башни-донжона, которая прикрывает вход в бухту и сегодня. Примерно к XI столетию аббатство Лерин стало представлять собой мощнейшую крепость, способную противостоять и многочисленным пиратам и сарацинам, благодаря огромному квадратному донжону, возведенному на утесе¹. Соседние острова разделяются узким каналом. Крепость-донжон, расположенная на южной оконечности, — это самое древнее здание монастыря. Дата постройки внутренних готических галерей — ориентировочно XV столетие. Тут же находится просторная мраморная емкость, в которой в случае осады хранились запасы воды. Неплохо сохранилась и часовня Святого Креста, построенная в романском стиле.

Современный комплекс аббатства Лерин был возведен в ходе реконструкции уже в XIX в. на развалинах средневековых сооружений, и для того, чтобы понять и прочесть архитектурно-фортификационную концепцию дороманского и романского периода, нам стоит обратиться к аналогичному сооружению, именуемому сегодня

---

¹ См.: Leon Palustre — Destruction de l'abbaye de Saint-Honorat par les religieux Bernardins — les moines de Lerins (Bullet. Monum., 1876).

«Замок рыцарей», возведенному Леринскими монахами в Каннах (рис. 1.6).

Рис. 1.6. Панорама «Замка рыцарей» в Каннах (Mont-Chevalier), X–XII вв.

Старинный религиозно-фортификационный комплекс «Замок рыцарей» расположен в Каннах на одноименном холме, также называемом «Гора Рыцарей» (Mont-Chevalier). Само основание и дальнейшее развитие этого замка напрямую связано с аббатством Лерин, поскольку изначально этот фортификационный объект являлся фрагментом общей системы укреплений Леринского аббатства. История его такова. Как отмечалось выше, в V в. на острове у входа в бухту Канн основывается монастырь Лерин. В 960 г. граф Прованса Гильом I Освободитель дает разрешение на строительство замка Родоарду из рода Грасс. В 1030 г. старший сын Родоарда — Гильом-Груетт продает часть своих земель, в том числе замок и бухту Канн аббатству Лерин. В 1080 г. аббат Альдеберт II начинает строительство большой башни-донжона, которая прикрывает вход в бухту и сегодня. В 1131 г. граф Прованса подтверждает права Леринского аббатства на сам замок и город Канны и освобождение их от налогов. Позднее, в 1178 г., расположенное на холме Суке укрепление упоминается в документах как крепость «Марселинна». В этот период времени здесь уже, помимо монахов, проживают горожане и построены жилые дома, больница и церковь Нотр-Дам-де-Пуи. Насельники обители, помимо своих монашеских обетов, обязаны были нести дозорную службу, ведя систематическое наблюдение за побережьем. Известно, что в 1327 г. ими организовывается система сигналов огнями между башней и расположенным на острове монастырем. Позднее, в 1365 г., проводятся работы по дальнейшему укреплению башни-донжона, а сама башня надстраивается. После многочис-

ленных династических и политических альянсов в 1388 г. город Канны вместе с замком и с прилегающими территориями отходят герцогам Савойи. А в 1447 г. монашеская община, подвизающаяся на замковом холме, добивается полной административной и финансовой независимости от аббатов монастыря Сен-Лерин. Когда в 1481 г. городок Канны становится частью Французского королевства, замковые и монастырские укрепления автоматически становятся частью государственной системы защиты побережья от разбойников. Позднее, уже в XVI столетии, возводится новая церковь Нотр-Дам-де-л'Эсперанс, способная вместить большее число прихожан, а старая монастырская церковь переименована в часовню св. Анны (рис. 1.7).

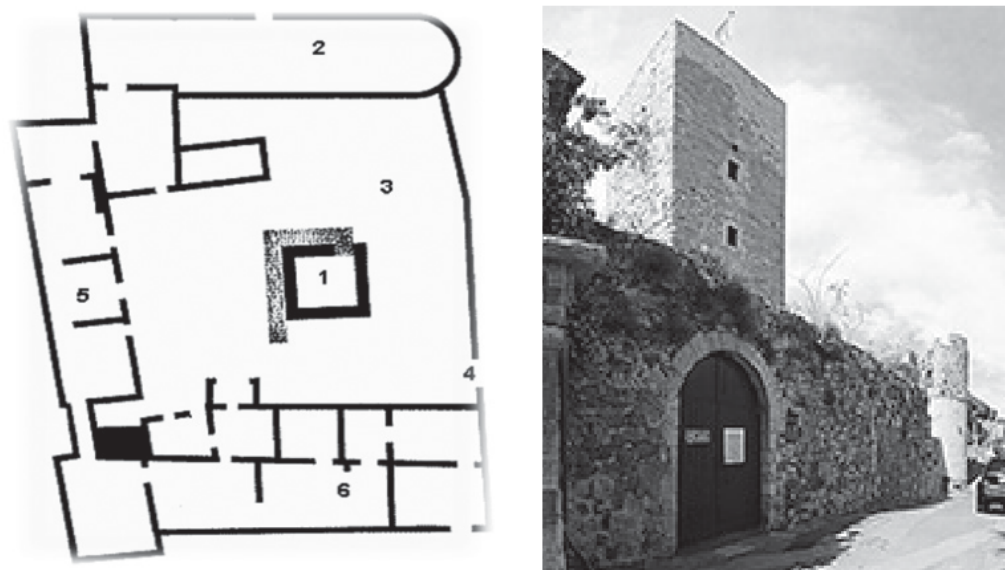
Рис. 1.7. «Замок рыцарей» и укрепленная монастырская церковь св. Анны в Каннах на холме Mont-Chevalier X–XII вв. Фото автора 2009 г.

К великому сожалению, в бурный революционный период XVIII–XIX вв. большинство монастырских и городских укреплений постепенно сносятся и заменяются улицами. Однако чудом сохранившийся «Замок рыцарей» с его романскими укреплениями и монастырской церковью св. Анны дает некоторое представление о системе фортификации монастыря. Сам замок находится на вершине, называемой «Гора Рыцарей» (Mont-Chevalier), доминирующей над гаванью городка Канны. Общая высота горы не превышает 66 м над уровнем моря, что, однако, позволяло контролировать практически все подступы к городу и монастырю (сегодня не сохранившемуся) (рис. 1.8).

Ядро замковой обороны (цитадель) в своей планировке имеет форму прямоугольника 30 x 40 м по периметру. В центре двора стоит старейшая и наиболее интереснейшая постройка монастырского замкового комплекса дороманского периода. Это отдельно стоящая в центре, изолированная от каких-либо замковых укреплений, башня-донжон высотой 21 м. Материал, из которого возведена

башня-донжон, — традиционные камни небольшого размера, отесанные относительно правильно и уложенные на раствор.

Рис. 1.8. План замка: 1 — Донжон; 2 — Часовня св. Анны; 3 — Двор; 4 — Ворота; 5 — Западное крыло; 6 — Южное крыло

Интересно, что раствор, игравший у римских строителей роль преимущественно вяжущего материала, в дороманский период и особенно романскую эпоху приобретает совершенно новое назначение. Раствор служит в качестве пластического материала, проложенного между рядами камней, для равномерного распределения и передачи давления в кладке¹. Внимательно изучив кладку стен башни, мы видим, что зодчие уже вполне отказались от римско-византийского принципа чередования каменных и кирпичных рядов при возведении стен. Перед нами уже вполне сложившийся западноевропейский прием IX–X вв., ставший впоследствии практически неизменным правилом строителей в романскую и готическую эпохи. Каменный блок укладывается в совершенно отесанном виде и после кладки уже не подвергается дополнительной обработке. Как можно заключить с конструктивной точки зрения, это было связано с тем, что теска камня после укладки на растворе создавала реальную угрозу расшатывания кладки и потере прочности всей конструкции. Другой вероятной причиной могла быть реальная экономия средств и сил, возникающая при транспортировке уже готовых отесанных блоков по сравнению с необработанными камнями. Сама кладка стен еще вполне «варварская», поскольку камни отдельных рядов не стандартны и имеют различные размеры. Лишь приблизительная однородность стены достигается подбором более или менее одина-

¹ См.: Шуази О. История архитектуры: в 2 т. М.: В. Шевчук, 2005. Т. II. С. 136.

ковых каменных блоков и выравнивающей функцией раствора. В самом массиве стены также отсутствуют мощные угловые блоки, которые специально отесывались для кладки углов, но позднее они все-таки появятся уже в романский период.

Из тех немногих сохранившихся сведений о дороманских культовых сооружениях, например в Туре и Нарбонне, мы знаем, что с VIII—IX вв. церковные и монастырские башни-колокольни выполняли роль оборонительных сооружений, все более приобретая характер феодальной сторожевой башни-донжона¹. Нередко, особенно в Италии и Южной Франции, башня-колокольня отделена от основного церковного здания, что еще более подчеркивало ее оборонительную функцию донжона. Мы знаем, что во Франции квадратные каменные башни-донжоны стали сменять деревянные сооружения довольно рано. Известно, что в крепости Ланже (департамент Эндр и Луара) Фульк Черный граф Анжу приказал возвести каменную башню-донжон еще в 992 г., хотя А. Сен-Поль считал, что это произошло в 993 г. (Фульк Черный был графом Анжу с 987 по 1039 г.). Главный вход в башни-донжоны X—XI вв. почти всегда располагался на втором этаже, хотя иногда, как в случаях с замками Дувр, Ньюкасл и Норидж (Англия), вход мог находиться на третьем этаже и вел непосредственно в жилые помещения². Обычно металлическая или деревянная лестница, ведущая на второй этаж, примыкала к стене башни и располагалась под прямым углом к дверному проему или поворачивала за угол башни. Видимо, именно по этой причине вход в Каннскую башню в полном соответствии с дороманскими и ранне-романскими правилами фортификации находится на втором этаже, причем современная стационарная металлическая лестница была пристроена значительно позднее (рис. 1.9).

Попасть на первый этаж башни можно было только спустившись через специальный люк, расположенный в полу второго этажа. Второй этаж, построенный или перестроенный в раннюю романскую эпоху, перекрыт простым цилиндрическим сводом, расположенным под прямым углом к продольной оси башни. Третий этаж башни перекрыт цилиндрическим сводом более позднего романского периода, поскольку он значительно выше (рис. 1.10).

Интересно, что пространство романского зала третьего этажа посередине разделено на два дополнительных этажа, но уже деревянными перекрытиями. С плоской боевой платформы, расположенной на крыше башни-донжона и огражденной каменным парапетом без зубцов, открывается вид на сам город, прилегающие окрестности

---

¹ Шуази О. История архитектуры: в 2 т. М.: В. Шевчук, 2005. Т. II. С. 216.

² А. Гамильтон-Томпсон. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура. М.: Центрполиграф, 2011. С. 177—179.

Рис. 1.9. Башня-донжон в Каннах замка Mont-Chevalier X–XI вв.

Рис. 1.10. Башня-донжон (спуск на 1-й этаж и зал 2-го этажа) X–XI вв.

и далеко в море. Столь знакомый тип зубчатого парапета, где ширина зубцов (мерлонов) равняется ширине проемов между ними, относится к более поздним временам. Об изначальной конструкции крыши башни-донжона можно только догадываться по отметкам, оставшимся на внутренней поверхности стен. Несмотря на то что основным назначением башни-донжона было укрепление обороны, средневековые строители предусмотрели некоторую степень комфорта для обитателей замка, поскольку внутреннее пространство залов второго и третьего этажей могло быть использовано в качестве жилых помещений или хранилищ. Вдоль северной стены стоит романская укрепленная часовня св. Анны, бывшая главной церковью,

пока ее в XVI в. не сменил новый, больший храм. Вдоль всего верхнего периметра крыши тянется сплошная боевая галерея, имеющая характерные зубцы — «мерлоны». Интересное решение укрепления культового сооружения демонстрирует сама апсида часовни, которая одновременно служит полукруглой фланкирующей башней. Подобная оборонительная схема защиты наиболее «сакральной» части культового сооружения (место, где совершается месса-литургия) в дальнейшем получит большую популярность и будет воспроизводиться в многочисленных укрепленных церквях региона. Аналогичную фортификационную схему мы встретим в архитектурных композициях окситанских *eglises fortifiees* Капельно-ле-Лез, Сен-Мари-де-ля-Мер, Сен-Лежье Де Руайя и даже в кафедральном соборе Авилы. Вдоль западной и южной стен (куртин), во внутреннем дворе замка, традиционно располагаются жилые и подсобные постройки. С восточной стороны замка находятся узкие ворота, которые во время внезапного нападения достаточно легко оборонять относительно небольшими силами. Общее впечатление, создаваемое внимательным исследованием данного фортификационного памятника раннего Средневековья, — это простота, надежность и функциональность. Отсутствие какой-либо декоративной отделки, достаточно грубая каменная кладка внешних стен часовни св. Анны и минимальное количество оконных проемов — все это наглядно демонстрирует нам типичную окситанскую *eglise fortifiee* раннероманского периода.

Духовное и материальное влияние, которое монастыри Окситании оказывали на северо-западную и северо-восточную части Европы, было столь велико, что, например, бельгийские аббатства и диоцезы вплоть до XII в. имели организацию монастырского поместья, прямо заимствованную с Юга. С самого начала франкской монархии церковные поместья и церковные диоцезы Фландрии, Лотарингии и Германии создавались по образцу уже известных всей Европе крупных монастырских владений Южной Галлии¹. Справедливости ради стоит отметить тот факт, что ни в Лотарингии, ни во Фландрии нельзя было встретить столь крупных монастырских поместий, как во Франции. Ни одно аббатство здесь не обладало таким влиянием и такими богатствами, как, например, французские аббатства Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Лерин, Сен-Виктор или Корби и Корвей. Зато бельгийские монастыри если и имели меньшие размеры, то их было огромное количество. Будучи рассеяны по всей территории Фландрии и Лотарингии, аббатства Лобб, Сен-Трон, Сен-Аман, Сен-Вааст, Сен-Пьер (Гент), Сен-Ламбер (Льеж) и пр.

---

¹ Сравним карту поместий Сен-Тронского аббатства у Н. Pirenne, *Le livre de l'abbe Guillaume de Ryckel* (Bruxelles, 1896).

оказывали значительное влияние на культуру, нравы и экономику местного населения. Их социальное и культурное значение в аграрный период Средневековья было столь же велико, как впоследствии было значение средневековых городов. Монахи этих обителей начиная с VIII—XI вв., были учителями местного населения не только в области духовной жизни, но и в области экономики, архитектуры, сельского хозяйства и пр. Их монастырские поместья были наиболее совершенными образцами того времени в области ведения рациональных хозяйств и создания прекрасных архитектурных сооружений¹.

Походы Карла Великого и его сына Людовика Благочестивого против мавров в VIII—IX вв. передвинули границу «христианского мира» от Пиренеев до реки Люобрегат на юге Барселоны и способствовали созданию так называемой Испанской (франкской) марки, управляемой графами. Началась кристаллизация марок в независимые единицы, опорными центрами которых часто становились замки, укрепленные монастыри и церкви, поскольку вокруг них быстро росли города и деревни, — так как крестьяне (*pagesos*) заселяли освободившиеся земли Каталонии и Руссильона. Например, в документе, сообщающем об освящении собора города Ургель в 839 г., уже упоминаются 280 укрепленных церквей в Ургеле, Бергеде, Серданье, Риполи, Кардоне и пр.² Среди графов «Испанской марки» второй половины IX в. особенно выделялся «граф и маркиз Барселоны» Гифре эль Пилос (Вильфрид Волосатый, ум. в 898 г.), который дальновидно и энергично осваивал отвоеванные у мавров территории, с энтузиазмом помогая Церкви возводить многочисленные укрепленные монастыри и церкви, служившие опорными пунктами против неверных. Сегодня достоверно известно, что при его непосредственном участии были возведены укрепленные монастыри: Санта-Мария де Формингера (873), Санта-Мария де ля Грасса (878), Сан-Жоан де Риполь (885), Сан-Жоан де лес Абадессес (887), Санта-Мария де Риполь (888) и Сан-Пьер де Риполь (890). Именно с Гифре эль Пилоса, с 870 по 878 гг. захватившего и объединившего марки Барселоны, Ургеля, Серданьи, Осоны, Жероны и Руссильона, берет начало государство графов Барселонских (будущая Каталония). К сожалению, в современной Каталонии сохранилось не так много укрепленных монастырей и церквей того периода, но кое-какие фрагменты культовой христианской архитектуры первого тысяче-

---

¹ Аббат Луиппо из Сен-Трона был «рачительный полевод и скотовод» (*Cultor agrorum et nutritor pecorum strenuus*). — *Gesta abbat. Trud.*, ed. Bormann t. I, p. 63. По поводу различных мелиоративных с/х работ в Лоббе см.: Folquin, *Gesta abbatum Lobliensium* (Gand, 1899).

² См.: R. Hughes — Barcelona, 1992, p. 114.

летия можно увидеть, например, в монастыре Сан-Фелиу де Гуисоль на Коста-Брава (железные ворота — Порта Феррада) или церковь Сан-Эстебана в Вульпеллаке в Вилананте. Остатки некогда грозных укреплений монастыря Св. Феликса можно и сегодня встретить в городке Сан-Фелиу-де-Гуисоль, который расположен в 30 км к юго-западу от Жироны и в 90 км к северо-западу от Барселоны (рис. 1.11).

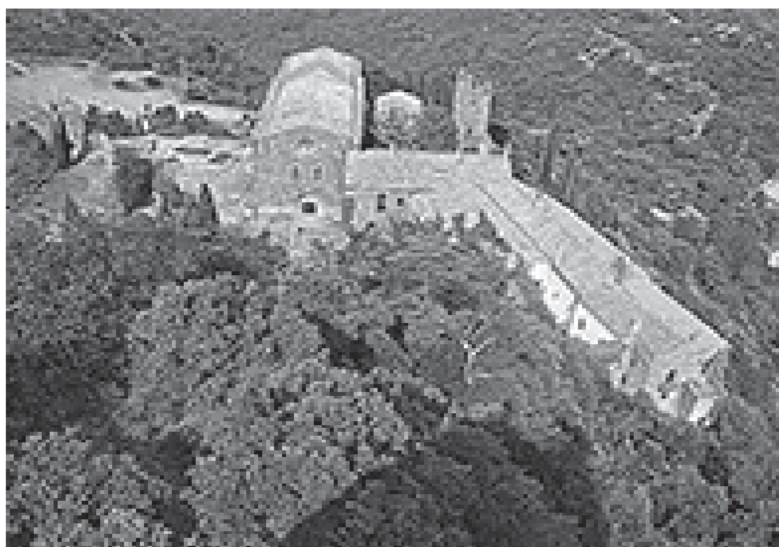

Рис. 1.11. Укрепления аббатства Сан-Фелиу-де-Гуисоль в Каталонии, X в.

Чудом сохранившиеся фортификационные сооружения Сан-Фелиу интересны тем, что мы можем видеть фрагменты укрепленного монастырского комплекса, типичные для X—XI вв. Перед нами предстает абсолютно простая, сплошная и полноразмерная форма каменного материала, словно призванная демонстрировать всю его природную мощь в естественном виде, запугивая возможного противника. Никакого декора и украшений, никаких лишних форм и членений пространства стен — вот визитная карточка каталонских укрепленных монастырей этого периода. Фактура природного камня, с его несколько неопределенными очертаниями блоков, визуально демонстрирует чрезвычайно богатую градацию оттенков, от светло-серого до красновато-черного. Все это производит впечатление несколько мрачной и таинственной хтонической силы, скрытой в самом сооружении. Простая бутовая кладка стен словно внушает массам материала и всей фортификационно-культовой композиции аббатства примитивный и суровый крепостной характер. Кажется, что неизвестному зодчему первого тысячелетия удалось идеально совместить в архитектурно-творческом процессе ритмику массы и пространства всего сооружения. Глядя на единый комплекс монастыря Сан-Фелиу, невозможно удалить (точнее отделить) ни одного элемента, не приняв во внимание всего объема и всей массы этого монументального памятника средневековой архитектуры. Глядя на это культово-фортификационное сооружение, мы, кажется, вместе с неизвестным зодчим X в. непосредственно переживаем грубую

и грозную музыкальную симфонию архитектурной массы и архитектурного пространства той бурной эпохи.

Еще один чудом сохранившийся укрепленный монастырь-замок Сан-Мигель де Escornalbou расположен в небольшом каталонском поселении Мон-Рочдель примерно в 35 км к западу от Таррагоны. Этот небольшой городок, расположившийся на высоте 650 м, словно приютился под защитой некогда грозных стен и башен замка-монастыря Сан-Мигель де Escornalbou. История обители типична для этих беспокойных мест. Ее возведение связано с желанием королевской власти контролировать господствующие высоты, обороняя стратегические дороги, ведущие в Сантьяго-де-Компостелла. К сожалению, источников, освещающих историю монастыря до X столетия не сохранилось, но известно, что в 1198 г. король Альфонсо Chaste и его жена совместно с королем Кастилии Санчо основывают монастырь Сан-Мигель на горе Escornalbou. Дальнейшая история типична для многих обителей Франции и Каталонии. В начале XIII столетия укрепления обители обновляются в соответствии с новыми фортификационными требованиями, сохранив при этом суровую первоначальную простоту (рис. 1.12).

Рис. 1.12. Монастырь Сан-Мигель Escornalbou в Каталонии X–XIII вв.

Позднее, в 1240 году, после проведения строительных работ, монастырь был заново освящен епископом Таррагоны. Бурные события междоусобиц XIV столетия знаменуют собой начало упадка монастыря в качестве духовного, хозяйственного и фортификационного центра. К середине XVI в. в монастыре Сан-Мигель остается только один монах. Именно поэтому в 1574 г. для возрождения умирающей обители в монастырь прибывает «десант» отцов-отшельников францисканского ордена. Благодаря их стараниям умирающий монастырь смог просуществовать еще некоторое время вплоть до 1835 г., когда

испанское правительство распродало монастырские земли, имущество и саму церковь. Оригинальный архитектурный ансамбль замка-монастыря Сен-Мигель мало интересовал новых хозяев. Многие здания были разрушены или перестроены в соответствии с хозяйственными нуждами новых владельцев. Возможно, этот образец типичного *eglises fortifiees* Каталонии постигла бы участь других многочисленных памятников Средневековья, разрушенных в бурную эпоху развития капитализма. Однако в начале XX в. окончательно разоренные остатки монастырских строений были куплены бывшим дипломатом Эдуардом Тода — коллекционером, библиофилом и любителем Средневековья. Именно благодаря его усилиям был сохранен и частично восстановлен облик укрепленного монастыря Сен-Мигель. Самое высокое здание, доминирующее над всем комплексом обители — старинная романская монастырская церковь Св. Михаила, перестроенная в XII–XIII вв. Она являет собой типичную для XII в. однефную зальную церковь южно-французского типа с боковыми часовнями — нишами. Отсутствие каких-либо украшений стенных поверхностей (декоративных аркад, лизен), тщательная обработка каменных блоков, отсутствие эмпор и крипты позволяет нам отнести ее к церквям цистерцианского типа. Церковь перекрыта бочарным сводом с подпружными арками, поверх свода двускатная черепичная крыша без стропильных ферм. Своими внушительными размерами, грубыми массивными формами она словно подавляет все остальные постройки обители. Примыкающее под углом к южной стене церкви здание частично имеет формы ранней каталанской готики XIII в., хотя и очень испорченные неумелой «реставрацией», а точнее, стилизацией уже в XX столетии. Поэтому сложно судить о том, как первоначально выглядела эта часть монастырских построек. Тем более что с XIII по XIV в. проходила масштабная перестройка культовых и фортификационных сооружений монастыря. В принципе, достаточно хорошо сохранилась частично разрушенная оборонительная башня обители с ее красивыми романскими воротами. Сама башня, согласно фортификационным правилам той эпохи, выступает за линию стен-куртин, позволяя вести боковой обстрел внешней зоны. К сожалению, верхняя часть башни разрушена и не позволяет достоверно судить о форме и способе перекрытия оборонительной площадки.

Еще одну наиболее типичную постройку типа *eglise fortifiee* этого периода можно найти в Барселоне. Маленькая Санта-Паудель-Камп — старейшая церковь в Барселоне со своей приземистой восьмиугольной башней и грубыми толстыми стенами и колоннами VII–VIII вв. — напоминает скорее рыцарский замок, нежели культовое сооружение, именно потому, что в XII в. она находилась в чистом поле, за пределами городских стен. Сохранившиеся постройки

периода Гифре эль Пилоса также можно увидеть в укрепленном бенедиктинском монастыре Санта-Мария де Риполь в городе Риполе (впрочем, сильно перестроенном при настоятеле Раймоне де Берга в 1171–1205 гг. и в монастыре Сант-Жоан де Лес Абадессес (сохранилась монастырская церковь 898 г.) в долине реки Тер, недалеко от Риполя¹. Стоит отметить тот факт, что подобная оборонительная функция монастырей не являлась чем-то исключительным в эти неспокойные времена, наоборот, и на юге, и на западе и севере Европы монастыри практически повсеместно выполняли задачи фортификационного характера. Например, на берегах Ла-Манша монастырь Мон-Сен-Мишель (Mont Saint-Michel) выполнял аналогичную функцию против набегов норманнов и англичан. Сохранившийся до наших дней монастырский ансамбль Сен-Мишель представляет собой удивительное сочетание архитектурных конструкций различных эпох, и здесь мы легко можем проследить развитие фортификации на протяжении по меньшей мере четырех веков². Аббатство Мелизье (Maillezais), разрушенное норманнами в 1082 г. и после восстановления снабженное мощной оборонительной системой, выполняло подобную роль на побережье Океана. Окситания дарит нам аналогичные примеры, Сен-Мартин-де-Канигу (St.-Martin-du-Canigou) в Руссильоне, возведенный в X столетии и сохранившийся до наших дней. Строительство аббатства Сен-Мартин-де-Канигу началось в X столетии, а в 997 г. мы имеем уже первое упоминание об этой обители. Около 1007 г. каталонский граф Вильфред (Жофрей) Кабрета, владетель Конфлента и Серданьи, праправнук Вильфреда Лохматого (Гифрэ Волосатого у каталанцев), и его жена начали строить здесь бенедиктинский монастырь, чтобы затем удалиться в него «от мирской суеты». Поддержал графа в сем начинании его брат аббат Олиба, один из главных аббатов могущественного бенедиктинского монастыря Св. Михаила в Куша. По его просьбе папа Сергей IV даровал аббатству Св. Мартина широкие права, включая необычную для католицизма независимость управления. Первой появилась крипта (в тот момент она называлась церковью Notre-Dame-sous-Terre), затем над ней выстроили непосредственно церковь (уже в XI столетии). Затем появились клуатр, спальни для монахов (дормиторий), трапезная и все остальные хозяйственные постройки. В монастыре две церкви: нижняя посвящена Деве Марии, верхняя — Святому Гаудерику (St. Gauderique), патрону семьи основателей (рис. 1.13).

---

¹ См.: *Р. Хьюз*. Барселона: История города. М.: Эксмо, 2008. С. 128–130.

² См.: работы de Paul Gout sur le Saint-Michel.

Рис. 1.13. Сен-Мартин де Канигу в Руссильоне X в.

В отличие от Сен-Мишель церковь аббатства Сен-Мартен-де-Канигу изначально была полностью перекрыта полуциркульными сводами. Церковь принадлежала монастырю, основанному Гифредом, сыном Суинфреда, и служила усыпальницей графского семейства. Церковь и монастырь расположены в Восточных Пиренеях, пустынной местности у подножия вершины Канигу высотой 2784 м. Весь комплекс представляет собой двухъярусное здание. Три нефа нижней церкви Нотр-Дам-ла-Сутеррен перекрыты цилиндрическими сводами. Центральный неф состоит из шести травей одинакового размера, за которыми прежде шла еще одна трава между боковыми нефами, впоследствии замурованная. Хор с крестовыми сводами разделен на три травей одинаковой ширины и заканчивается тремя одинаковыми апсидами. Вначале опорами служили три пары гранитных колонн, застроенные позднее в процессе возведения верхней церкви. Сейчас можно увидеть лишь восточную пару колонн. Нижняя церковь не сообщается ни с трапезиевидным нартексом в западной части монастыря, ни с верхней церковью Сен-Мартен. Верхняя церковь Сен-Мартен также трехнефная и перекрыта цилиндрическими сводами. Одна трава верхней церкви соответствует двум травам нижней. Верхняя церковь смещена на восток относительно нижней церкви, то есть церковь Сен-Мартен начинается над второй травеей центрального нефа церкви Нотр-Дам и выступает на полторы травей над ее окончанием. Необычайно высокие и широкие арки под цилиндрическими сводами лежат на толстых стержнях колонн с грубо орнаментированными капителями «на

подушке». Внутреннее пространство храма делится на две части парой крестчатых столбов, несущих поперечные арки. На востоке храм заканчивается тремя полукруглыми апсидами, соотношение между которыми дублирует масштабное соотношение центрального и боковых нефов. В церкви нет клирестория в пяте цилиндрического свода, как в бургундской церкви Ключи И. Возможно, что окна не были построены специально, после удачного опыта с нижней церковью. На северо-востоке стоит массивная башня-колокольня, расчлененная удивительно изящными слепыми арками, подобными тем, что украшают апсиду верхней церкви. На юго-западе расположен трапезиевидный клуатр с его колоннами из розового мрамора, сильно измененный в процессе реставрации. Причем изначально здешний клуатр был полностью изолирован от внешнего мира абсолютно глухими стенами. Ведь монастырь расположен достаточно глубоко в горах, и одной из его главных задач было полное отрешение монахов от внешнего мира. Только при реставрации клуатр «открыли» заново: одна его стена теперь выглядит как галерея (рис. 1.14).

Рис. 1.14. Церковь и башня-донжон Сен-Мартин-де-Канигу X в.

К 1009 г. была построена и освящена церковь (башня-колокольня поставлена в 1030 г.). Церковь строил священник Склуа, который и стал первым аббатом. Вместе с графом они решали, как будет строиться обитель дальше. В 1025 г. граф отдал аббатству и город Верне, что расположен ниже по долине. В 1035 г. граф и его жена расстались с мирской жизнью и поселились в этом монастыре. В 1050 г. граф «почил в Бозе» и был похоронен в могиле, по преданию, выдолбленной им самим в скале монастыря. К моменту окончания строительства церквей аббатству Сен-Мартен-де-Канигу не доставало «приличной» реликвии какого-либо Святого, поскольку мало кто в те времена легко расставался с такой ценностью, даже за большие

деньги. Пришлось отрядить специальную военную «экспедицию» из монахов и графских воинов, которые и «раздобыли» мощи Св. Гаудерика из базилики Сен-Серненн в Тулузе. Св. Гаудерик считался держателем ключей от «хлябей небесных», то есть управлял осадками. Скульптурное изображение Св. Гаудерика (St. Gaudérique) и сегодня напоминает о том, что долгое время монастырь был местом паломничества крестьян из Лангедока, Руссильона и Каталонии. В XII столетии за право владения таким богатым аббатством боролись лангедокские и каталонские силы — светские и клерикальные. Позднее в эти местные разборки включились и арагонцы. Аббатство Сен-Мартен-де-Каннигу довольно часто штурмовали и даже грабили. В 1428 г. аббатство было сильно повреждено землетрясением (особенно пострадала колокольня), но частично восстановлено через пять лет самими монахами — вера в силу мощей Св. Гаудерика вдохновляла их «двигать горами». В бурные XVII—XVIII столетия далекая от цивилизации обитель постепенно приходит в упадок. В 1779 г. последние пять монахов, старых и немощных, испросили папского дозволения оставить монастырь. В 1781 г. папа Пий VI своей папской буллой закрывает аббатство, и его покидают последние монахи. В 1783 г. монастырь официально закрыт властями Руссильона. Мощи Св. Гаудерика забирают в Перпиньян, останки графа Вилфреда переносят в церковь Кастей. Начинается разрушение и растаскивание обители, но взамен аббатство становится местом вдохновения для романтической поэзии. В 1883 г. великий каталонский романтический поэт Ясинт Вердагуэр наткнулся на руины обители, прожил здесь неделю, бродя по лесным склонам, и наконец-то закончил свой многолетний замысел — поэму «Канигу», ту самую, что столь помогла сделать вершину Канигу символом земли и души Каталонии. Своим нынешним видом монастырь обязан французу — Просперу Мериме. Именно он в свое время обнаружил его в полуразрушенном состоянии, внес его в специальный список исторического наследия, после чего началась реставрация. В 1902 г. это место купил епископ Перпиньяна Жюль де Карсалад дю Пон (сам каталанец). Он начал сбор архитектурных деталей, давно рассеянных по всей округе, и реставрацию, которая шла до 1932 г. С 1952 по 1971 г. реставрацию аббатства завершал Дом Бернар де Шабань. Ныне это действующий католический монастырь, который населяют монахи из братства под названием «Беатитуда» (рис. 1.15).

Отрывок из «Картулярия основных законов Ключни» (*Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny*) повествует нам о том, что аббат Тибо де Вермандуа (Thibaut de Vermandois) (1179—1186) окружил монастырь крепостной стеной для защиты от грозных и алчных соседних сень-

еров¹. И нет ничего удивительного в том, что значительное количество колоколен этого периода превращается в укрепленные донжоны, как, например, Сен-Ипполит (Saint-Hippolyte), который представлял собой в XII–XIII вв. огромную четырехугольную башню с бойницами для стрельбы из лука.

Рис. 1.15. Церковь и башня-донжон Сен-Ипполит (Saint-Hippolyte) X–XII вв.

Несмотря на самобытность окситанской культовой архитектуры, на дальнейшее развитие архитектуры на Юге Франции оказало влияние строительство монастырской церкви Ключни-II, которое не могло не подвигнуть зодчих на эксперименты с цилиндрическими сводами. Зальная церковь с цилиндрическим сводом такого же типа, как Сен-Савен-сюр-Гартамп или в Кюноле, была построена в Канигу за целое столетие до того, как этот стиль укоренился в Западной Франции. В области, лежащей на западе от Роны, в первой половине XII столетия было возведено еще три зальных церкви с цилиндрическим сводом: в Корнейя-де-Конфлан, в Каркассоне и в Марсволе. На западе от Роны этот стиль появляется уже в середине XI столетия, сначала в Сен-Дона, а затем в Сен-Реми-де-Прованс, в Амбрене и в Йере. Несмотря на то что в Бургундии еще не была закончена аббатская церковь Ключни-II, которая оказала огромное влияние на композиционные схемы культовой архитектуры Франции, в 975 г. семь епископов освятили церковь Сен-Мишель-де-Кюкса, основанную Суинфредом, графом Сердани. Церковь была трехнефной с сильно выступающим трансептом, к которому примыкало пять или семь ступенчатых апсид с прямоугольной центральной. В начале XI в. ее знаменитый строитель аббат Олиба приказал окружить главную апсиду сводчатым деамбулаторием, добавив на восточной стороне еще три апсиды, и расширил неф храма.

¹ Cartut. De Saint-Bertin, предисловие Герарда (Guerard). p. LV.

Спустя некоторое время Олиба выстроил круглую церковь Нотр-Дам-де-ля-Креш в восточной части будущего монастыря, ради чего пришлось сломать недавно законченную центральную апсиду де-амбулатория. Оригинальные плоские перекрытия базилик в Ар-лесюр-Теш (с 1064 г.) и Эльне (первая четверть XI в.) позволяют предположить, что центральный неф Сен-Мишель изначально также не имел сводов.

Развитие церковной архитектуры Бургундии, полностью подчиненное принципам Ключни, дало сильнейший толчок к развитию романской архитектуры на Юге Франции на всем протяжении XI в., что видно на примерах церкви Куарант и бывшей церкви бенедиктинского аббатства Сен-Гильем-ле-Дезер. Церковь Куарант была освящена в 1153 г. Подобно Ключни-II, ее центральный неф был перекрыт цилиндрическим сводом с окнами в пяте. Обитель Сен-Гильем была основана графом Гийомом Тулузским, соратником Карла Великого. Во время раскопок монастыря 1962–1970 гг. обнаружили квадратную крипту, которая, видимо, относится к концу X в. Она могла принадлежать более ранней однонефной церкви, остатками которой являются первая травея существующей церкви, две крошечные апсиды трансепта и частично фундамент, на котором возведены опоры нефа и трансепт. Церковь Сен-Гильем, освященная в 1076 г. и сохранившаяся до наших дней, состоит из трех четырехпролетных нефов и сильно выступающего трансепта с тремя апсидами, возведенными около 1100 г. Неф имеет два яруса. Широкие прямоугольные столбы со встроенными полупилонами со стороны центрального и боковых нефов держат аркады с подпружными арками. Над аркадами под цилиндрическим сводом сделаны большие окна. Полупилоны начинают подпружные арки цилиндрического свода и вертикально расчленяют пространство храма. Снаружи неф расчленяется ритмически организованными слепыми элементами. Окна одноярусного хора расположены под рядом широких слепых аркад. Строительство храма велось очень долго, что нашло отражение в его наружном убранстве. Южная апсида украшена типичными слепыми арками, лежащими между лизенами, зато архитектурное членение северной апсиды состоит из низких слепых аркад под самым свесом крыши, в которые вставлены небольшие окна. Окна широкой центральной апсиды, поддерживаемой необычайно мощными контрфорсами в виде столбов, больше и фланкированы колонками. Под свесом крыши, проходит непрерывный ряд аркад, через которые виден купольный свод. Подобные слепые аркады есть и в Сент-Этьен в Невере. Базиликальное вертикальное строение нефа с клиресторием под цилиндрическим сводом тоже напоминает Сент-Этьен. Галерей в Сен-Гильем нет (рис. 1.16).

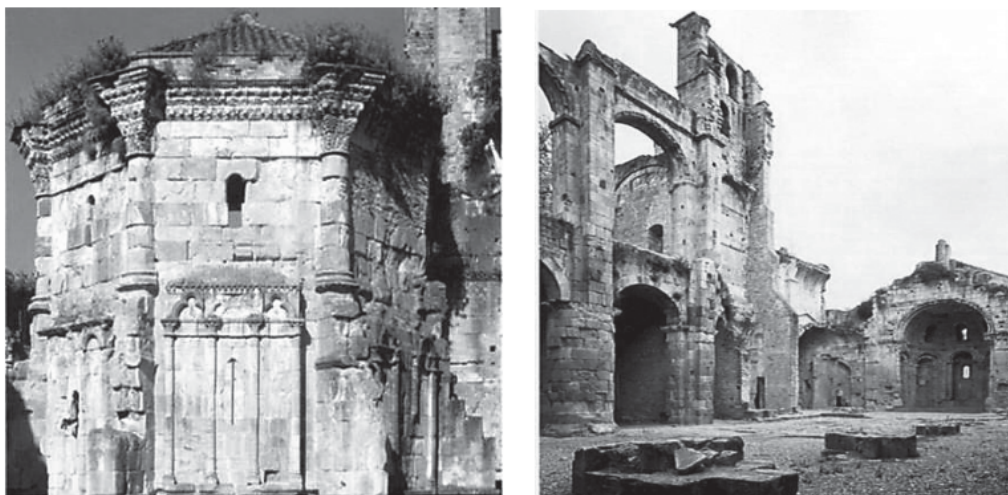

Рис. 1.16. Сен-Гильем-ле-Дезер (Эро), ок. 1100 г.

Однако не только Бургундия оказала влияние на развитие культового зодчества в Окситании: паломнические церкви также оставили неизгладимый след в архитектуре Лангедока, Руссильона и Каталонии. Когда бенедиктинское аббатство Сент-Мари в Але-ле-Бен получило новую церковь в первой половине XII в., аббат Раймунд решил построить в ней семипролетный неф по примеру больших паломнических церквей. Ее восточная часть состояла всего из одной апсиды, равной по ширине центральному нефу. Сегодня от этого здания остались лишь руины. Столбы, в которых и сейчас заметен принцип чередования, вероятно, имели крестчатые базы, между ними проходили аркады и галереи приблизительно одинакового размера, а сверху лежал цилиндрический свод. Галереи, должно быть, были перекрыты полуцилиндрическими сводами и имели большие окна, обрамленные снаружи колонками и орнаментальными фризами; кроме того, там могли быть небольшие круглые окна, «окули». Кроме существовавшего прежде двойного входа на западе, сохранился еще один перспективный портал с южной стороны храма. На уровне пятой травеи с западной стороны к нефу примыкали две высокие тонкие башенки с винтовыми лестницами. В церкви могли быть колокольни, поскольку верхний ярус северной башенки хранит следы аркад, предназначенных не только для декора, но и для того, чтобы был слышен колокольный звон. В центральной апсиде имеется пять ниш, фланкированных колоннами, и три окна в купольном своде. Снаружи полигональная (трехгранная) апсида укреплена в каждом углу нижнего яруса контрфорсами в виде столбов. Между ними над гладким цоколем выступают широкие прямоугольные элементы с тремя тонкими слепыми аркадами внутри. Верхний ярус, над которым расположен купольный свод, заканчивается угловыми

колоннами и трехчастными архитравами, украшенными сверху богатым орнаментом. Помимо принесенных извне архитектурных стилей, в Окситании развивается свой оригинальный стиль, характерной особенностью которого является продольный неф. Он возник в XI столетии и позднее широко распространился на всем Юге Франции. Сначала храмы строились без сводов, образцами такого рода построек служат церкви Монастир-дель-Кам (1064–1087 гг.), Серрабон (конец XI в.), Конне-Минервуа (после середины XII в.) и Сен-Жени-де-Фонтен (освящена в 1153).

Рис. 1.17. Але-ле-Бен (Од), бывшая монастырская церковь Сент-Мари. Первая половина XII в.

В целом мы можем констатировать тот факт, что начиная с XI–XII вв. легко проследить параллельные линии в развитии фортификационного искусства, как монастырей, так и феодальных замков, причем эти достижения в области военной архитектуры свободно можно изучать как по церковным сооружениям, так и по сеньеральным¹. Обусловлено это, прежде всего, тем, что общее руководство строительством в этот период, как правило, осуществляют клирики и монахи, поскольку письменных свидетельств о светских архитекторах и мастерах этих времен до сего дня обнаружить не удастся. В мировоззрении раннего средневековья и романской эпохи, вплоть до Ключийских реформ папы Григория VII (приведших к роковому расколу духовной и светской власти в XI в.), власть императора воспринималась отражением власти и всемогущества Бога. Поэтому то, что монументальные монастыри и церкви (эти «крепости Божьи») выглядят также как и рыцарские замки, а на головах распятого Спасителя и Святых мучеников частенько красу-

¹ Об этом см.: R. Rey Vieilles Eglises Fortifiees du Midi de la France. Paris, 1925. P. 13–19.

ется корона монарха (вместо привычного и появившегося позднее тернового венца), воспринимается в эту эпоху как нечто равнозначное и само собой разумеющееся¹. Стоит ли говорить о том, что приходские церкви и часовни в те беспокойные времена подвергались тем же опасностям, что и монастыри. Естественно, что настоятели и клирики приходских церквей (равно как и феодалы, которые владели землями, принадлежащими приходам этих культовых сооружений) были заинтересованы в возведении и поддержании хорошего состояния этих укрепленных церквей. Например, Эд (Eude) сеньер Дьеоль (de Deols) в 1012 г. окружил траншеями клуатр монастыря каноников Левру ан Берри (Levroux en Berry), а подсобная пристройка монастыря Монтмажур (Montmajour) — церковь Св. Марии, которую возвел в виде «пожертвования» Ростан епископ Авиньона (Rostaing d'Avignon), была возведена им в виде башни, защищавшей к тому же городок Сен-Реми (Saint-Remy) близ Арля (Arles).

Одна из многочисленных однефных церквей Прованса принадлежит бывшему монастырю Нотр-Дам в Монмажуре. Прежде, до осушения болот, до крипты на склоне горы Мон-Мажор можно было добраться только на лодке. Крипта была освящена одновременно с восточными секциями верхней церкви в 1153 г. В центре здания расположена купольная часовня с одной травеей с западной стороны, которая окружена деамбулаторием, перекрытым цилиндрическим сводом, с пятью радиальными капеллами. Перед ним находится напоминающий трансепт туннель с двумя апсидами по восточной стене и наклонным проходом по центральной оси. Стены выполнены из больших, но тщательно обработанных плит тесаного камня, но на них нет ни полупилонов, ни несущих арок, ни карнизов или капителей. За исключением деамбулатория и капелл, восточная область церкви повторяет план крипты. А на месте деамбулатория стоит широкая апсида, полукруглая изнутри и полигональная снаружи, которая открывается в продолговатое средокрестие. Восстановленный купольный свод церкви членится плоскими ребрами из цельного камня. Крылья трансепта ниже нефа и апсиды. Они перекрыты цилиндрическими сводами и в нижнем ярусе имеют по одной апсиде на восточной стене (рис. 1.18).

Строительство нефа началось около 1160 г., но были возведены лишь две из запланированных пяти травей. Травеи расчленяются поперечными арками, которые поддерживают цилиндрический свод со стрельчатым очертанием, начинающийся над узким карнизом. Над арками открываются ниши. Не только крипта, но и верхняя церковь отличается почти цистерцианским аскетизмом, только апсиду

---

¹ См.: Кох В. Энциклопедия архитектурных стилей / пер. с нем. М.: ЗАО «БММ», 2011. С. 91.

украшает пара колонн с простыми капителями, декорированными растительным орнаментом. Около 1190–1200 гг. отдельные участки церкви обрушились, поэтому восточная область была перестроена, а свод средокрестия модернизирован. В клуатре, относящемся к последней четверти XII в., находились замечательные образцы романской скульптуры, большая часть которых перевезена сейчас в музей. Но в церковных галереях остались удивительные надгробия.

Рис. 1.18. Монмажур (Буш-дю-Рон), церковь Нотр-Дам. Крипта, хор и трансепт (ок. 1140–1168); центральный и боковые нефы (с 1160). Сент-Мари-де-ля-Мер (Буш-дю-Рон), паломническая церковь Жен-мироносиц. (ок. 1170–1180 гг., ок. 1200 г.)

В Экс-ан-Провансе, Фрежюсе и Рьеже встречаются красивые крестильни V–VI вв. Снаружи они имеют в плане квадрат, изнутри — восьмиугольник с нишами и деамбулаториями. Интерес к зданиям с центрической планировкой возвратится в XII столетии одновременно с увлечением античными римскими формами. Часовни в Венаске, Рье-Минер-Вуа и Монмажуре имеют центрическую планировку, но, в отличие от древних баптистериев, не следуют единому горизонтальному плану. Самой древней постройкой является часовня в Венаске, построения в XI в. Предполагают, что она действительно служила баптистерием. В центре находится прямоугольное пространство примерно 6х10 м, к которому примыкают четыре апсиды: у северной и южной подковообразная форма, а у восточной и западной — полукруглая. Снаружи все апсиды прямоугольные. Внутри они украшены рядом слепых арок, лежащих на колоннах. Базы, стержни и капители колонн были привезены из других зданий и заново собраны. В пол центрального прямоугольника встроена восьмиугольная купель. Часовня в Рье-Минервуа была возведена около 1150–1175 гг. Постройка довольно своеобразна: семиугольник

в центре здания обозначен чередующимися четырьмя крестчатыми столбами и тремя колоннами и окружен четырнадцатигранным деамбулаторием, который декорирован слепыми арками на колонках и перекрыт полуцилиндрическим сводом. Центральный семиугольник увенчан куполом. Часовню окружают дополнительные беспорядочно разбросанные капеллы и ризницы. По проекту 1839 г. на купол воздвигли башню, а к деамбулаторию — четырнадцать самостоятельных, но соединенных с ним капелл. Капители часовни отличаются чрезвычайно тонкой работой, среди них находится знаменитое Успение Богородицы мастера из Кабестани. Сент Круа в Монмажуре (вверху) — это кладбищенская часовня с четырьмя апсидами. От постройки в Вешкам она отличается искусностью архитектурного исполнения, которое достигло расцвета к концу XII столетия. Подобно крипте и верхней церкви аббатства, часовня Сент Круа выложена великолепной кладкой из тесаного камня, на которой практически не видно швов. В центре находится высокий квадратный зал, в который открываются четыре более низкие апсиды. К западной апсиде примыкает квадратный вестибюль. Красоту часовне, лишенной орнаментального декора, придает исключительная гармоничность и пропорциональность архитектурных элементов, тонкая работа по камню и искусное выполнение деталей. Неброско и в то же время выразительно выглядят внешние углы между апсидами и основным зданием. Апсиды не заканчиваются на уровне граней центрального куба здания, но выступают на пару сантиметров, образуя греческий крест. Столь же необычны четыре щипца с пересекающимися кровлями над каждой из сторон куба и башенка-фонарь.

К востоку от реки Роны сохранилось немного храмов, построенных ранее XII столетия. В ту пору романское зодчество уже переживало расцвет в Бургундии и на северо-западе Франции. В это время были построены Ключи III и две монастырские церкви в Кане. Первое упоминание об освящении церкви в области восточнее Роны относится лишь к 1103 г. Восстановленный собор в Экс-ан-Провансе имеет ныне первоначальный вид: без боковых нефов и сводов, но с круглыми нишами в боковых стенах. В первой половине XII в. в этой области впервые был перекрыт цилиндрическим сводом неф церкви Сен-Мартен-де-Лондр (предположительно поначалу он был более узкий). Возник новый тип: со сводами, без боковых нефов и с нишами с обеих сторон. Только после 1200 г. цилиндрические своды уступили место нервюрным, которые в тот период в Провансе отличались крепостной массивностью и тяжеловесностью. Однефные церкви с нервюрными сводами до сих пор можно встретить в Кастеллане, Фрежюсе и Грасе. Самым распространенным типом церкви на юге Франции были укрепленные базилики с цилиндрическими сво-

дами. Такие своды появились с последней четверти XI столетия, однако их возведение все еще оставалось для зодчих весьма сложной задачей. Поэтому во всем Провансе было построено лишь четыре сводчатые базилики: Сен-Трофим и Сент-Онорат-де-Алискан в Арле, Сен-Виктор в Марселе и собор в Везон-ла-Ромене (все они датируются второй половиной XII столетия). Один неф обычно дополнен либо трансептом с тремя апсидами на восточной стене, либо, при отсутствии трансепта, одной апсидой. Этот тип храма не предполагал возведение деамбулатория с венцом капелл. Сохранилось только два деамбулатория: в церкви монастыря Сен-Жиль, который находился в ведении Ключни, и в крипте в Монмажуре. Они имеют очень мрачный и аскетичный вид. Мрачность объясняется тем, что окна могли располагаться лишь на западной стене нефа и в апсиде, но аскетизм внутреннего убранства объяснить гораздо сложнее. Вполне возможно, что объясняется фортификационным характером южно-французских культовых сооружений. Конечно, из-за отсутствия боковых нефов и деамбулатория в храме не было колонн с капителями, украшавших другие церкви. Однако орнамента нет ни на слепых элементах, расчленяющих стены алтарной части, ни на полупилонах между нишами. Интерьер провансальских церквей остался по-военному аскетичным даже в те времена, когда романская архитектура переживала свой первый и главный расцвет. Удивительные по своему буйству фантазии и качеству исполнения скульптурные изображения появляются лишь на папертях и в клуатрах провансальских церквей.

Построенная около 1170–1180 гг. паломническая церковь Святых Жен (Жен-мироносиц) в Сент-Мари-де-ля-Мер является одним из самых знаменитых провансальских памятников типа «*eglises fortifiées*». Это однефная пятипролетная церковь, наружные стены которой расчленены углубленными слепыми аркадами (справа). Шестой, трапециевидный пролет ведет в полукруглую апсиду. Около 1200 г. здание храма было увеличено и приняло вид фортификационной церкви. Над навесными бойницами была пристроена зубчатая стена, а алтарная часть была увенчана полигональной башней. Окна апсиды замуровали, в результате и без того плохо освещенный интерьер храма стал еще мрачнее. За исключением плоских слепых арок на стенах апсиды, внешнее убранство паломнической церкви полностью лишено декора и напоминает крепость. Зубчатые стены, поднимающиеся над рядом полуциркульных арок, и глухая башня над главной апсидой выглядят по-военному угрожающе и неприступно. Апсиду и две примыкающие к ней трапезы приподняли, разместив внизу крипту, построенную на пожертвования Рене Анжуйского (рис. 1.18). Впрочем, более подробное исследование этой укрепленной церкви мы продолжим позднее в главе 3.

Неудивительно поэтому, что именно в романскую эпоху появляется такой оригинальный тип культового сооружения, как церковь — крепость или «церковь крепостного типа» (*eglise-fortifiee*). Церковью-крепостью или церковью-замком (*castel*) называли укрепленную церковь, снабженную опоясывающими стенами (частенько охватывающими и кладбище) с оборонительными ходами, зубцами, машикулями и оборонительными башнями. Подобные культовые сооружения возводились, как правило, в прибрежных или приграничных районах, в небольших незащищенных поселениях, где служили защитой местному населению. Некоторые из них сохранились до настоящего времени, например, южно-французские Агд, Монтмажур, Ле-Стез-Мари, Руайат и др. (возводимые для защиты от морских разбойников), эльзасские — Хунавир, швейцарские (Зиттен) и австрийские (Мариазаль, Вайценкирхен), немецкие в Швабии (Гросзаксенгейм, Мерклинген, Линцинген) и трансильванские (Вурмлох, Эйбесдорф, Тартлау, Шесбург, Шонберг и др.)¹. Интересно отметить тот факт, что и территория приходского кладбища также входила в систему укрепленной церкви (выполняя роль укреплений вокруг донжона) и считалась частью религиозного приюта и убежища, поскольку сама идея религиозного убежища имеет древние корни и восходит ко временам возведения первых церквей². Несмотря на то что до настоящего времени сохранилось относительно немного *eglise fortifiee*, так сказать, в чистом виде, однако традиция сооружать укрепления вокруг церквей и кладбищ была весьма распространенной начиная с XI столетия. Свидельства об этом мы встречаем в многочисленных актах соборов и епископских предписаний того времени. Так, например, картулярий аббатства Сен-Венсен дю Ман (*Saint-Vincent du Mans*) конца XI в., в котором говорится о многочисленных поселениях жителей этого региона как вокруг укрепленных церквей и кладбищ, так и на них³. После решений Римского церковного Собора 1059 г. булла папы Николая II, обращенная к епископам Галлии, Аквитании и Гаскони, определяет как «священное» пространство кладбищ вокруг церквей и часовен, отлучая всех, кто нападает на эти «церковные убежища»⁴. Такие же акты принимают церковные соборы Тулуз (*Toulouges*), Сен-Жиля (*Saint-Gilles*) и Нарбонна (*Narbonne*), а также епископы Маглона (*Maduelone*)

¹ См.: Кох В. Энциклопедия архитектурных стилей / пер. с нем. М.: ЗАО «БММ», 2011. С. 143.

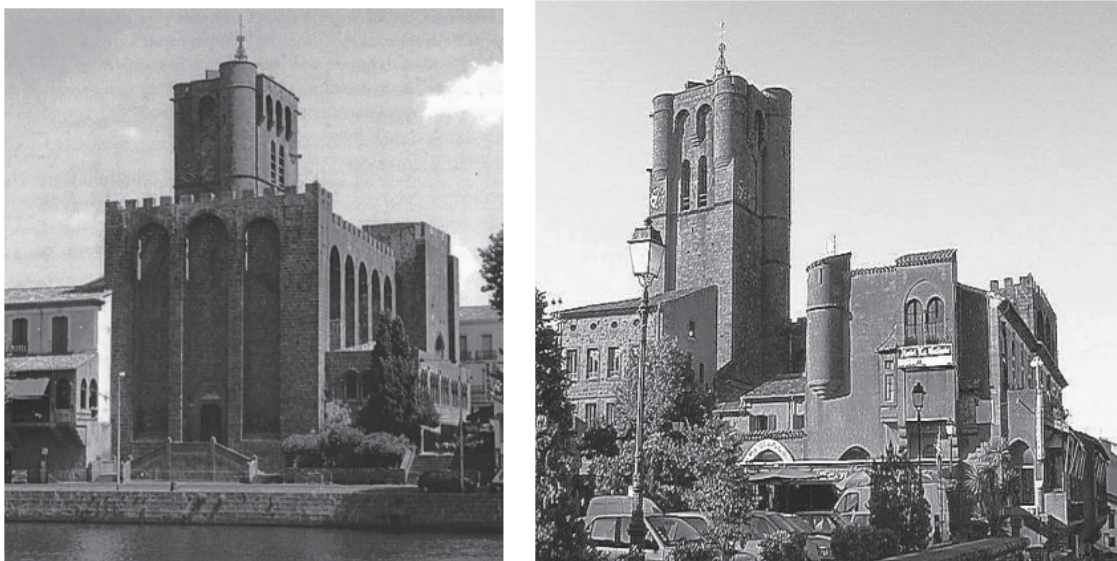
² Подробнее об этом см.: Ch. de Beaurepaire. Essai sur l'asite religieux dans l'Empire romain et la Monarchie francaise (Bibl. De l'Ec. Chartes, 3-e serie, t. V, 1854).

³ См.: тексты в работах V. Mortet, ouv. Cit., p. 263 и 264.

⁴ См.: Hefele: Coneiliengeschichte, t. IV, p. 755 и т.д. — Migne: Patr. Lat., CXLIII, col. 1314 —1315.

и Агда (Agde) для региона Пиренеев и Лангедока, регионов, напрямую подвергавшихся частым нападениям испанских мавров и пиратов Средиземноморья¹ (рис. 1.19).

Рис. 1.19. Укрепленный кафедральный собор в Агде (Agde)

Итак, мы выяснили, что начиная с конца X — начала XI в. при возведении культовых сооружений начинают применяться различные фортификационные приемы. Если первоначально в качестве защиты выступает выгодное топографическое местоположение (например, островок Маглон или скалистый Сен-Мишель), то впоследствии сооружение простейших циркумвальных линий (рвы, валы, откосы, зеленая изгородь и т.п.) применяется также при возведении монастырей и приходских церквей на равнинах². Относительно безопасными в это беспокойное время считаются лишь монастыри и церкви, находящиеся внутри городских крепостных стен. Например, церковь Сен-Сернен де Тулуз (Saint-Sernin de Toulouse), расположенная внутри предместья Бург Сен-Сернен в Тулузе (le Bourg Saint-Sernin) и обнесенная крепостной стеной (составляющей единое целое с общей городской фортификационной системой) лишь в XIV столетии³. Стоит ли говорить о том, что приходские де-

¹ См.: Коробки с оригиналами актов королевской канцелярии (в Национальном архиве Франции) по: A. Teulet, I (1863), № 22, p. 26–27, на основе Нац. арх. J. 210, Normandie, I, №1, См. так же Orderic Vital: Hist. eccles., A. Le Prevost (Соц. Ист. Фр.), t. II, 1840, p. 318 и тексты в работах V. Mortet, ouv. cit., p. 250 и 251.

² Например, именно так были укреплены: церковь и кладбище Жермини (Germigny) в Орлеане в сер. XI в. и монастырь Сен-Тронд (Saint-Trond) во Фландрии. См.: V. Miracula Sancti Benedicti, t. VIII, №1, p. 277 и далее.

³ Подробнее см.: Du Mege, Institut. Toulous, t. I, p. 70.

ревенские церкви и часовни, не защищенные замками или городскими крепостными стенами, в случае нападения становились последними вынужденными убежищами¹. О том, какой опасности зачастую подвергались слабо защищенные церкви, свидетельствуют многочисленные факты перемещения святых реликвий Католической Церкви с целью их сохранности от грабежей во время военных действий. Так, из источников мы узнаем о перемещении в X в. мощей св. мученицы Фе Аженской (Foy d'Agen) в Конк (Conques), в графстве Руэрг (Rouergue). Даже особо почитаемые мощи Апостола Галии св. Илларию (Saint-Hilaire) в эти беспокойные времена были перевезены из Пуату (Poitou) в уединенный и недоступный район Веле (Velay), подальше от феодальных усобиц. Во время Столетней войны в 1392 г. монахи слабо укрепленного монастыря Кадуэн (Caduin), расположенного в оккупированном англичанами графстве Перигор (Perigord), вынуждены были перевезти свою главную реликвию — саван св. Сюэра (Saint-Suaire) в укрепленную церковь Нотр-Дам-де-Тор в Тулузе (N.-D. de Taur), под защиту городских стен². Видимо, именно по этой причине небольшие приходские церкви стремились возводить в местах, где сам природный ландшафт зачастую защищал культовые сооружения и человеку оставалось лишь дополнить начатое природой, проявив свое мастерство и изобретательность. И сегодня мы встречаем в диких местах Пиренеев, Каталонии, Наварры, Лангедока, Гаскони и Оверни значительное количество маленьких затерянных приходских церквей, которые еще хранят свои тайны и ждут своих исследователей.

В качестве наиболее наглядного примера можно привести церковь Валь (Vals) в Арьеже (Ariege), частично опирающуюся на скалистый утес. Через природную расщелину в этой скале (играющую роль тайной галереи) можно пройти на «первый этаж» церкви (служашей подземным убежищем). Позднее, в XII в., над ним был пристроен еще один этаж с лестничным ходом вовнутрь, а еще позже на северной стороне церкви был возведен мощный донжон, сообщающийся с церковью вторым этажом³. Вообще популярность оборудо-

¹ Наглядным примером служит крепкая и просторная приходская церковь селения близь замка Дюрбан (Durban) в Арьеже (Ariege) на берегах Ариз (l'Arize) и древняя церковь Кастийон (de Castillon) недалеко от замка графов Комменжей (Comminges). См.: De Lauriere: Bull. De la Soc. Ariegeoise des sciences, lettres et arts, 1888, p. 33, 45 и 55.

² См.: Nicolas Bertrandy: De Tholosanorum gestis, in—4 gothique, fol. 59, 1392.; и также Catel: Memores de l'histoire de Languedoc, Toulouse, 1673, pp. 265 и 929.

³ Об этом см.: J. de Laurieres: Bull. Monum., 1884: Congres archeol. De Pamiers, Foix. St-Girons, воспроизведенный в Bull. De Soc. Arieg., 1856—1888, vol. 2, p. 8.; По подземным убежищам, расположенным в церквях или

вания подземных убежищ под культовыми зданиями на Юге Франции в период Альбигойских и Столетней войн (особенно после трактата 1360 г. в Бретињи) породило в дальнейшем множество таинственных легенд и заслуживает отдельного исследования¹. На причины сооружения подземелий в Окситании отчасти проливает свет один интересный документ, датируемый XIII столетием (эпохой господства инквизиции на Юге), — жалоба 1260 г. благородного Ги де Северака (Gui de Severac) на Вивьена, епископа Родеза (Rodez), адресованная графу Пуатье (Poitiers) и Тулузы Альфонсу, в которой говорится об аресте внутри церкви епископом и инквизиторами, выломавшими двери храма, какого-то жителя местечка Роде. Сей документ впервые опубликовал Ф. де Вернель (F. de Verneilh), доказывающий, что для инквизиторов, преследовавших альбигойцев, культовое христианское сооружение не имело статуса «убежища» по отношению к еретикам². Надо сказать, что сооружение подобных подземных убежищ или тайных подземных ходов было весьма распространено на территории средневековой Окситании, объяснение этому и множество примеров мы можем найти в прекрасной монографии Эммануэль Ле Руа Ладюри «Монтайю — окситанская деревня (1294–1324)»³.

В окрестностях Тулузы, недалеко от древнего Пиренейского пути в долине Арьеж (l'Ariege), находится еще одна из оригинальных укрепленных церквей этого региона — церковь св. Петра и св. Фебада (Saint-Pierre et Saint-Phebade) в Венерке (Venerque), район Верхняя Гаронна (Hite-Garonne), кантон д'Отрив (d'Auterive) (рис. 1.20).

Следы первых поселений на этом месте ученые датируют I–IV вв. и позднее, VII–VIII вв. Однако название «Венерк» впервые упоминается на ассамблее в Экс-ля-Шапель (Aix-la-Chapelle) в 817 г., а в 1080 г. граф Тулузский Гийом IV (Guillaume IV) передал это местечко в пользу аббатства Сен-Пон-де-Томьер (Saint-Pons-de-Thomieres), вокруг которого, по инициативе аббата Гийома де Фалгара (Guillaume de Falgar), поселение и развивалось далее.

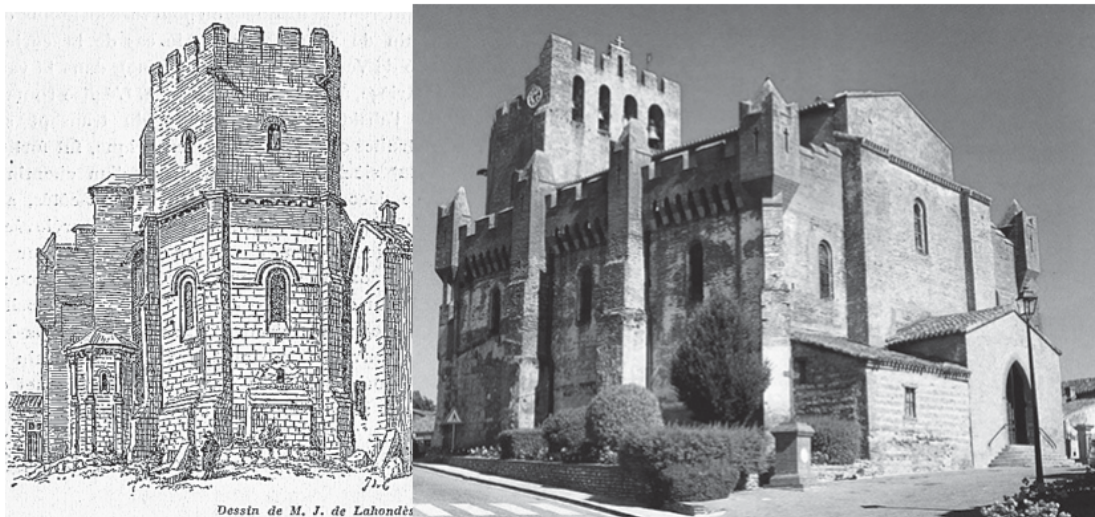

примыкающим к ним см.: исследование М.А. Blanchet: Les souterrains-refuges de la France (contribution a l'histoire de l'habitation humaine), Paris, 1923, p. 342, pp. 47, 75, 93, 148, 149, 156–157.

¹ В Керси (Quercy) и Руэрге (Rouergue) такие убежища называют «гротами англичан» (grottes des Anglais). См.: abbe P. Cassagnes: Les souterrains refuges... en Rouergue, 1902.

² См.: L'architecture civile du Perigord et du Limousin (Ann. Archeol., 1847, t. VI, p. 81). Boutaric: Saint Louis et Alphonse de Poitiers, 1870, p. 473 опубликовал этот отрывок из Tresur des Chartes, J. 314, № 69.

³ См.: Э. Ле Руа Ладюри: Монтайю — окстанская деревня (1294–1324). — Екатеринбург, 2001. С. 55 и далее.

Рис. 1.20. Приходская «церковь укрепленного типа» Св. Петра и Фебада (L'église Saint-Pierre et Saint-Phebade) XI–XIX вв. Венерк (Venerque)

Романскую апсиду (самую древнюю часть этой церкви) венчает не менее старинный пятигранный донжон, хотя сам неф был укреплен позднее (рис. 1.19). Может показаться странным, что такая скромная деревенская церковь была выбрана объектом для столь серьезных фортификационных переделок (несмотря на скудные средств местного прихода). Однако все становится понятным, когда узнаешь, что в алтарной части, в плотно врезанном в стену шкафу, за кованной решеткой хранится одна из самых дорогих реликвий Окситании — красивая рака в тисненой коже, датируемая XII столетием, с мощами св. Фебада (Saint-Phebade), третьего епископа Ажен (d'Agén), перевезенная сюда из городского храма¹. Аналогичный пример мы встречаем в аббатстве Муассак (Moissac) в Дюравель (Duravel) в Ло (Lot), где с момента его основания в X в. хранились привезенные с Востока во времена Карла Великого (Charlemagne) святые мощи трехсот египетских подвижников — отшельников из Фиваиды (Thebaïde). Поскольку эти мощи считались величайшей святыней и привлекали к себе множество паломников, постольку в смутные времена X–XI вв. их перенесли из красивого отдельного склепа в общий саркофаг, расположенный в глубине укрепленной церковной апсиды (где они находятся и сегодня). Сама церковь вместе с аббатством уже имела довольно серьезные укрепления, так, что впоследствии даже смогла выдержать две осады 1369 и 1596 гг.²

¹ См.: Bull. De la Soc. Archéol. Du Midi de la France, 1903–1906, p. 361 и схема M. Fourgous рис. 6.

² См.: R. Rey: L'église romane de Daravel en Quercy, 1917. К сожалению, фортификационные сооружения аббатства и церкви исчезли в 1884–1900 гг. вследствие плачевной реставрации.

Однако следует заметить, что укрепление приходских церквей в эти смутные времена зачастую происходило помимо (и даже вопреки) желания служителей церкви. Начиная примерно с XIII столетия и даже позднее мы почти постоянно встречаем все увеличивающееся количество жалоб епископов, аббатов и Церковных соборов на преобразование приходских церквей в «церкви крепостного типа» (*eglise fortifiée*). Служители Церкви словно больше не хотят допускать «военного» предназначения культовых сооружений против «врагов веры», но хотят защиты интересов только лишь самой Церкви. На наш взгляд, причин этому несколько. Во-первых, беженцы, укрывавшиеся во время многочисленных набегов в отдаленных укрепленных церквях, часто отказывались их покидать уже после того как опасность миновала, оставались там и продолжали жить на церковных землях, опираясь на старинное «право убежища». Во-вторых, еще более серьезной бедой в глазах Церкви в X–XIII вв. были местные феодалы, которые под предлогом покровительства и защиты окрестных земель частенько сами укрепляли деревенские приходские церкви, устраиваясь на церковных землях, как на своей «законной» собственности¹. Многократные церковные соборы, как местные, так и «вселенские», постоянно рассылают свои «грозные обличения» против подобных злоупотреблений. Причем зачастую положения XIV Вселенского Латеранского собора 1123 г., обличающие «южных» окситанских феодалов — еретиков, мало чем отличаются от более поздних актов Авиньонского собора 1209 г. (периода Альбигойских войн), обличающих «северных освободителей от еретиков» — баронов Симона де Монфора². Целью и тех и других постановлений является желание Католической Церкви обуздать жадность и баронов — еретиков и баронов — крестоносцев, которые часто «не умеют» делать различие между военной необходимостью и долгом «защиты» интересов Церкви и церковного имущества.

Справедливости ради стоит отметить, что «Альбигойская смута», возникшая вследствие массовых еретических движений XI–XIII вв., вынудила духовенство отчасти смириться с укреплением ряда церквей и аббатств (с тем чтобы дать отпор врагам веры). Однако тем не менее епископы и аббаты сами желали контролировать процесс фортификационных изменений по превращению культовых сооружений в «церкви укрепленного типа» (*eglise fortifiée*). Поэтому во всех слу-

---

¹ Превратили «в вертеп разбойников» (*In speluncam latronum*), см.: Акты Авиньонского собора 1209 г.

² Именно так надо понимать смысл положения «*Ecclesias a laicis ineastellari aut in servitutem redigi auctoritate apostolica prohibemus*». См.: Mansi: *Sacr. Concil. Coll. (concil. Lateranense)*, t. XXI (1776), col. 285 и Hefele: *Conciliengeschichte*, t. V, p. 310. И текст у V. Morte, *ouv. Cit.*, p. 364.

чаях (кроме тех, которые епископы сочтут необходимыми для защиты католической веры и жизни прихожан), по настоянию местного епископа, все фортификационные элементы требовалось либо снести, либо передать их епископам под страхом отлучения от Церкви¹. Вождь крестоносного ополчения граф Симон де Монфор вынужден был повторить и закрепить постановления и предписания Авиньонского собора 1209 г., которые касались запретов на превращение культовых сооружений в новые укрепленные замки. Это зафиксировано в документах знаменитой Ассамблеи крестоносцев в Памье (Pamier), которая состоялась 01 декабря 1212 г.² Отсюда можно сделать предварительный вывод, что нигде в Европе XI—XIII вв. военная роль культовых религиозных сооружений укрепленного типа «*eglise fortifiée*» не была так популярна, как на Юге Франции (Окситании). Особенно в период борьбы с Альбигойской ересью 1209—1246 гг. После покорения края местность, разоренная в ходе боевых действий, вновь быстро восстанавливается благодаря возведению новых городков — «бастид», в которых *eglise fortifiée* (церкви укрепленного типа) играют весьма важную роль. Однако о роли «бастид» в процессе сложения типологии Окситанских готических *eglise fortifiée* мы поговорим позднее.

Во времена Столетней войны (1337—1453) мы вновь сталкиваемся с феноменом увеличения числа «укрепленных церквей», роль которых в защите от многочисленных военных отрядов значительно возрастает. В работе историка П. Денифле (P. Denifle) «Столетняя война и разорение церквей, монастырей и больниц Франции», вышедшей в свет в 1899 г., подробнейшим образом изложены многочисленные жалобы духовенства на разграбление и разрушение культовых христианских сооружений англичанами (особенно интересен пример взятия штурмом укрепленных церквей Шатра (Chartres), изложенный на с. 352, где говорится о том, что во время штурма было сожжено 900 человек, укрывавшихся там)³. О широком распространении практики укрепления церквей в эпоху Столетней войны, например, в районе Байонн (Bayonne), где все сельские церкви были превращены в настоящие крепости, наглядно свидетельствуют «Хро-

---

¹ Подробнее см.: Hefele, Ibid., p. 845 и также Labbe: *Sacro Sancta concilia*, t. XI (1671), partie I, col. 45, art. IX.

² См.: Lahondes, *Buull. Monum.*, 1883. — «*Ecclesias a laicis incastellari prohibemus et in servitutem redigi; immo etiam incastellatas dirui precipimus vel servari arbitrio episcoporum...*».

³ См.: P. Denifle: *La guerre de Cent ans et la desolation des eglises, monasteres et hopitaux en France*, Paris, Picard. V, 1899. Особенно с. 181, 205, 223, 230, 237, 241, 255, 273, 291, 312 (заметка 2), 352, далее с. 399, 405, 453, 501, 519, 554, 575, 615—616, 722, 733 и 736.

ники» (Chroniques) Фруассара (Froissar)¹. Однако при этом стоит отметить, что небольшие укрепленные сельские церкви вообще были слабой защитой от профессиональных вояк и поэтому зачастую командиры военных отрядов просто стирали с лица земли небольшие укрепленные церкви (eglise fortifiees), чтобы те не достались неприятелю, а жителей переселяли в укрепленные города. Так, например, отрывок из Фруассара сообщает нам, как французские бароны советуют королю Кастилии разрушить на своей территории все укрепленные церкви eglise fortifies и монастыри по пути продвижения англичан вглубь страны:

— «Сохраните на границах Галисии самые сильные города и крепости, а слабо укрепленные снесите. До нас доходят слухи, что наши люди укрепляют **монастыри и колокольни** королевства. Знайте, что это грозит потерями и беспорядком для Вашего королевства. Когда англичане двинутся, эти **небольшие укрепленные церкви (eglise fortifiees) и монастыри** не устоят перед ними. Враги наберутся сил и будут накормлены, благодаря съестным припасам, которые там найдут, а потом завершат войну победой над слабым ... снесите их ... оставьте все, что там будет найдено или перевезите в укрепленные города и замки, чтобы Ваши воины могли этим воспользоваться»².

Король Кастилии последовал этому совету и приказал разрушить все небольшие укрепленные церкви и аббатства, а население и запасы переправить в крупные укрепленные города, где, впрочем, церкви также служили убежищем для населения. Например, жители города Сен-Бриен (Saint-Briene), где не было укрепленного замка, укрывались во время осады в городском соборе (один из редких примеров eglise fortifiee в Бретани), который и сегодня со своими двумя мощными башнями, скрывающими фасад, больше напоминает укрепленный замок. В Берге (Bergues) английский гарнизон и жители при защите города от короля Франции использовали городскую церковь как укрепленное убежище для женщин и детей. В Кастельнодари (Castelnaudary), во время известного рейда Черного Принца, часть жителей укрылась в церкви Сен-Мишель и держала там оборону, но была сожжена англичанами. В ряде случаев церковь в силу своих фортификационных особенностей служила не только убежищем, но и цитаделью. Например, в провинции Гиень (Guyenne)

¹ См.: Chroniques; J.-A.-C. Buchon, 1937, кн. III, ch. XXXIV и кн. II, ch. XI. См. также примеры P. Denifle: Указ. Соч. — p. 391, 679.

² Цит. по: R. Rey: Les Vieilles eglises fortifiees du Midi de la France, Paris, 1925. P. 40–41. Р. Рей дает перевод текста «Хроник Фруассара» по изданию Ж. А. С. Бюшона (Bughon), 1937, несколько модернизовавшего точный, но тяжело читаемый текст издания «Общества Истории Франции» (Soc. D'Hist. de France).

приходские церкви возводились как укрепления и некоторые из них оказывали сопротивление гораздо более серьезное, нежели феодальные замки. Так, в окрестностях Байонна (Bayonne) существовала *eglise fortifiée* «церковь крепостного типа» Богоматери (Notre-Dame), которая причинила немалый вред англичанам во время Столетней войны, как упоминается в «Книге подвигов маршала Жана I Смелого» (*Livre des faits du marechal Jean le Maingre, Boucicaut*).

Иногда городские церкви непосредственно примыкали к городским стенам, играя в этом случае роль своеобразной цитадели — крепостного замка, служившего отдельным очагом обороны. Так, например, при осаде Понтуаза (Pontoise) королем Франции Карлом VII и коннетаблем де Ришмоном (de Richemont) в сентябре 1441 г. французам потребовалось вначале захватить церковь Богоматери (Notre-Dame), которая располагалась на одной и той же высоте с крепостными стенами, и лишь затем попытаться штурмовать город. «Как только англичане ушли (ночью они эвакуировали горожан, оставив только незначительный гарнизон), люди монсеньора коннетабля, у которого было 5000 воинов, вооруженных пиками, прибыли на осаду собора Богоматери Понтуазской (Notre-Dame de Pontoise), и длилась осада два часа, и был взят собор, и все, кто был внутри, умерли или взяты в плен, и произошло все это в одну субботу. А в воскресенье и понедельник, начались атаки на город, а во вторник начался штурм, который продолжался долгое время...»¹. Нечто подобное мы наблюдаем и при осаде Байонна (Bayonne) в 1451 г. Гастоном IV графом де Фуа. Хроника Гийома Лезера (Guillaume Leseur) повествует о том, что англичане и гасконцы укрепили и город, и городскую церковь, которая являлась ключом обороны города — своеобразной цитаделью (внутри находился гарнизон, а башня служила донжоном)².

В городке Лектур (Lectoure) соборная церковь Сен-Жерве и Сен-Проте (Saint-Gervais et Saint-Protas) расположена на восточной окраине города за крепостной стеной, возвышаясь над долиной Жер. Разнородный облик этого культового сооружения напоминает нам о весьма беспокойном прошлом этого городка. Дело в том, что епархия Лектура одна из самых древнейших в Галлии и берет свое начало еще со времен Античности, нашествие варваров в VI в. спровоцировало ее распад, однако позднее, в 953 г., происходит ее вос-

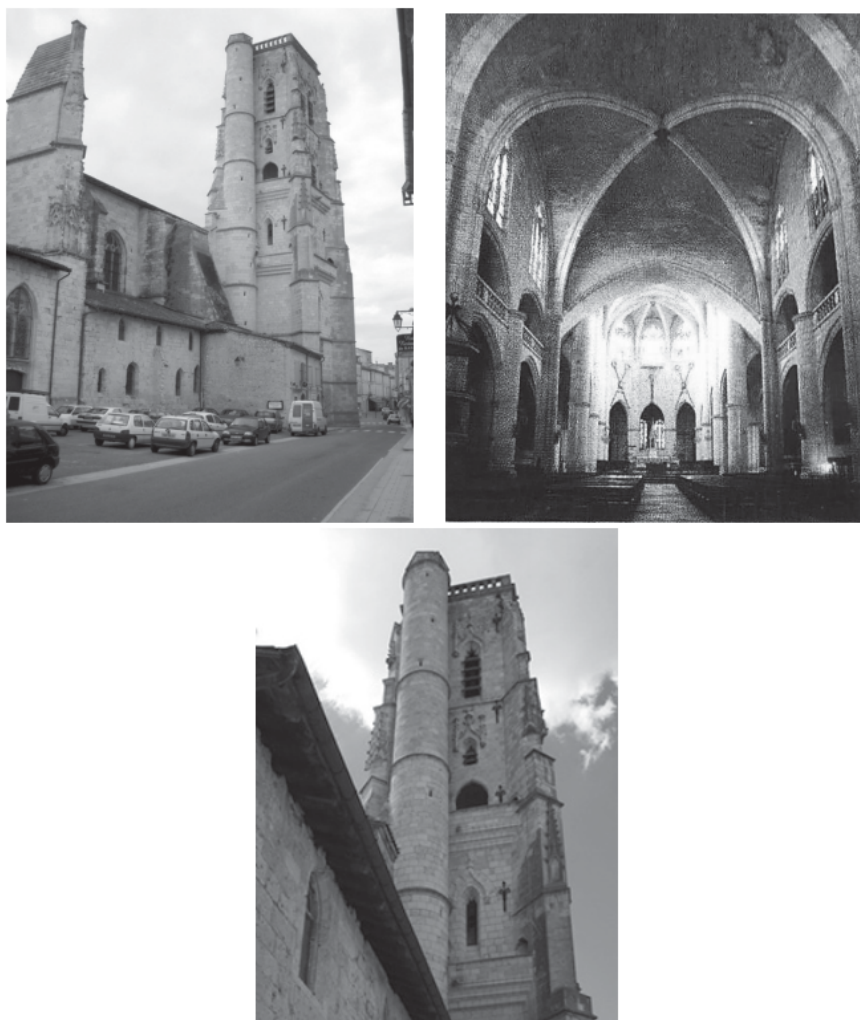
---

¹ Цит. по: *Chronique d'Arthur de Richemont, connetable de France, duc de Bretagne (1393–1458)* по Guill. Gruel опубли. для Soc. De l'hist. de France, по Ach. Le Vavasseur, Paris, 1890, p. 166 и далее.

² См.: *Hist. de Gaston IV, comte de Foix*. По Guill. Leseur, *chron. Franc. du XV s.* опубликована для Soc. De l'hist. de France, Henri Courteault, t. I, p. 212–213.

становление, правда, с епархиальным центром в городе Ош (Auch), где епархия просуществовала вплоть до ее окончательного упразднения в 1801 г. Собор, воздвигнутый на вершине городка Лектур, явно доминирует над окружающей сельской местностью и своими архитектурными формами демонстрирует фундаментальную дуальность между нефом и клиросом. Первый как бы вобрал в себя все южное (окситанское) вдохновение XII в., для нефа которого было свойственно купольное перекрытие (до нашего времени не сохранившееся). Два широких пролета, поддерживаемых стрельчатыми арками, формируют единое, цельное пространство нефа, ограниченное боковыми капеллами, своды которых поддерживают хоры. Зато клирос демонстрирует нам уже влияние архитектуры севера Франции.

Рис. 1.21. Собор Saint-Gervais et Saint-Protais в Лектуре

Трудность соединения клироса и галереи, окружающей хоры, привела архитектора к принятию оригинального решения: проложить поперек нефа огромную арку (достигающую в ширину 3 ме-

тров) и установить снаружи мощные контрфорсы в качестве подпорки для стены. Сама эта арка, в свою очередь, служит опорой для различных архитектурных элементов, соединяя их как бы в единое целое (рис. 1.21).

Фасад церкви невыразительный и простой, представляет собой малопрофилированную стену без какого-либо декора, прорезанную дверными и оконными проемами стрельчатой формы, декорированную простым круглым окном для витража. Высокая готическая башня-колокольня собора (на традиционном квадратном основании) служила укрепленным наблюдательным постом для гарнизона Жана V д'Арманьяка. Во время его войны против короля Франции Людовика XI и кардинала д'Альби в 1473 г. ее сильно повредили артиллерией и разграбили после штурма осаждающие королевские войска. Кардинал д'Альби выкупает взятый и разграбленный город у Жана V д'Арманьяка за приличную сумму и затем в 1487 г. обращается к архитектору Матье Рарено с просьбой возвести новый неф и новую колокольню, которые были сооружены взамен старых в 1515 г.¹ Позже, в 1540 г., на пожертвования епископа Жана де Бартона возводится новый клирос. Однако и этому позднеготическому сооружению не удалось дожить до наших дней в целости, поскольку в эпоху религиозных войн XVI в. Лектур становится опорным центром гугенотов. В 1562 г. католическая армия во главе с Де Блезм де Монлюком берет штурмом Лектур, подвергая грабежу и насилию весь город и особенно городской собор, в котором укрылись гугеноты (превратив его в крепость). Только в XVII–XVIII вв. разрушенный католиками собор Святых Гервасия и Протасия (Saint-Gervais et Saint-Protais) был восстановлен в том виде, в котором его можно видеть и сегодня.

Вообще, стоит отметить, что после XIII в. мы редко встречаем случаи возведения многочисленных «церквей укрепленного типа», архитектура которых совмещала бы фортификационные и военные функции, заложенные строителями по заранее продуманному и согласованному с донаторами проекту. Скорее можно говорить о соблюдении старой доброй традиции и о достаточно медленном изменении различных строительных методов и практик, применяемых при возведении культовых сооружений. Хотя принятая и овеянная традицией схема *eglise fortifiée* (церквей крепостного типа) оставалась неизменной практически до XIV в. Однако в XV и особенно в XVI в. в фортификации происходит подлинная революция, связанная с применением осадной артиллерии, и, как следствие этого крепостные стены и башни теряют свою военную ценность. С появле-

---

¹ Подробнее см.: Revue. Hist., 1888, de Mandrot: Louis XI, Jean V d'Armagnac et le drame de Lector.

нием в конце XVI в. бастионной системы укреплений фортификационное искусство практически полностью порывает свою связь с искусством возведения культовых религиозных сооружений. Хотя кое-где (особенно в сельской местности Юга Франции) традиции использования приходских церквей в качестве временных укреплений продолжают некоторое время сохраняться вплоть до XVI в., что обусловлено взаимными насилиями и жестокостью эпохи Религиозных (Гугенотских) войн. Эта плачевная эпоха стала вновь расцветом варварства и резни, грабежей и насилия в деревнях и городах региона. Особенно в этой религиозной войне сильно пострадали приходские церкви, с одной стороны, их разрушали и грабили гугеноты (кальвинисты), а с другой, католики часто преобразовывали их в укрепленные пункты для безопасности населения.

Старинные церкви, имеющие выступающие зубцы-бойницы, навесные машикули (расположенные в верхней части *eglise fortifiée*) и башни-колокольни — все это средневековое наследие стало вновь использоваться для ведения огня по наступающим гугенотам. Например, согласно мемуарам Монлюка (*de Montlue*), в 1574 г. сторонники Католической Лиги довольно успешно держали оборону против кальвинистов в укрепленной соборной церкви городка Тарб (*Tarbes*). Подобные самодельные фортификационные элементы, как и в раннем средневековье, вновь появляются в церквях XV и XVI вв. Угловые башни-колокольни снабжаются проемами, позволяющими вести огонь в разных направлениях. Именно эти угловые башни той эпохи и придают церквям и соборам вид крепостной надежности и основательности — *foris* (обиходное название, которое им дали местные жители). Например, в городке Верфей (*Verfeil*), Верхняя Гаронна, прекрасная колокольня эпохи Возрождения, творение зодчего Луи Привата (*Louis Privat*), современника Николя Башелье (*Nicolas Bachelier*), принимала участие в обороне городских стен. В прекрасной Тулузе церковь «Дальбад» (*Dalbade*) в XVII в. была снабжена оборонительной стеной с южной стороны города¹. В городке Лектур (*Lectoure*), как и во многих других городках Юга Франции, помимо укрепленной церкви до наших дней уцелело несколько четырехугольных башен (которые на Юге называют «фехтовальными залами» — *salles d'armes*) и некоторое количество городских зданий, сохранивших фрагменты укреплений². В Керси (*Quercy*), где религиозные «Гугенотские» войны были особенно ожесточенные, практически все приходские церкви были видоизменены

---

¹ Подробнее об этом см.: R. Rey: *Les Eglises Fortifiées du Midi de la France*, Paris, 1925. P. 54–55.

² См.: V. Druilhet: *Archives de la ville de Lectoure*, Auch, 1883.

с учетом фортификационных потребностей¹. Даже в Шартрском регионе Бос (Beauce) приходские церкви времен религиозных войн также были дополнены фортификационными элементами и именовались «укрепленными церквями» (*eglise fortifiée*)². Внимательно изучив процесс возникновения и становления феномена укрепленных церквей *eglises fortifiées* на всем протяжении исторического периода с V по X в. включительно, мы можем сделать некоторые выводы:

1. В силу исторических условий эпохи «великого переселения народов» возникла необходимость укреплять культовые христианские сооружения (хранители реликвий и ценностей), первоначально — монастыри, а позднее и прочие сооружения (соборы и приходские церкви).

2. К концу X столетия путем непрерывного усовершенствования фортификационных приемов и навыков укрепленные церкви и монастыри приобретают некоторые универсальные конструкционные и композиционные черты, что позволило историкам искусства уверенно отнести их к типологии «*eglises fortifiées*».

3. Приблизительно к концу X в. укрепленные культовые сооружения *eglises fortifiées* уже повсеместно возводятся из камня почти по всей территории Южной Франции и Северной Испании.

4. В силу своей универсальности укрепленные церкви *eglises fortifiées* в X столетии обладают мощной динамикой к дальнейшему совершенствованию и развитию своей архитектурно-композиционной схемы. Причем эта динамика сохраняет устойчивые тенденции как в плане фортификационных, так и в плане композиционно-иконографических схем и направлений дальнейшего развития типологии *eglises fortifiées*.

---

¹ Значительное количество упоминаний об укрепленных церквях при осадах 25.01.1570; 29.04.1580; 11.08.1580; 17.05.1586; 21.12.1588 и др., можно найти в монографии E. Cabie: *Cuerres de Religion dans le Sud-Ouest*, 1906.

² См.: L. Bonnard: *Fortifications d'églises en Eure-et-Loir*, *Memoires de la Societe archeologique d'Eure-et-Loir.*, t. XIV.

Глава 2

УКРЕПЛЕННЫЕ ЦЕРКВИ EGLISES FORTIFIEES РОМАНСКОГО ПЕРИОДА X–XII ВВ.

2.1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ И СЛОЖЕНИЕ ТИПОЛОГИИ EGLISES FORTIFIEES В КОНЦЕ X — НАЧАЛЕ XII В.

Эпоха европейской культуры X–XII вв., названная позднее «романской», отличается, на наш взгляд, определенным дуализмом идейно-художественных программ архитектуры вообще и культовой архитектуры в частности. А именно, во-первых, в эту эпоху возникают новые, невиданные до этой поры, чисто европейские архитектурные формы, которым предстоит в дальнейшем стать выразительными чертами всего европейского строительного искусства. Во-вторых, в европейской архитектуре романского периода вполне ясно прочитываются параллели с архитектурой Римско-Византийской империи, Малой Азии, Армении и Сирии. Восстановление некоторой политической стабильности во всей Европе (в сочетании с проникновением христианства во все сферы жизни общества) в конце X в. приводит к невиданному доселе расцвету строительного искусства, в котором, безусловно, доминирует культовая архитектура. В мировоззрении романской эпохи власть императора Священной Римской империи германской нации воспринимается как земное отражение вселенской власти Всемогущего Бога — Отца. Видимо, по этой причине монументальные романские соборы, эти своеобразные дома — крепости (замки) Бога, очень сильно напоминают своими архитектурными формами военные рыцарские замки императоров, королей и феодалов, а на голове Христа-Спасителя красуется королевская или императорская корона (вместо появившегося позднее и ставшего привычным сегодня тернового венца). Именно в романском культовом зодчестве тектоника архитектурных масс впервые смогла соединить формы, язык и средства относительно единого для христианской Европы стиля, чтобы создать универсально организованное культовое пространство, воплотившее идею Единой христианской Европы, наполненную теолого-космическим содержанием в концепциях Западно-Римской церковной и светской традиций. Другими словами, романская архитектура (после периода так называемых темных веков) стала базовой основой первого общеевропейского художественного стиля, который более двухсот лет не только

и не столько услаждал органы зрения, но прежде всего обращался ко всей совокупности духовного и чувственного мировосприятия средневекового человека.

Этническое многообразие германо-славянских племен Священной Римской (Германской) империи и населения Франции (германцы, кельты, баски и пр.) обуславливает возникновение различных архитектурных решений. И действительно, достаточно вспомнить тот пестрый калейдоскоп народов и племен, заселявших благодатные земли Испании и Галлии, то только на краткое перечисление придется потратить значительное время. Это и вандалы, обосновавшиеся в Беатике, и аланы, осевшие в провинциях Лузитании (современная Португалия) и Картагинесисе (Картахене), свевы в Галисии и вестготы и романизированные галлы в Септимании со столицей в Толосе (современная Тулуза), франки и визиготы в Лангедоке и Руссильоне (по каталански Rossello) и, наконец, вновь вестготы в Нарбонне, Барсино (Барселоне), Севилье, Меридо (Мадриде), Толедо и многие, многие другие. К этому фактору стоит добавить многообразие самостоятельных епископств, аббатств и монашеских орденов со своими же особыми языками архитектурных форм и направлений, которые в основном и являются главными инициаторами создания объектов культовой романской архитектуры. По крайней мере, имена наиболее известных зодчих романской эпохи говорят сами за себя: Дидье — аббат монастыря Монте-Кассэн (преемник папы Григория VII), св. Вильгельм (создавший архитектурные школы в Гиршау и Ратисбонне), аббат из Вермоуса (посылавший миссионеров — архитекторов в Шотландию), аббат Сент-Арну в Меце (известный своим архитектурным проектом аббатства Монтъенеф в Пуатье), монахи Гозон и Гезилон (архитекторы главной церкви в Ключи) и пр. Неудивительно, что так называемая Книга Теофила — единственный технический трактат, сохранившийся от романской эпохи, это трактат монаха, составленный, прежде всего, для монахов¹. Поскольку общее административно-художественное руководство строительством романских объектов осуществляют клирики и монахи, единый христианский дух и традиции римского каменного зодчества создают некоторую основу европейского единообразия архитектурных форм романского периода (полуциркульная арка, блочные формы корпуса сооружений, вариации кубических капителей и т.д.). Наибольшим авторитетом среди монастырской братии данного периода, несомненно, обладал Ключийский монашеский орден (и Ключийская же архитектурная школа), влияние которой с XI в. чувствуется по всей Европе и вплоть до Палестины. Однако

---

¹ Подробнее об этом см.: Шуази О. История архитектуры: в 2 т. М.: В. Шевчук, 2005. Т. II. С. 230.

хотя авторитет Ключни (бургундской архитектурной школы) сказывается повсеместно, тем не менее он не подавляет местные архитектурные традиции и поэтому школы Нормандии, Оверни, Пуату, Прованса и Лангедока продолжают сохранять свои индивидуальные особенности. Более того, местные школы оказывают серьезное влияние на соседние регионы, порождая оригинальные архитектурные симбиозы. Например, в своей работе «Культовая готика Лангедока» мы уже отмечали существенное влияние ключнийской и овернской школ на развитие оригинальной культовой архитектуры Испании и Лангедока¹. Как точно отмечает О. Шуази: «Нигде авторитет центра не препятствует местной художественной инициативе. Центр устанавливает общую программу, но каждому монастырю предоставляется осуществлять ее по своему усмотрению»².

Несмотря на некоторую структурированность западноевропейского социума, «...мирное и безмолвное житие» никак не устанавливается на землях христианской Европы. Видимо, поэтому культовые здания во многом еще сохраняют некоторые военные формы, которые напоминают замкнутые в себе комплексы каролингских вестверков. И это несмотря на уже вполне сложившиеся базовые романские принципы членения церковных зданий на неоднородные компартименты с различной организацией пространств и архитектурных масс. Во многих случаях нартекс и фасады романских церквей составляют вместе самодовлеющий, замкнутый в себе мощный укрепленный комплекс, действительно выполняющий оборонительные функции. Весьма часто боевые зубцы-мерлоны, увенчивающие фасадные стены культовых сооружений, возведены по чисто фортификационным, а не декоративным причинам, например церковь Сен-Пьер в Муассаке, возведенная уже в XII столетии. Многие романские культовые сооружения вообще имеют в западных и других частях зданий настоящие донжоны, как, например, аббатства Монмажур, Сент-Оноре и Сент-Дени³.

Итак, мы видим, что церковь, представляющая собой укрепленный комплекс, — явление более чем распространенное в романскую эпоху. Стоит ли говорить, что именно поэтому *eglises fortifiees* — церкви укрепленного типа **романского периода**, со своими каменными колокольнями, возводимые в XI–XII вв., уже вполне представляли собой настоящие донжоны феодальных замков средневековья. Причем церковные колокольни культовых сооружений этого периода, как правило, изначально совмещают в себе и чисто

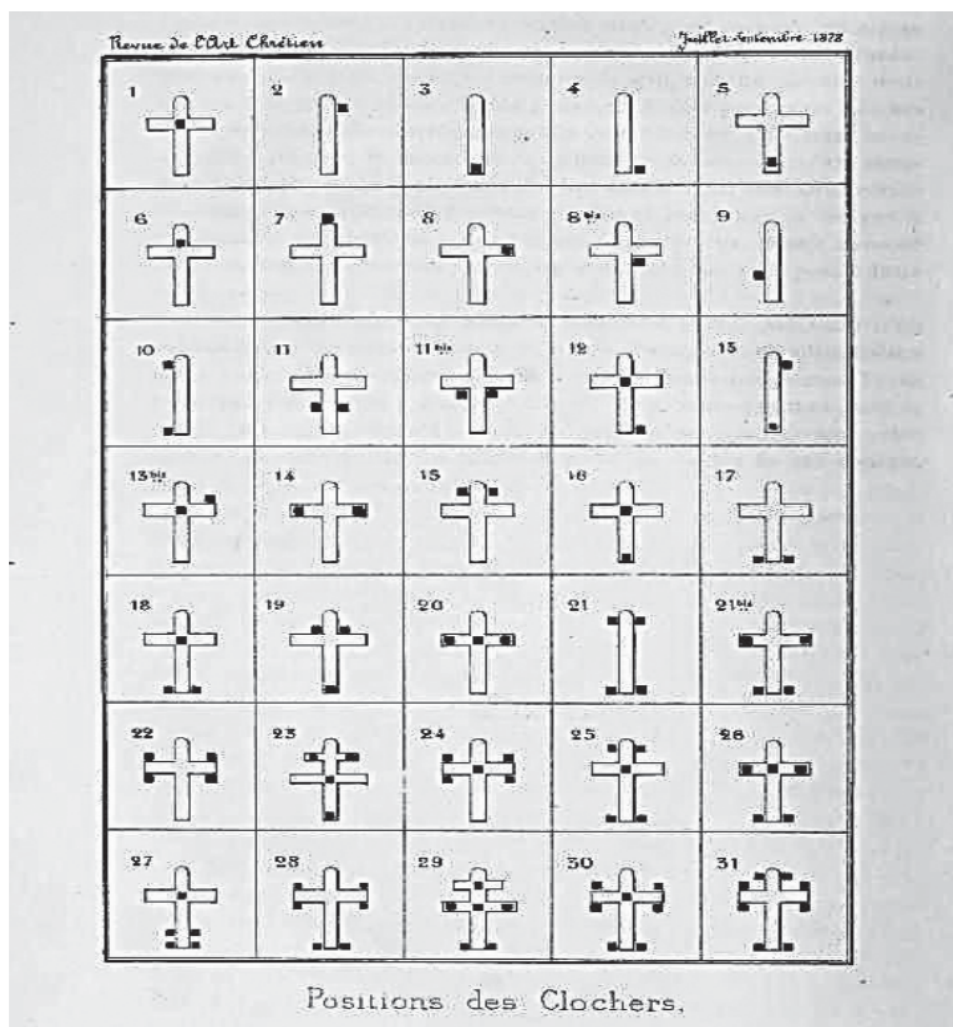
---

¹ См.: Орлов И.И. Культовая готика Лангедока. ПК ОРИУС, 2010. С. 265–266.

² Подробнее об этом см.: Шуази О. История архитектуры: в 2 т. М.: В. Шевчук, 2005. Т. II. С. 231.

³ Sugerii abbatis sancti Dionisii liber de rebus in administratione sua gestis. P. 47.

военное назначение¹. Многочисленные факты подобного совмещения фортификационного и культового назначения при возведении колоколен и церквей практически по всей Европе приводят в своих работах многие зарубежные исследователи.² Важную роль при сооружении укрепленных церквей, естественно, играет месторасположение церковной колокольни.

Рис. 2.19. Схема расположения колоколен церквей Франции XI–XV вв.

Стоит отметить, что проблема месторасположения и функционального назначения колоколен основных французских церквей романского и готического периодов стала систематически рассмат-

¹ Например: В 1127 г. убийцы графа Карла Доброго Фландрского выдержали целую осаду в церкви Сен-Донасиен де Брюгге (Saint-Donatien de Bruges), не покидая ее до тех пор, пока осаждавшие не начали вести подкопы. См.: С. Enlart: *Manuel d'archeologie du Moyen Age*. 1 partie, II, 1 edit, p. 549, note 2.

² Например: Шуази О. История архитектуры, в 2 т. М.: В. Шевчук, 2005; Кох В. Энциклопедия архитектурных стилей / Пер. с нем. М.: ЗАО «БММ», 2011; R. Rey: *Vieilles eglises fortifiees du Midi de la France*, Paris, 1925. и др.

риваться сравнительно недавно, во второй половине XIX в. Так, отдельно данной проблеме была посвящена VII Католическая Ассамблея под руководством герцога де Бриссака (de Brissac), которая прошла в июне 1878 г. в Париже. Тем не менее вопрос о местоположении колоколен до сих пор служит предметом острых научных дискуссий среди специалистов. Наиболее интересной и полной работой на эту тему, на наш взгляд, является исследование Антима де Сен-Поля (Antihyme de Saint-Paul) «О расположении колоколен», опубликованное в 1878 г. Проведенные автором визуальные и документальные исследования церковных колоколен позволили ему систематизировать данные архитектурные объекты и составить более или менее приемлемую классификацию расположения средневековых колоколен. Далее по тексту нашего исследования мы будем ссылаться именно на работу А. де Сен-Поля применительно к историческим периодам и географическому положению культовых сооружений¹ (рис. 2.19).

Так, согласно исследованию А. де Сен-Поля большинство башен-колоколен, расположенных в центре средокрестия и выполнявших оборонительную функцию, изначально сооружалось на всем протяжении романского периода в школах Периге, Пуату, Нормандии, Бургундии и Прованса (рис. 2.19.1). Например, до сих пор сохранился превосходный образец башни-колокольни византийского образца IX–X вв. собора в Сен-Фрон де Периге, которую историк архитектуры Феликс де Вернель считал предшественницей знаменитых соборных куполов. Однако постепенно к XIV–XV столетиям такие башни практически выходят из употребления. Причем, как отмечает Сен-Поль, связано это прежде всего именно с развитием фортификационного искусства, а отнюдь не с изменением художественно-эстетических взглядов на культовую архитектуру. Южные регионы Франции (Окситания, юг Гаронны) и Пикардия одними из первых стали сооружать башни-колокольни, примыкающие одной из своих сторон к клиросу церковного здания (рис. 2.19.2). Такая схема вполне отвечала распространенной тогда концепции феодального замка, в котором высокий и прочный донжон являлся главным центром всего укрепления. На всем протяжении XI столетия, видимо, в связи с дальнейшим развитием фортификационного искусства, почти повсеместно становится весьма популярной схема возведения башни-колокольни в передней части западного церковного фасада (рис. 2.19.3). Позднее мы увидим, что такая архитектурная схема также связана с новой фортификационной концепцией — защитой наиболее уязвимых мест обороны, распространение которой связано

---

¹ Antihyme Saint-Paul De la forme des Clochers, VII Assambles des Catholique. — Paris, 1878.

с Крестовыми походами в Святую землю. Данная система, выполнявшая исключительно оборонительную функцию, была использована в таких церквях XI в., как Кретель (Сена), Шеврени и Урсель (Эна), Сен-Пэр де Шартр, Сен-Жульен де Тур, Сен-Поршер де Пуатье, Изер и Эбрель (Алье), Лестерп (Шаранте), Сен-Сернен де Бордо, Байон (Жиронда), Сен-Мари д'Олорон, Сен-Годэн и Сен-Бертран (Верхняя Гаронна), Сарранколен (Верхние Пиренеи), Сен-Пьер де Муассак, Сен-Мари де Шаз (Верхняя Луара), Сен-Гильем (Эро), Сен-Пьер де Лион, Вилле-сюр-Мер (Кальвадос)¹.

На всем протяжении XII столетия данную схему продолжали совершенствовать и применять. Например, мы встречаем ее при возведении башен-колоколен в Басли, Кольвиль и Вьенн (Кальвадос), Фревилль (Нижняя Сена), Корель, Этамп, Сен-Андре де Шато-Ландон (Сена и Марна), Сен-Кантен, Изом (Верхняя Марна), Эпиналь (Вогеzy), Ланге (Эндр и Луара), Сен-Радегонд де Пуатье, Велеш, Брюсель и Жарлр (Вьенна), Сен-Ириикс (Верхняя Вьенна), Сарла, Пона и Тремола (Дордонь), Сен-Лорен де Паренэй, Роан-Роан и Клюссэ (Де-Севр), Сен-Дени-де-Жуэ (Эндр), Сен-Трофим д'Арль, Ожероль (Пюи-де-Дом, Эво (Крез)². Столь удачное композиционно-фортификационное решение получило весьма широкое распространение и применялось практически на протяжении всего Средневековья. Поскольку башня-колокольня значительно превосходила высотой западный портал, постольку она функционально решала в ансамбле культового сооружения и оборонительные и дозорные задачи. Удивление вызывает тот факт, что, несмотря на свое изначальное фортификационное назначение, башни-колокольни подчас поражают наше воображение своей легкостью архитектурных масс и изяществом форм. Даже при беглом осмотре культовых сооружений, оснащенных башнями-донжонами, мы не увидим случайной, хаотичной кладки и разнородности форм объектов. Тем самым они неизбежно убеждают нас в положительном факте изначальной продуманной схемы своего расположения по отношению к фасадам культовых сооружений. Примечательно, что и в XIII столетии при возведении церквей Сен-Илонорион-де-Перт, Базенвиль и Берньер (Кальвадос), Сен-Совьер де Кастель-Сарразен, Сен-Этьенн де Лимож, Сутеррен (Крез), Сен-Сабин (Кот д'Ор), Креван (Эндр), Понтобер (Йонна) и Пуан (Об) использовалась аналогичная архитектурно-композиционная схема. И даже в эпоху поздней готики схема расположения колокольни-донжона в центре западного фасада, проверенная веками, продолжала активно применяться на

¹ Antihyme Saint-Paul De la forme des Clochers, VII Assambles des Catholique. — Paris, 1878. P. 51.

² Там же. P. 52.

юге Франции и в Каталонии. В XIV–XV вв. мы встречаем ее при сооружении церквей и соборов в Коссад (Тарн и Гаронна), Сен-Жирон и Памье (Арьеж), Сен-Сесиль д'Альби, Л'Иль-д'Альби, Лавор (Тарн), Мюсси-сюр-Сен (Об), Шитри и Плесси-ле-Сек (Йонна), Плесси-Гриму (церковь настоятеля) и Эллон (Кальвадос), Немур и Сен-Пьер (Сена и Марна), Шише, Уанн и Сенпюи (Йонна), Буан (Луара), Мон-деван-Саси (Мез), Сен-Мексен (Де-Севр), Сен-Жак-де-Лизье, Мануар (Кальвадос), Маренн, Моэз и старинный собор «Всех Святых» (Нижняя Шарантэ), Бомарше, Марсияк и Миранд (Жер), Монен (Верхние Пиренеи), Фуа (Арьеж), Сен-Жак де Монтобан, Бельмон и Сен-Ком (Аверон), Л'Иль-ен-Дордонь, Булонь и Бланьяк (Верхняя Гаронна), Сен-Полен (Верхняя Луара), Алэ (Гар), Сен-Пьер-ле-Гийяр де Бурж, Обиньи (Шер), Нуан-ле-Фюзелье (Луара и Шер), Сен-Анжель (Коррез)¹.

Часто средневековые архитекторы, вместо того чтобы располагать колокольню над центральным порталом, прикрывали ее массой фланги угла западного фасада (рис. 2.19.4). Например, фасад собора Сен-Совьер де Брюгге (Saint-Sauveur de Bruges) и сегодня прикрывает с фланга внушительная колокольня, основание которой сохранило романское обличие. Такие же башни-колокольни в Сен-Пьер де Пелье д'Орлеан, в Сен-Андре-д'Эберло и в Комм (Кальвадос) сооружались в XI в., а в Сен-Валерьен де Шатодан, в Огюстэн де Монморийон, в Сен-Марсель (Сона и Луара) и в Шисси (Юра) они были возведены в XII столетии. Позднее, в XIII–XIV вв., аналогичная схема была применена при строительстве церквей в Лонпон (Сена и Уаз), в Шампо (Сена и Марна), в Донзи-ле-Пре (Ньевр), Сен-Персу-Везлэ и Сен-Жермен д'Оксер (Йона), в Сен-Пьер де Лимож, в Бомон-де-Ломань (Тарн и Гаронна), в Рье и Сен-Марсе (Верхняя Гаронна), в Луви-Жюзон (Верхние Пиренеи), в Ломбе (Жер), в Рошфуко (Шарантэ), в Ганна (Алье) и в Сен-Северан де Пари². Такое несколько необычное с эстетической точки зрения расположение становится вполне объяснимым с учетом заранее продуманного архитектором плана возводимого культово-фортификационного сооружения. Дело в том, что весьма часто и сами церкви, и церковные башни-колокольни встраиваются в общую систему городских или монастырских укреплений. Так, в Льеже (Liege) уже с начала XI в. колокольни городских церквей: Сен-Серве (Saint-Servais), Сен-Мартин (Saint-Martin) и Сен-Дени (Saint-Denis) были объединены при непосредственном участии епископа Ноткера (Notger, ум. в 1008 г.) в первый пояс городских укреплений. Весьма интересна

¹ Antihyme Saint-Paul De la forme des Clochers, VII Assambles des Catholique. — Paris, 1878. P. 52.

² Там же p. 53.

с военной точки зрения колокольня церкви Сен-Жермен-Лапрад (Saint-Germain-Laprande) в районе Верхней Луары (Haut-Loire), верхняя часть которой, впрочем, возведена относительно недавно и не представляет интереса для нашего исследования. Сама же колокольня, опираясь на квадратный фундамент из плотных каменных блоков (сложенных значительно раньше XII в., когда был возведен весь ансамбль), формирует как бы независимый фортификационный объект и возвышается над церковной апсидой. Исторически это обусловлено тем, что данная местность была резиденцией важного епархиального поместья знатных баронов, контролировавших передвижение по дороге из Пию (Puy) в Виварэ (Vivarais)¹. Подобная схема присуща довольно многим культовым объектам романской эпохи, с этой точки зрения несомненно интересна также старинная укрепленная колокольня в Куараке (Coirac), провинция Жиронда (Gironde)².

Вполне возможно предположить, что именно преобразование колоколен из простых звонниц в башню, выполняющую оборонительную функцию (своеобразного донжона), и привело в дальнейшем к созданию единого фортификационно-культового комплекса церкви укрепленного типа *eglise fortifiée*. Похожее развитие в этот период происходило, как мы знаем, и у первых светских замков-крепостей: квадратная башня (изолированная на возвышенности и защищенная окружающим ее рвом), постепенно трансформируясь, становится все более обширным фортификационным сооружением — замком. Не случайно на территории Окситании, а именно в Руссильоне и соседних окрестностях по обеим сторонам Пиренеев, встречаются наиболее древние образцы укрепленных колоколен и церквей укрепленного типа. Это неудивительно, поскольку именно этот отдаленный уголок христианской Европы, состоящий из переплетений суровых гор и плодородных долин, входил в так называемую Испанскую (Франкскую) марку, пограничную территорию, созданную Карлом Великим (768—814) на месте отвоеванной у мавров в 801 г. Барселоны. Это небольшой христианский форпост на северо-востоке Испании, расположенный вокруг Барселоны, с VIII в. систематически опустошался постоянными набегами сарацин. После распада франкской империи Испанская марка вошла в состав Французского королевства. Самостоятельность ее полунезависимых графств постепенно росла, и, когда в 987 г. во Франции династия Каролингов была низложена, графы Испанской марки отказались признавать Гуго Капета своим королем. С этого момента

---

¹ См.: Noël Thiollier *L'architecture religieuse à l'époque Romane dans l'ancien diocèse de Puy*, p. 21, 24, 149 et pt. 96.

² Cf. Brutails: *Eglise de la Gironde*, p. 222.

времени их подчинение французской короне стало номинальным, хотя и сохранялось юридически вплоть до 1259 г. Под влиянием непрерывной угрозы мавританских набегов христианское население Руссильона, Пиренеев и Каталонии (графств, входивших в Испанскую марку) организовалось к середине XI в., под властью графов Барселонских (основатель династии — Вифрид Волосатый), в целостность, основанную на личных, языковых и культурных связях, происхождение и история которых до сих пор покрыта мраком. Постепенно за этой территорией закрепляется название «Каталония», которое, как и топоним «Кастилия», по-видимому, означает «страна замков». Сегодня известно, что франкские графы привнесли туда окситанский язык и что их власть постепенно распространилась к северу от Пиреней вплоть до Прованса¹.

Повседневная жизнь графов Барселонских этого периода (один из которых был избран в 1151 г. королем Арагона) представляла собой перманентную войну против «неверных». Испанские крестовые походы, именуемые реконкистой, с VIII в. стали привычным образом жизни для многих поколений жителей по обеим сторонам Пиренеев. В середине X в. каталонские графы еще признают вассальную зависимость от Кордовского халифата, войска которого в 985 г. нападают и разоряют Барселону, но спустя два-три десятилетия инициатива реконкисты переходит в руки христиан. К началу XII в. граница с исламом была отодвинута на юг, в сторону реки Эбро, а некоторые мусульманские правители (включая эмира Сарагоссы) платили дань графам Барселоны. Примерно в это же время, на рубеже X—XI вв., при короле Санчо Великом Наварра со своей столицей в Памплоне становится сильным христианским государством (подчинившим себе Арагон и Кастилию). Однако после смерти Санчо (1035 г.) его держава распадается и Арагон понемногу расширяет свои владения в долине Эбро за счет мусульманских эмиров в XI в. Окситанско-каталанская «Песня о Святой Фе» (*Chanson de Sainte Foy*), покровительнице крестовых походов, является красочным свидетельством об этой многовековой эпопее борьбы Креста и Полумесяца².

Немые свидетели этой долгой и упорной борьбы и сегодня высятся на отрогах горных вершин Французских и испанских Пиренеев. Одним из таких свидетелей по праву является Королевский монастырь Санта-Мария-де-Поблет (*Reial Monestir de Santa Maria*

---

¹ См.: A. Molinier: *Geographie de la province du Languedoc au Moyen Age*, note XVIII du t. XII de l'Histoire generale de Languedoc, edit. Privat.; Baudon de Mony: *Relations politiques des comtes de Foix avec la Catalogne*, Paris, 1896.

² P. Alfàric: *La chanson de Sainte Foy et les Croisades*, *Rev. des Etudes historiquées*, janv. — mars 1924.

de Poblet / Real Monasterio de Santa María de Poblet), или просто монастырь Поблет (Публет) — одно из чудес цистерцианской архитектуры в Каталонии, самый знаменитый и грандиозный из монастырей «цистерцианского треугольника». Название монастыря Поблет (Публет) (Poblet) происходит от латинского слова *populetum*, что означает «тополиная роща». Наряду с монастырями Сантес-Креус и Вальбона-де-лес-Монжес, аббатство Поблет образовало так называемый «цистерцианский треугольник» — группу цистерцианских монастырей, созданных во второй половине XII в. на землях, которые получили название «Новой Каталонии». Основание этих монастырей служило целям христианского освоения и заселения новых территорий, отвоеванных Арагонской короной у мусульман. Монастырь Поблет был основан графом Барселоны Раймоном Беренгером IV, который в 1151 г. даровал Лангедокскому аббатству Фонфруад (Fontfroide) земли *Populetum* в области Конка-де-Барбера (Conca de Barberà) (ныне это часть провинции Таррагона) для основания там цистерцианского монастыря. Этот подарок преследовал двойную цель: духовную (создать христианский центр на отвоеванных у мавров каталонских территориях) и экономическую (обработать пустынные заброшенные земли). Естественно, никто лучше монахов Цистерцианского ордена не подходил для выполнения поставленных задач. В стремлении вернуть монашеской жизни строгость и чистоту цистерцианцы отвергали роскошь и богатство ради бедности, смирения и простоты. Монахи цистерцианского ордена и сегодня отличаются верностью идеалам аскетизма, что проявляется как в их затворническом, созерцательном образе жизни, так и в стиле цистерцианской архитектуры — потрясающей по строгости и изяществу. Для цистерцианских церквей и монастырей характерна строгость и практически полное отсутствие орнаментов, дорогой утвари и пышных интерьеров. Монастырь Поблет по праву считается превосходным образцом этого аскетичного цистерцианского стиля. Защищенный с тыла подножием гор Прадес, этот участок прекрасно подходил для основания монастыря: местность уединенная, источников воды вдоволь, да еще и обширные угодья вокруг — идеальные условия для независимой затворнической жизни и занятий сельским хозяйством (рис. 2.1).

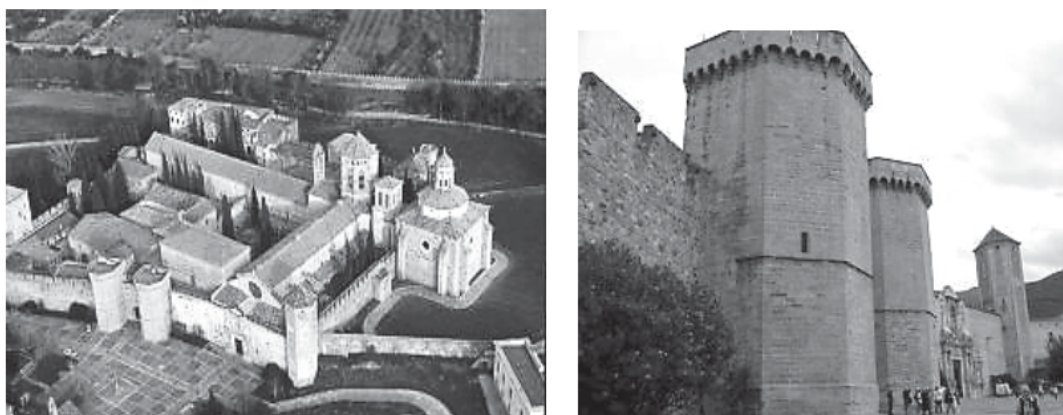
Цистерцианские монастыри обычно располагались в безлюдной, девственной местности, но всегда рядом с источниками воды. Умелые монахи превращали эти территории в плодородные земли и придумывали новые сельскохозяйственные методы, из-за чего цистерцианцев даже называют величайшими агрономами той эпохи¹.

---

¹ См.: N. Pousthomis-Dalle Moines et Religieux dans la ville XII–XV siècle. Toulouse: Privat, 2011.

Сведения о первой организованной монашеской общине в Поблете относятся к 1153 г.

Рис. 2.1. Королевский монастырь Поблет.
Reial Monestir de Santa Maria de Poblet

Первые 12 монахов Поблета и их аббат занимали небольшой скит Лаудета, располагавшийся в непосредственной близости от того места, где сегодня возвышается монастырь. Затем община начала получать пожертвования от королей и аристократических семейств и в короткий срок обзавелась землями и усадьбами. Граф Раймон Беренгар IV, а также каталанские аристократы и землевладельцы жаловали монастырю разнообразные права и земли взамен на право участвовать в духовной жизни или быть захороненными в монастыре. В результате этих милостей владения Поблета стали самыми обширными в Каталонии после поместий герцогов Кардоны. Они включали множество деревень и поселений, разнообразные угодья, а также права выпаса скота и ловли рыбы (последнее особенно важно, учитывая, что по правилам цистерцианского ордена монахи должны воздерживаться от употребления мяса). Строительство нынешнего монастыря началось в 1163 г., когда некий Арнау де Бордельс (Arnau de Bordells) сделал пожертвование на строительство «каменного дома». Вскоре после этого Рамон де Сервера (Ramón de Servera), который был сеньором местности Эсплуга Юссана (часть нынешнего поселка Эсплуга-де-Франколи), разрешил монахам брать с этих земель любое необходимое количество камня на возведение монастыря и служебных построек. Дальнейшие строительные работы были предприняты по инициативе короля Арагона Альфонсо II Целомудренного (1162–1196) (сына основателя монастыря, Рамона Беренгара IV). В эпоху правления этого короля был возведен центральный неф, правый боковой неф, трансепт и полукруглые капеллы монастырской церкви и Старая сакристия (рис. 1). Также были построены локутория (приемная монастыря), калефакторий (единственное отапливаемое помещение), рефекторий (трапезная)

и фонтан для омовений. Кроме того, начались работы по строительству больницы. Сохранившийся документ (завещание) 1184 г. гласит, что в этот период строительство монастырской церкви еще не было окончено. Другой документ того же года упоминает о пожертвовании, сделанном королем для лампад алтаря Девы Марии, что позволяет предположить, что по крайней мере в пресвитерии богослужения уже проводились. Обычно в качестве периода строительства церкви монастыря Поблет называют 1166—1185 или 1162—1196 гг. Богатые пожертвования короля Альфонсо II Целомудренного сыграли ключевую роль в развитии Поблета. Независимость монастыря охранялась как королями Арагонской короны, так и каталонскими аристократами. Говорили даже, что «аббат Поблета может проехать от Пиренеев до Валенсии, не выезжая за пределы собственных владений». Монастырь также являлся крупным культурным центром: он располагал внушительной библиотекой, пополнявшейся монархами и аристократами, и скрипторием для переписки книг. В частности, здесь была создана самая древняя из сохранившихся рукописей Хроники короля Хайме I (была переписана в 1343 г. для аббата Копонса).

Поблет представлял собой настоящее самостоятельное и самодостаточное поселение наподобие Ключийского аббатства Сито. Помимо обязательных для каждого монастыря фортификационных, культовых и служебных построек, в Поблете также имелись больница, аптека, кладбища, сад ароматических растений, мельницы, пекарни и даже тюрьма, поскольку аббат обладал властью феодального сеньора. Как и в других цистерцианских монастырях, комплекс имел четкое зональное деление, напоминавшее римский военный лагерь. Одна часть помещений предназначалась исключительно для монастырской жизни (центром которой был клуатр и примыкающие к нему постройки, включая церковь, рефекторий, dormitorio, кухню, зал капитула и библиотеку). Ко второй группе помещений относились резиденция аббата, больница, гостиница и административные службы, а к третьей — амбары, склады, винные погреба, скотный двор и т.п. Наконец, четвертая группа была довольно необычной и встречается еще разве что в монастыре Санта-Крус: имеется в виду Королевская резиденция. Наличие примыкающего к монастырю королевского дворца объясняется тем, что и Поблет, и Санта-Крус имели прочные связи с короной, поскольку арагонско-каталонские короли избрали эти монастыри в качестве мест своего захоронения, превращая их в королевские усыпальницы (пантеоны).

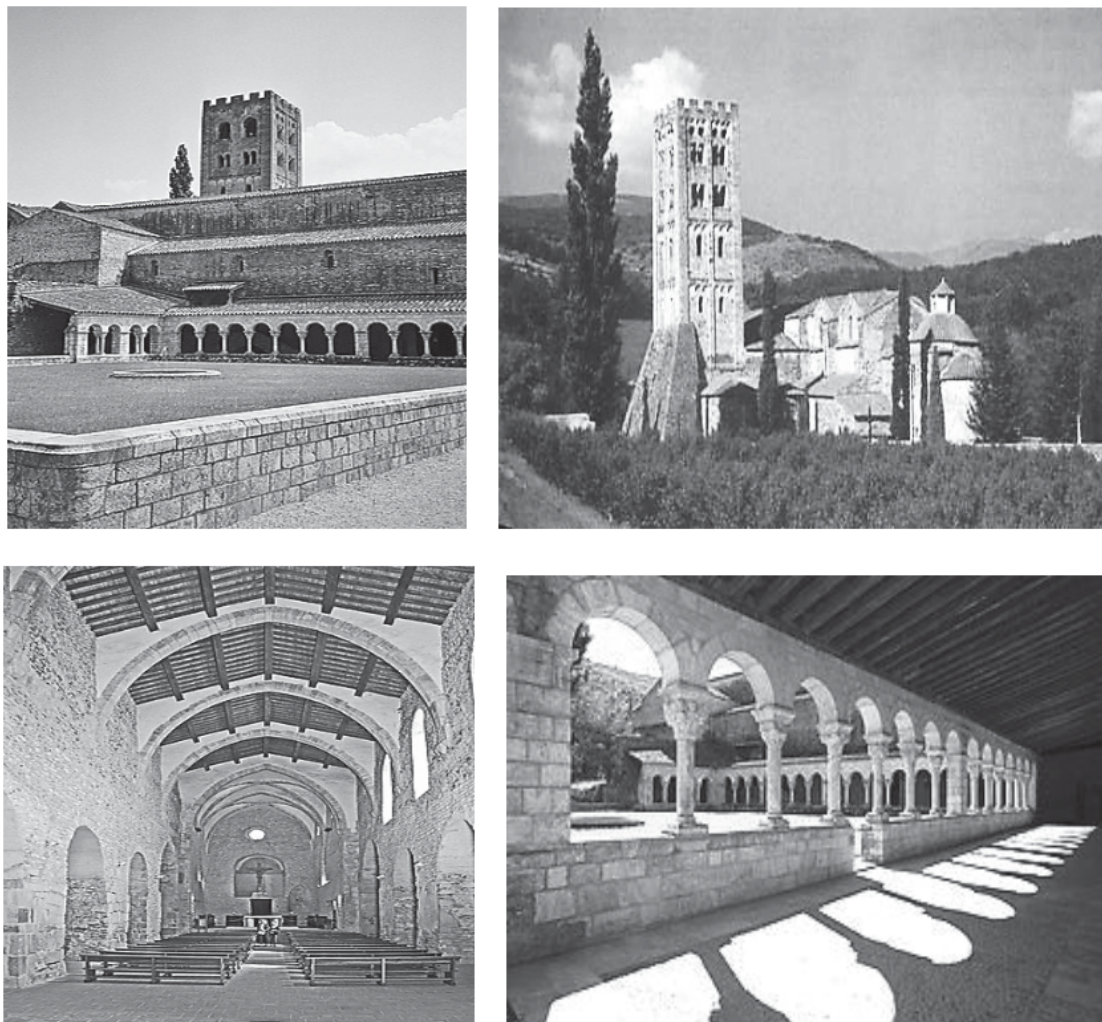
Старейшими постройками на территории Поблета является капелла (больничная часовня) Св. Стефана (*capella de Sant Esteve*) (1180), больница и другие временные помещения, использовавшиеся во время строительства основных зданий. Эти постройки XII сто-

летия, примыкающие к крепостной стене монастыря с восточной стороны, существуют и поныне, так капеллу можно частично увидеть снаружи. Здание капеллы св. Стефана представляет собой единообразную, неотделимую от стены каменную массу, столь типичную для ранней романской «стереотомной» архитектуры. Это чисто телесное ощущение культово-фортификационной архитектуры, почти лишенное пространственного содержания, воздействует на нас исключительно своей массой каменного материала и являет собой типичное композиционное решение архитектуры масс и плоскостей. Здесь, кажется, достигнуто полное органическое слияние стен и сводов, столь характерное для стереотомной романской архитектуры. Работы продолжились при внуке Альфонсо, Хайме I Завоевателе (1213–1276), который пожертвовал монастырю массу драгоценностей, а также даровал часть своих завоеваний в виде городов и замков. Начиная с этого периода в монастырском комплексе появляются элементы позднероманского и нового готического стиля, резко контрастирующего с традиционной цистерцианской строгостью. Именно в это время были перестроены крепостные сооружения, монастырская библиотека, dormitorio (спальни монахов) на верхнем этаже над библиотекой, зал капитула, клуатр (крытые галереи вокруг двора), беседка фонтана, кухня и рефекторий (трапезная) новообращенных братьев (послушников). Также было завершено строительство атриума (нартекса) перед входом в храм. Впоследствии этот атриум был скрыт за крепостной стеной и добавленным позднее барочным фасадом. Более подробно о системе фортификационных сооружений монастыря Поблет мы поговорим в главе, посвященной готическому периоду.

Наиболее типичным и хорошо сохранившимся культовым объектом раннего романского периода, в полной мере отражающим фортификационные схемы *eglises fortifiées* является также укрепленное аббатство Сен-Мишель-де-Куша (Saint-Michel-de-Cuxa). Монастырь Saint-Michel-de-Cuxa — это выдающийся памятник, характеризующий переход от дороманской к романской архитектуре в течение жизни всего одного поколения. В Бургундии еще не была закончена церковь Ключи II, когда в 975 г. семь окситанских епископов освятили аббатскую церковь Сен-Мишель-де-Куша, основанную Суинфредом, графом Сердании (Cerdagne). Аббатство Сен-Мишель (Saint-Michel-de-Cuxa, на каталанском — Сан-Мигель-де Кюкса) в местечке Codalet в регионе Лангедок-Русильон (Восточные Пиренеи) было основано бенедиктинским монашеским орденом. Это был важный религиозный центр во времена аббата Олиба. Маленький городок Кодале находится в долине реки Тет недалеко от Перпиньяна. Один из старейших бенедиктинских монастырей Окситании и Франции, основанный в IX в. у подножия горы Канигу,

представляет собой жемчужину романской архитектуры. Более поздние пристройки и дополнения относятся к X–XI вв. К сожалению, сегодня некоторые колонны монастыря вывезены в Нью-Йорк, где являются частью музея клуатров. Но даже то, что осталось, представляет собой сокровище ранней романской архитектуры (рис. 2.2).

Рис. 2.2. Аббатство Saint-Michel-de-Cуха в местечке Codalet X–XI в.

История аббатства Saint-Michel-де-Суха, как ни странно, начинается с наводнения. Изначально существовала весьма почитаемая в Каталонии обитель Сан-Андре-де-Эскалада в местечке Eixalada, основанная в 840 году. Но в 878 г. река Тет (Têt), у русла которой был расположен монастырь, вышла из берегов. Наводнение уничтожило обитель, а уцелевшие от стихии монахи были вынуждены укрыться в Кюса (Суха), под защитой графов Серданьи (Cerdagne). Протасиус, аббат старого монастыря, обратился к графу Конфлента и Русильона Миро Старому с просьбой выделить им место под строительство новой обители. Граф Миро Старый удовлетворил их просьбу, подписав в июне 879 г. необходимые документы. Первая монастырская

церковь была построена на личные деньги графа Конфлана. Все привилегии и земли уничтоженного монастыря Эскалада были переданы новому аббатству. В результате уже через четыре года после основания монастырь Сан-Мигель-де-Куша стал одним из богатейших и влиятельнейших аббатств Каталонии. Интересно, что граф Миро Старый покровительствовал не только аббатству Saint-Michel-de-Cuxa, но и другим монастырям. Благосклонностью графа пользовалось аббатство Лаграс. Он также содействовал основанию монастырей Сан-Хуан-де-лас-Абадесас и Санта-Мария-де-Риполь. В 940 г. по инициативе графа Синифрида II Серданского была построена церковь Сен-Мишель. В 956 г. здание было переделано, став более просторным. Главный алтарь новой церкви был освящен 30 сентября 974 г. монахом Гари из монастыря Ключи на Луаре, основавшего 5 монастырей на юге Франции. Церковь была трехнефной с сильно выступающим трансептом, к которому примыкало пять или семь ступенчатых апсид с прямоугольной центральной. Вход в церковь — через клуатр. Дороманская церковь св. Михаила (Сен-Мишель) — это большая базилика, построенная в период 956–974 гг. аббатами Понсом и Гарином. Ее длинный неф и обширный трансепт напоминает раннехристианские великие базилики Рима. Проход состоит из двух больших квадратных апсид и двух часовен с круглыми апсидами в направлении трансепта. Это сходство с раннехристианской архитектурой усиленно подчеркивается заранее спланированным переходом от относительно светлого центрального нефа к полутемным апсидам. Нет никакого сомнения, что неизвестный строитель предусматривал так называемый эффект «искусственного света», когда мерцание горящих свечей создавало в полутьме апсиды таинственное ощущение мистической близости Бога. Перед нами возникает реальная картина попытки приложения эмоциональной составляющей светового потока при разработке внутреннего пространства культового сооружения. Неизвестный романский архитектор пытался создавать и регулировать световые эффекты количеством света, вводимого внутрь здания. Другими словами, перед нами робкая интуитивная попытка создания той «симфонии света», которую позднее породит культовая готическая архитектура Франции. Первоначально это огромное здание было не сводчатым, а покрытым деревянными балками. Главной характеристикой церкви являются арки в виде подковы. Эта форма (кривая выходит за рамки полукруга) особенно заметна в трансепте, так как аркады нефа были увеличены в XVI столетии. Арки в виде подковы, строительство которых продолжалось на пространствах Окситании от эпохи вестготов вплоть до романики, является наследием позднеклассического периода. Арабская мусульманская цивилизация также черпала вдохновение от этих форм, отчего долгое время считалось, что церковь Saint-Michel-de-Cuxa была

построена под влиянием мусульманского искусства, несмотря на то что арабы покинули эту территорию за два века до ее постройки.

В начале XI в. ее знаменитый окситанский строитель монастырей аббат Олиба приказал окружить главную апсиду сводчатым деамбулаторием, добавив на восточной стороне еще три апсиды, и расширил неф храма. Оригинальные плоские перекрытия романских базилик в городах Ар-ле-сюр-Теш (с 1064) и в Эльне (первая четверть XI в.) позволяют нам предположить, что центральный неф церкви Сен-Мишель изначально также не имел каменных сводов. Стандартизация архитектурных сводов — другая особенность раннероманского искусства в XI веке. Этот церковный свод уже был построен на деревянной опалубке, которая сохранила свои отпечатки в известковом растворе. Углы и колонны большой церкви были построены из огромных, часто восстановленных, тесаных каменных глыб, а сами стены закончены с кладкой из грубых, нерегулярных камней. Этот метод строительства характерен для романской архитектуры XI в., где камни, даже не обтесанные, были сформированы и регулярно расположены в соответствии со своими пропорциями. Размещение небольших узких боковых оконных проемов позволило архитектору направить световой поток сверху вниз и тем самым как бы наполнить пространство церкви настроением мистической тишины и покорности. Этим композиционным приемом зодчий решил одну из сложнейших задач романской архитектуры, связанную с проблемой естественного освещения культовых интерьеров. Для того чтобы сгладить грубую составляющую прямых направлений и линий здания, производящую жесткое угловатое впечатление на зрителя, неизвестный архитектор специально прибегает к использованию кривых линий. Кривые линии романских арок, плавно меняющие направление и повторяющиеся в одинаковом ритме, словно внушают композиции церковного здания некое спокойствие. Спустя некоторое время аббат Олиба выстроил круглую церковь-ротонду Нотр-Дам-де-ля-Креш в восточной части будущего монастыря, ради чего пришлось сломать недавно законченную центральную апсиду деамбулатория.

При подходе к монастырскому комплексу уже издалека мы не можем не любоваться укрепленной колокольной-донжоном прямоугольного сечения XI в. с ее четырьмя этажами. Эта внушительная, но в то же время чрезвычайно изящная башня-колокольня богато профилирована аркатурами (рядом декоративных ложных арок на фасаде), столь характерными для раннероманской архитектуры Ломбардии и Окситании. Четыре мощных угловых прямоугольных контрфорса, скрывающиеся под видом угловых пилястр, усиливают углы башни путем утолщения стен на их стыках. В данном случае согласно изначальной концепции архитектора это привело к обра-

зованию мощных внешних углов, что визуально ограничивает плоскости стен башни и как бы задает основную доминантную вертикаль сооружения. Характерны для этого периода романики и типичные закладные отверстия в плоскости стен и да сам лаконичный силуэт колокольни-донжона¹. Между угловыми контрфорсами башни имеется один средний пилястр-контрфорс, который лишь слегка выступает над плоскостью стен. Этот элемент также имеет конструктивное назначение, поскольку его задача — укрепить среднюю часть стены и создать дополнительное ребро жесткости всей конструкции на случай ее последующей надстройки. Таким образом, когда башня-донжон наращивалась по высоте, высота угловых и промежуточных контрфорсов оставалась прежней — модульной. Стены башни-донжона скреплены поясками вдоль каменной кладки, ограниченные контрфорсами на углах. Верхние два этажа профилированы сдвоенными аркадами поверх этих поясков, эти аркады и являются, по сути, единственными источниками света. Эти же элементы можно найти у северо-итальянских (ломбардских) сооружений того же периода, что доказывает существовавшую тесную связь между этими двумя регионами. В соответствии с фортификационными концепциями того периода башня-колокольня Сен-Мишель несколько отстоит от основного церковного здания и соединяется с ним укрепленной галереей. Если осажденным удавалось проникнуть во двор монастыря, они оказывались перед второй линией обороны, которой и являлась башня-донжон. Поскольку башня играла роль опорного пункта обороны, постольку именно этой цели и были подчинены архитектурная форма и способ каменной кладки при ее возведении. Ключевая роль башни-донжона в общей системе обороны монастыря и обуславливалась господствующим положением башни-колокольни над местностью. Если же противнику удавалось захватить и внутренний двор монастыря с церковью, то башня-донжон служила последним мощным убежищем для монахов и гарнизона. В период 1010—1040 гг. аббат Олиба возвел две колокольни и западную часть монастыря в виде двух наложенных друг на друга церквей перед большой церковью X в. Клуатр аббатства Сен-Мишель-де-Куша — это типичная для романского (позднее и готического) стиля крытая галерея по периметру закрытого прямоугольного внутреннего двора монастыря. Клуатр монастыря Saint-Michel-de-Cuxa был перестроен в 1049—1055 гг. с аркадами и капителями, часть которых сегодня находится в городке Prades, а часть в частных коллекциях.

---

¹ См.: А. Гамильтон Томпсон. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Полиграф, 2011. С. 172.

Церковь Сен-Пьер де Прадес — главная достопримечательность старого городка Прадес (Prades). Уже издалека видна высокая колокольня XII в. Верхние три уровня этой колокольни-донжона красиво декорированы каменным романским орнаментом и арочными окнами. Однако шпиль на вершине башни был добавлен уже в позднейшее время. На восточной стене церкви Сен-Пьер можно увидеть сохранившуюся романскую кладку и два арочных окна романской эпохи. Одно из окон, впрочем, давно заложено — это старейшая часть церкви, датируемая примерно XII столетием. Дело в том, что из-за роста населения городка первоначальное романское здание церкви стало слишком тесным для прихожан. В самом начале XVI в. здание церкви стали перестраивать в соответствии с тогдашней модой, окончательно строительство церкви Сен-Пьер завершилось лишь в XVIII столетии. Современная готическая постройка имеет впечатляющие размеры: 43 метра в длину, 13 метров в ширину и 17 метров в высоту. Интерьер церкви, выполненный в стиле барокко, поражает своей роскошью, особенно пышная отделка и позолота вокруг алтаря. Роскошный барочный алтарь церкви, один из крупнейших во всей Франции, был выполнен в 1699 г. каталанским скульптором Жозефом Санье (Joseph Sunyer). Первоначально клуатр был закрыт с четырех сторон, а вокруг него группировались здания, находящиеся в коллективном пользовании монастырской братии: трапезная, общежитие и пр. Все эти здания были снесены после революционных событий 1789 г. Скорее всего, романский клуатр был сооружен стараниями аббата Грегори примерно во второй половине XII столетия. Он знаменует собой период расцвета скульптурной пластики в романском искусстве этого региона и как бы заново возрождает античные традиции работ по мрамору. Реконструкция клуатра также включала использование прежних капителей от бывшей крестной перегородки, чья цель была отделить место, предназначенное для монахов. К сожалению, она окончательно была демонтирована в XVI веке, хотя некоторые ее фрагменты были затем повторно использованы в интерьерах аббатства, до того момента, пока они были окончательно рассеяны по разным местам в течение бурного XIX столетия. В изолированном северо-западном углу еще можно видеть незначительное число персоналий евангельских сюжетов, Иисуса Христа, ангелов и серафимов. Входной портал нынешней церкви представляет собой фронтальную арку бывшей крестной перегородки клуатра. На ней все еще можно видеть скульптурное символическое изображение евангелистов — льва св. Марка (слева) и быка св. Луки (справа), а также полный декоративный орнамент XII столетия.

Мотив аркад по сдвоенным колоннам, которые сочетаются с полуциркульным сводчатым перекрытием галерей и разделяются по

углам массивными угловыми опорами, придают клуатру церкви Сен-Мишель многоплановость и живописность пересечений и сочетаний архитектурных линий. Декор капителей колонн примечателен непривычным отсутствием повествовательных субъектов и человеческих фигур. В основном он вдохновлен символами, фантастическим бестиарием (львы, обезьяны), чудовищами и растительными мотивами. Как и большинство клуатров окситанской и провансальской школы, клуатр Сен-Мишель-де-Куша покрыт традиционной черепицей, уложенной непосредственно на своды. Поскольку клуатры предназначались, прежде всего, для духовных лиц, то обычно рядом с двориком располагали просторный зал для заседаний капитула. Ввиду подобной конструктивной необходимости клуатры почти всегда примыкали к внутренней из боковых сторон культовых зданий и были таким образом отделены от городских улиц с их шумной светской жизнью. Подобную схему мы можем видеть и в романских клуатрах коллегиальных церквей Сен-Сальви и Сен-Трофим, и позднее в готических клуатрах церквей доминиканского и августинского монастырей в Тулузе, и в клуатрах кафедральных соборов: Сент-Этьен в Тулузе, Сен-Жюст и Сен-Пастер в Нарбонне, и Сен-Назер в Безье. Стоит отметить, что слава и популярность аббатства Сен-Мишель-де-Куша в качестве идеальной обители уединения и молитв в эпоху Средневековья была достаточно велика. Например, когда могущественный дож Венеции — Пьетро I Орсеоло принял совет своего друга Ромуальда стать монахом, он удалился именно в монастыре Saint-Michel-de-Cuxa. И именно здесь он в сопровождении самого Ромуальда и его компаньона, Маринуса, основал так называемый эрмитаж (вариант маленького монастыря или скита), уединенное жилище отшельника или группы отшельников, решивших вести затворническую религиозную жизнь. Этот красивый укрепленный *monatère*, расположенный в 15 км к югу от французского города Cerberus и в 25 км к северо-востоку от Фигейраса, можно видеть и сегодня.

Именно в контексте этой многовековой борьбы христианства и ислама мы и встречаем, в ключевых точках освобожденной от мавров территории Окситании, наиболее древние следы укрепленных монастырей, колоколен-донжонов и церквей укрепленного типа¹. Эти оригинальные колокольни Окситании (особенно в области Руссильона), профилированные снизу доверху ломбардскими пилястрами, сразу выделяются своим внешним обликом среди

---

¹ По этому вопросу см.: J.-A. Brutails: *Notes sur l'Art religieux du Roussillon* (Bull. Archeol., 1892); см. также *Congres archeol.*, 35 session, et Puig y Cadafalch; также A. de Falguera, J. Goday, Casala: *L'arquitectura romanica a Catalunya*, I, p. 468 и т.д.

прочих романских колоколен Средневековой Европы. Внимание историков искусства и археологов давно привлекло наличие многочисленных бордюров, вертикально расчленяющих внешнюю поверхность стен и соединенных в верхней своей части рядом сводчатых аркатур¹. При даже внешнем сравнении этих окситанских колоколен с прочими романскими сооружениями Франции сразу приходит мысль, что мы видим архитектурные творения иностранных зодчих. В этом приеме легко узнаются основные черты искусства Ломбардии, позаимствованные, в свою очередь, зодчими этого региона на Востоке, за Адриатикой (получившими впоследствии название «ломбардские пилястры»)². Именно многократное и ритмическое повторение мотива арки по всему периметру и на всю высоту культового сооружения создает совершенно уникальное гармоническое единство сооружений «ломбардской архитектуры», не вызывая при этом впечатления монотонности. Сегодня факт проникновения и влияния ломбардской архитектурной школы в регионах Каталонии, Лангедока, Руссильона, да и всего центра и юга Европы считается вполне доказанным. Стоит особо отметить тот факт, что в ломбардской архитектуре вырабатывается (распространяясь затем по другим регионам) и особый композиционный прием соединения башен (бродетто) с другими постройками особыми двухъярусными корпусами «висячих» переходов, нижний ярус которых представлял собой проездную или проходную арку, а верхний служил переходом (освещенным, как правило, небольшими бифорными или трифорными окнами). Впервые подобная композиция возникает как раз в замковой (фортификационной) архитектуре, например в замке Фридриха Барбароссы в Комо — Кастель Бараделло³ или в замке Мантуи (владение Штауфенов в Северной Италии)⁴.

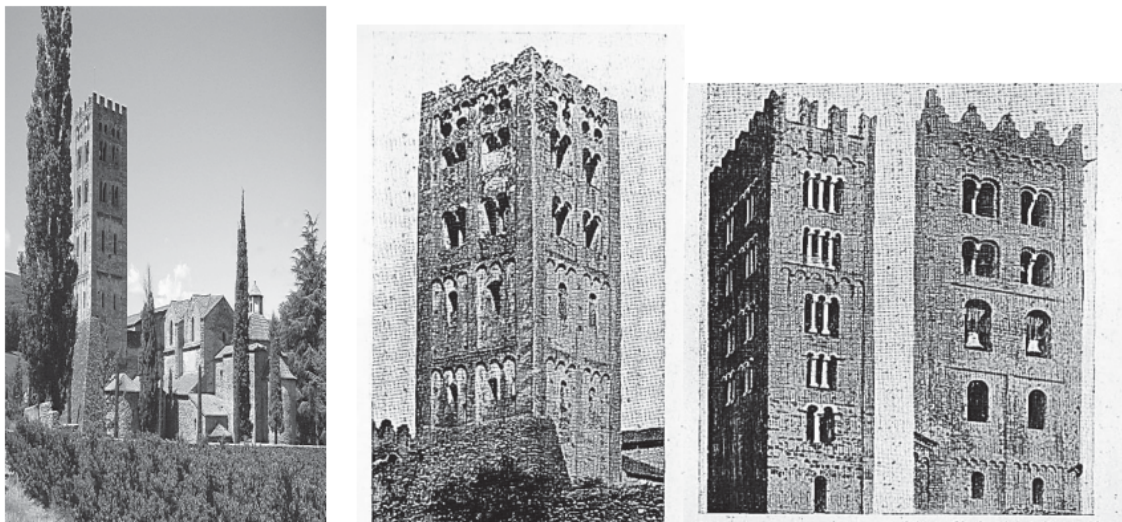
¹ См.: Anthyme Saint-Paul: *Annuaire de l'archeologue francais*, 1877, p. 96; также Courajod: *Lecons professees a l'Ecole du Louvre* (1887–1896), I. p.382, 383, 519, 520.

² Довольно подробно об этом можно найти в работах: Courajod, cit. I, p. 391; в трудах de Dieulafoy: *Artantique de la Perse*; и в капитальном труде de Flandin et Coste: *Voyage en Perse*; de Rivoira: *Origine della architettura Lombarda*, t. I, 1901. Персидские сооружения Фируз-Фбада (de Firuz-Abad), Сарвистана (Sarwistan) и сасанидский дворец Ктесифона (de Ctesiphon) представляют собой древнейшую форму, послужившую основой так называемой ломбардской архитектуры.

³ Barberi F. *The Visitor's Guide to the Como*, 1995. P. 45, 61–63.

⁴ Tabarelli G. M. *Castelli rocche e mura d'Italia*. Roma, 1983. № 213.

Рис. 2.3. Башни Сен-Мишель-де-Куша (St.-Michel-de-Cuxa), XI в. в Лукке и Риполе, XII в.

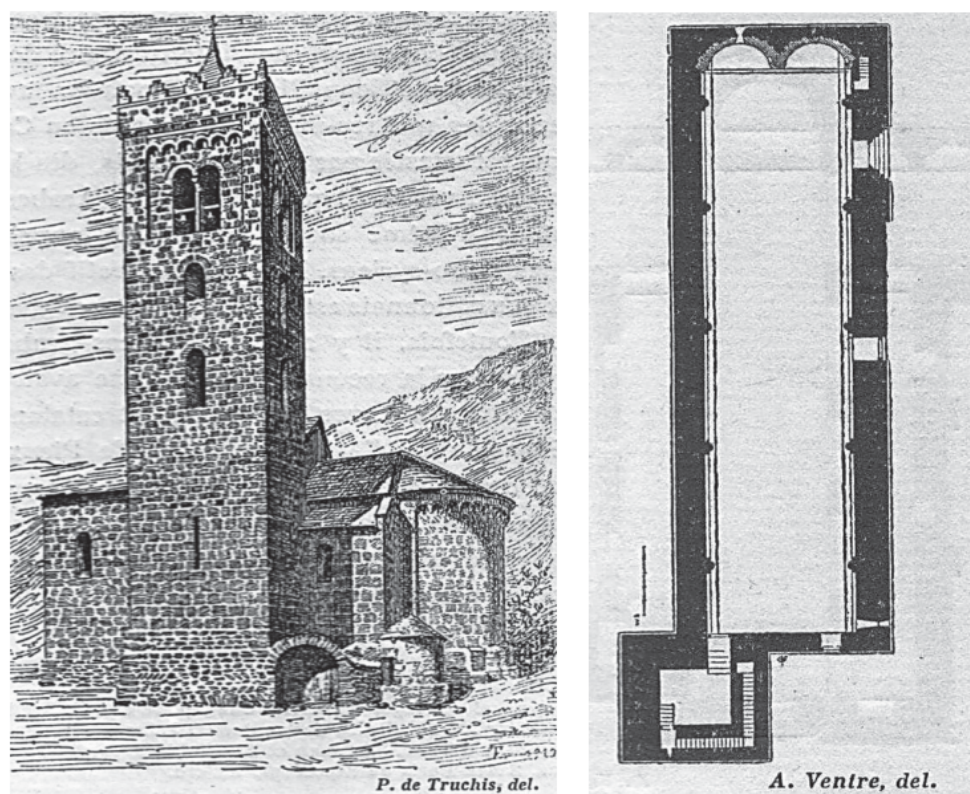
В подобных фортификационных сооружениях стройный донжон, выполняющий функции дозорной башни, одновременно является и переходом в жилой корпус замка, с которым он соединен. К данному типу относится культовый архитектурный ансамбль центральной площади города Комо, состоящий из епископского дворца, собора Санта-Мария-Маджоре и башни «бродетто», соединяющей их в единое целое¹ и ансамбль соборной площади в Модене, куда входит городской собор и соединенная с ним «висячим» переходом башня Гирландина (которая служит одновременно и кампаниллой, и донжоном)². Именно с такой архитектурной композицией, практически неизвестной романике других европейских архитектурных школ, мы довольно часто сталкиваемся в культовой архитектуре *eglise fortifiée* Окситании. Что же касается двойных, так называемых «ломбардских», окон в романских колокольнях — донжонах, то, как известно, ломбардские зодчие распространили этот архитектурный фрагмент по всему средиземноморскому побережью: в Лангедоке (башня Пюиссаликон — Puissalicon), Провансе, Италии (в Лукке — Luques), королевстве вестготов в Испании (в Риполь — Эвиль-ла-Валь) и вплоть до Рейнских земель (собор в Шпейере). Подобные формы колоколен, представлявших из себя квадратную башню у апсиды или на южной стороне церкви, с двойными окнами и гуртиком, также распространились по долине Арьеж (церковь Coustoudes), в Юнак (Unac), Мигло (Miglos), Мерн (Merens), Сиге (Siguer), Акс

¹ Frigerio F. *Il Duomo di Como e il Broletto*. Como, 1950.

² Montrosi W. *La Torre della Ghirlandina: Comacini e Campionesi a Modena*, 1976; *Il Duomo di Modena: Atlante fotografico*, 1985. P. 9, 34, fot. 1, p. 35, fot. 1, p. 36, fot. 1,2, p. 37, fot. 1, p. 290, fot. 3.

(Ах) и т.д. Похожее расположение мы находим и у колокольни часовни Сен-Жуан (San-Juan) в долине Андорры. Бойницы всех этих башен-колоколен, особенно в Руссильоне и Лангедоке, своей первичной формой ступенчатых парапетов между амбразурами также сильно напоминают мавританские (сарацинские) бойницы городов-крепостей Пиренейского полуострова. Еще М. Дьелафуа (M. Dieulafoy) был поражен их сходством с кастильскими и каталонскими башнями-колокольнями, считая их заимствованными из арабской (мавританской) архитектуры, прямым прототипом которых служил минарет большой мечети в Дамаске. Интересно, что вплоть до XII в. не было внесено никаких существенных изменений в конструкции романских бойниц, кроме вышеуказанных «сарацинских» парапетов между амбразурами. Свое основное назначение парапеты приобрели после того, как начали возводить специальные бойницы для стрельбы из лука.

Рис. 2.4. Espira-de-l'Agly. План: А — донжон-колокольня (Pyr.-Or.) и Coustouges (Ariege) колокольня

Местонахождение колокольни-донжона в культовых комплексах *eglise fortifiée* Окситании варьируется в зависимости от расположения той точки сооружения, которую стремились укрепить. Оно либо прикрывает одну сторону фасада, как, например, в Эльне, либо край поперечного нефа, как в церкви Сен-Мишель-де-Куша. Интересно, что в церкви Сен-Мишель-де-Куша ранее существовала и вторая ко-

локольня-донжон, расположенная на краю поперечного нефа более ранней постройки, прямо напротив сохранившейся башни-колокольни. Наличие второй башни-донжона создавало неповторимую гармонию всего церковного ансамбля и, безусловно, делало Сен-Мишель-де-Куша одной из живописнейших церквей Юга Франции. К сожалению, эта башня-близнец была разрушена зимой 1838—1839 г.¹ Бывало, что укрепленные колокольни-донжоны возводились на северной стороне западного фасада, как, например, в Корнея-де-Конфлент (Corneilla-de-Conflent) или в Серрабоне (Serrabona). Проходные галереи довольно редко располагались на нижних этажах культовых сооружений, а ворота церкви часто имели простую и прочную конструкцию прямоугольной формы, пригодную для обороны. Колокольня на южной стороне западного фасада церкви в Эльне была сооружена одновременно с возведением укреплений старого собора при епископе Удалгаре в 1140 г., причем бойницы фасада были сложены уже после того, как был завершен шипец крыши (рис. 2.5).

В 1285 г. войска герцога Филиппа Смелого захватили церковь и колокольню и перебили всех людей, укрывшихся там. В 1415 г. ряды нижней кладки фундамента церкви в Эльне укрепили тесаным камнем, что придало сооружению дополнительную прочность². Согласно исследованию Сен-Поля при возведении *eglise fortifiée* использовались четыре базовых местоположения одиночной башни-донжона: между клиросом и нефом, сбоку от клироса, в центре фасада или под углом к фасаду здания³. Впрочем, хотя историкам известны и некоторые иные случаи расположения башен-колоколен, однако они являются скорее оригинальным экспериментом средневековых строителей, нежели общим правилом культовой архитектуры. Например, башня-колокольня в Узерш (Коррез) возвышается над второй травеей центрального нефа (рис. 2.19.5), в церкви Муара (Тарн и Гаронна) башня расположена над травеей, следующей за средокрестием (рис. 2.19.6), а в укрепленных церквях Поссак (Дордонь), Норон (Кальвадос) и Сен-Мар (Нижняя Сена) — над плоской абсидой, в непосредственной близости к восточному торцу церковного здания (рис. 2.19.7). Интересно отметить, что эта последняя художественно-композиционная схема была прямо заимствована архитектором уже в XIX в. при сооружении большой базилики «Воли Нации». К «оригинальному» местоположению колокольни-донжона

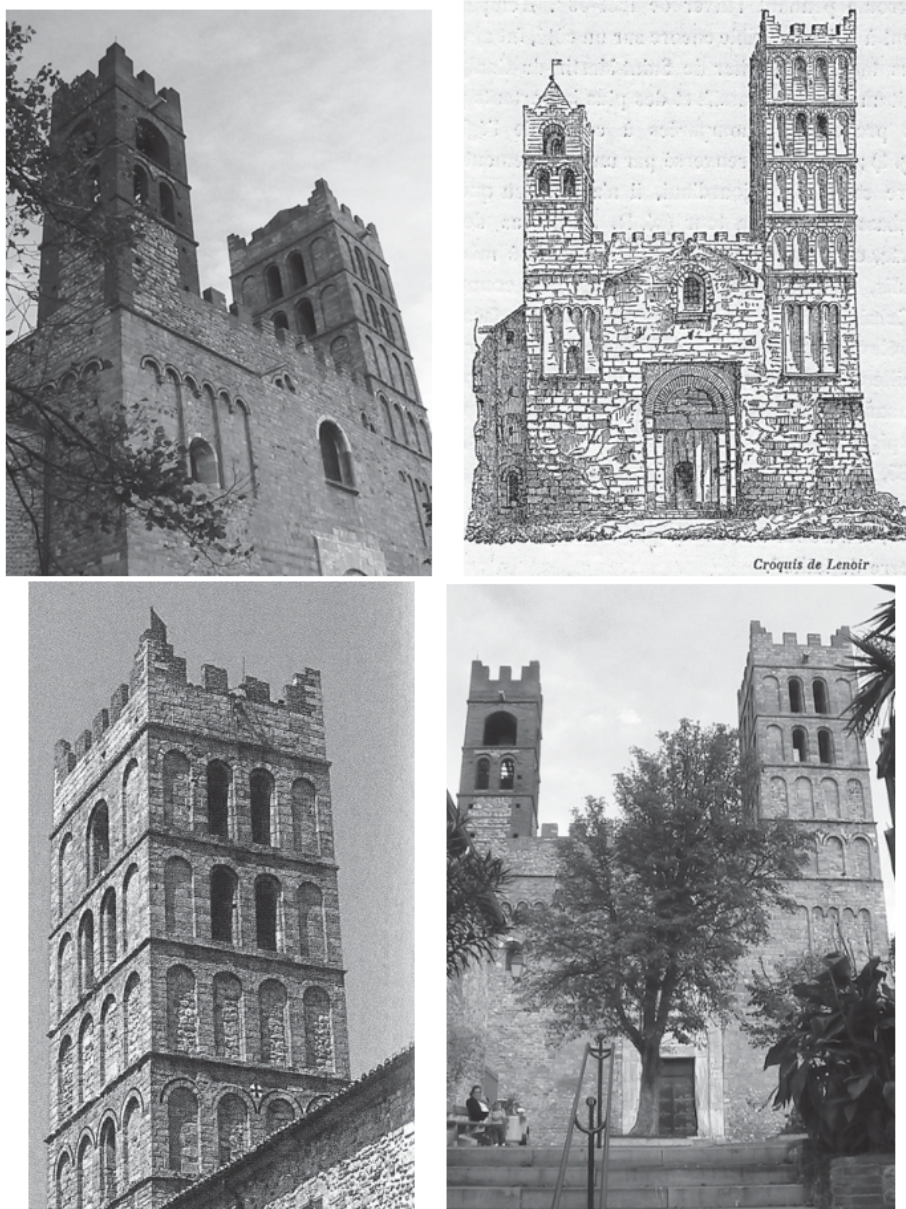
---

¹ См.: Guide du congrès archéol. de Carcassonne et de Perpignan, 1906. P. 150.

² О соборе в Эльне см. монографию J.-A. Brutails в Bull. de la Soc. Des Pyr.-Orient., 1887.

³ Antihyme Saint-Paul De la forme des Clochers, VII Assambles des Catholique. — Paris, 1878. p. 54.

над трансептом можно также отнести ансамбли укрепленных церквей в Секондини и Ниора (Де-Севр), Сен-Энтроп де Сент, Сан-Сальви д'Альби, Сен-Жульен дю Ман (Тарн и Гаронна) и в Сорд (Ланды), в церквях Сен-Масер (Жиронда), в Пуа (Сомма), в Ларни и Нувьон-ле-Винье (Эн), в Сен-Венсен де Сенли башни-колокольни размещены над аркой (рис. 2.19.8). Следует упомянуть и церкви в Сов (Жиронда), в Канлюс (Тарн и Гаронна), в Бон-ла-Роланд (Луара), в Ларшан (Сена и Марна) и в Сен-Пьер де Кан, в которых колокольни располагаются напротив фланга нефа¹ (рис. 2.19.9).

Рис. 2.5. Башни западного фасада собора в Эльне (фото автора 2014 г.)

¹ Antihyme Saint-Paul De la forme des Clochers, VII Assambles des Catholique. — Paris, 1878. p. 54.

Для того чтобы иметь более полное представление о развитии архитектурно-композиционных и фортификационных схем применительно к типологии укрепленных церквей Окситании, стоит более подробно остановиться на коллегиальной церкви Сен-Сальви в Альби (Saint-Salvy Eglise Collegiale d'Albi). История возведения этой церкви такова. Первая коллегиальная церковь в городе Альби, посвященная святому Сальви, епископу эпохи Меровингов в VI в., была возведена еще в 943 г. В XII столетии была возведена однонефная романская базилика из привозного каркассонского камня, доставка которого стоила довольно дорого в те времена, поскольку город Альби своего камня не имеет и большинство строений и культовых сооружений возведено из традиционного кирпича. Как выглядела первоначально эта романская базилика, сегодня судить довольно сложно, поскольку интерьер церкви перестроен в готическом стиле, однако очень хорошо сохранился северный портал и клуатр в стиле зрелой романики. Северный романский портал церкви — это удивительный памятник сохранения позднеантичных, римских традиций в архитектуре Юга. Совершенные пропорции, при полном отсутствии декора, делают его отчасти похожим на центральный проем римской триумфальной арки Юлия Цезаря в Оранже, отчасти на центральный портал Пантеона в Риме, столь часто воспроизводимые зодчими в более поздние времена.¹ (рис. 2.6).

Рис. 2.6. Римская триумфальная арка в Оранже и северный портал Saint-Salvy d'Albi (Eglise Collegiale)

В основании композиции мы видим большой прямоугольник, обведенный наличниками, над которыми расположен строгий сан-

¹ См.: Михайловский И.Б. Архитектурные формы античности. М.: Архитектура-С, 2006. С. 192.

дрик, увенчанный треугольным, профилированным фронтоном, центр которого подчеркивает стилизованная капелла, где размещена скульптура Святого Сальви. Входные наличники фланкируются двумя, по-видимому, античными, порталными колоннами тосканского ордера, богатые коринфские капители которых словно поддерживают многопрофильные архивольты с орнаментальными украшениями полуциркульной формы, обрамляющими люнет портала. Самая первая церковь, посвященная Святому Сальви (Сальвию), епископу города Альби, жившему в период правления королей Хильперика и Хильдебера и скончавшемуся в 584 году, была возведена почти сразу же после его кончины и впоследствии неоднократно перестраивалась. Именно поэтому сохранившийся северный портал представляет особый интерес для историков. Цокольный карниз портала выполнен в простой каменной кладке, что подчеркивает функциональную аскетичность общего композиционного замысла автора и его несомненное следование античным образцам. Хотя нижняя часть капители колонн носит явно «докаролингский», подражательный характер и, скорее всего, сооружена в период распада Римской империи, в эпоху так называемых варварских королевств. Об этом свидетельствует сам пластический орнамент капители, состоящий из элементов «звериного стиля», хотя попытка подражать «античности» несомненна. Мы знаем, что декоративным первоисточником коринфской капители являлись зубчатые листья аканта или репейника, изобретение этой капители греческая молва приписывала скульптору Каллимаху во второй половине V века. Капитель же колонн портала Сан-Сальви имеет форму, свойственную римским перекрытиям с помощью арок, близкую к импостной, а узор капители представляет собой сложную композицию из фантастических плетений растительных форм. В пользу данного предположения может свидетельствовать также характер исполнения скульптуры Святого Сальви, венчающего треугольный фронтон портала. При внимательном изучении мы видим, что в качестве первоисточника автор имел несомненно античный образец скульптуры, поскольку перед нами объемная пластическая форма, причем изображенная в попытке передать движение фигуры (благословляющий жест). Для сравнения, можно припомнить скульптурные портреты «галереи королей» в Шартре, относящиеся к более позднему периоду, где фигуры изображены более статично и еще не отделены от колонн, здесь же мы видим вполне отдельное, самостоятельное художественное произведение. Однако качество исполнения оставляет желать лучшего, поскольку мастер явно пытается «повторить» античный образец, но еще не «умеет» это исполнить.

В целом северный портал церкви своей организацией массы и пространства аналогичен романскому portalу провансальской

церкви Святой Анны в Арле, и оба они повторяют центральный проем римской Триумфальной арки в городке Оранж, воздвигнутой в 49 г. до н.э. в честь побед Юлия Цезаря. В дальнейшем использование мотивов «Триумфальной арки в Оранж», впервые примененных при оформлении северного портала церкви Сан-Сальви, мы можем найти в ряде приходских церквей окрестностей Тулузы. Например, аналогично решен западный портал церкви Сен-Сернен и Сен-Сатурнин (Saint-Sernin ou Saint-Saturnin), возводившейся в XII–XVII веках, в местечке Calmont, кантон de Nailloux, и приходской церкви Сен-Капри (Saint-Caprais), строившейся на протяжении XIII–XVII вв., в местечке Marquein, кантон de Salles-sur-l'Hers. Таким образом, мы можем видеть, что античные формы и композиционные приемы, по сути, никогда «не умирали» в Окситании и, вопреки распространённому мнению, были достаточно популярны как в раннем средневековье, так и в более поздние периоды. Использование идей, гениально разработанных античными мастерами, которые оставили свое многочисленное наследие на залитых солнцем просторах Лангедока и Прованса, не могло не сказаться на развитии архитектурных форм еще в период романской архитектуры. Как замечательно пишет в своей монографии Н.К. Соловьев: «Заложенная в античных перистилиях выразительность пространственной взаимосвязи затененных портиков и освещенного солнцем озелененного двора получает в средневековых клуатрах свое дальнейшее развитие»¹. И действительно, клуатр церкви Сен-Сальви, наряду с клуатром Сен-Трофим в Арле, блестяще доказывает нам это. Мастера, возводившие коллегиальную церковь в Альби, словно «устали» от суровой простоты романских интерьеров, фасада и стен и «в противовес» им создали архитектурно-художественный образ клуатра, резко контрастирующий со всем зданием, своей гармонией единства элементов природы и архитектуры. Нам доподлинно неизвестно, что было взято зодчими за основу, когда они вместо использования простой колоннады с архитравным античным перекрытием возвели аркады по сдвоенным колоннам. Было ли это навеяно воспоминаниями мотива аналогичной аркады IV в. в интерьере церкви Святой Констанцы в Риме или мастера взялись повторить клуатр церкви Сен-Трофим в городе Арле, северная и восточная галереи которого сооружены в XII столетии, судить об этом трудно. Мы знаем лишь то, что оба клуатра, и в Арле, и в Альби, возводились примерно в одно время и очень похожи в плане своего архитектурно-художественного образа (рис. 2.7).

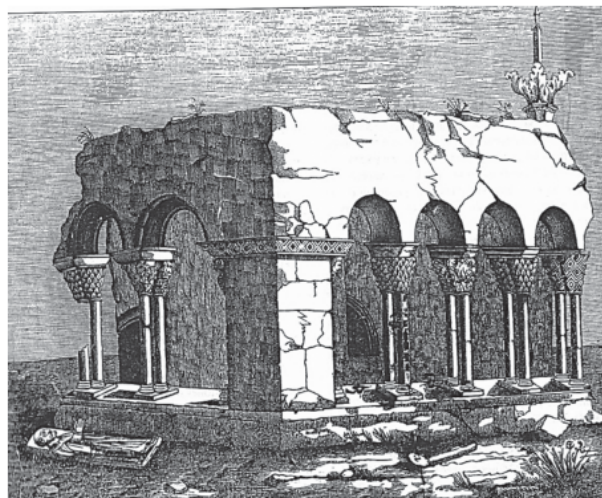
---

¹ См.: Соловьев Н.К. История интерьера. Древний мир. Средние века. М.: В. Шевчук, 2007. С. 174.

Рис. 2.7. Сдвоенные аркады клуатров Сен-Трофим в Арле, Сен-Сальви в Альби

Мотив аркад по сдвоенным колоннам, которые сочетаются с полуциркульным сводчатым перекрытием галерей и разделяются по углам массивными угловыми опорами, придает клуатру церкви Сен-Сальви многоплановость и живописность пересечений и сочетаний архитектурных линий. Причем в отличие от клуатра церкви Сен-Трофим, где южная и западная галереи возведены уже в готическом стиле, клуатр Сен-Сальви полностью романский. Неудивительно, что подобное решение сочетания пространства и массы стало весьма популярным в культовой архитектуре Лангедока. Дальнейшее развитие этой композиционной идеи мы встречаем в решении клуатров монастырей доминиканцев (якобинцев) и августинцев в Тулузе. Подобный мотив аркад по сдвоенным колоннам был также использован при возведении клуатра кафедрального собора Сен-Этьен (Saint-Etienne) в Тулузе, который был разрушен после 1845 г. и до наших дней практически не сохранился (рис. 2.8).

Рис. 2.8. Сдвоенные аркады клуатра кафедрального собора Сен-Этьен в Тулузе

Здесь, пожалуй, уместно еще раз привести слова Н.К. Соловьева, которые точно отражают архитектурно-художественный образ, создаваемый клуатром: «Эта картина воспринимается особенно динамично при движении, когда в «зрительный кадр» попадает одновременно сводчатое пространство галереи, кадрируемые арками и колоннами виды на зелень, цветы и противоположную галерею, а также примыкающие к клуатру помещения»¹. Заметим лишь, что перекрытие галереи клуатра разработано в соответствии с традицией романской архитектуры Лангедока и Прованса, поскольку представляет собой обычные деревянные щиты (скаты), положенные на деревянные балочные (стропильные) перекрытия, имеющие, впрочем, достаточную жесткость, чтобы выдерживать вес черепичной кровли². Капители сдвоенных колонн явно носят характер подражания коринфскому ордеру римской эпохи, при этом они имеют типичную импостную форму, которая получается от пересечения куба и шара, что, по-видимому, связано с византийской традицией, слегка упрощенной зодчими Ключийской и Овернской архитектурных школ³. Орнаменты корзин капителей отличаются мотивами причудливых комбинаций фантастических растительных форм и животных тел, свойственными дальнейшему развитию «звериного стиля» в орнаментах романских капителей Ключийской школы. Как и большинство клуатров провансальской школы, клуатр Сен-Сальви покрыт традиционной черепицей, уложенной непосредственно на своды. Поскольку клуатры предназначались, прежде всего, для духовных лиц, то обычно рядом с двориком располагали просторный зал для заседаний капитула. Ввиду подобной конструктивной необходимости клуатры почти всегда примыкали к внутренней из боковых сторон культовых зданий и были, таким образом, отделены от городских улиц с их шумной светской жизнью. Подобную схему мы можем видеть в романских клуатрах церквей Сен-Сальви и Сен-Трофим и позднее в готических клуатрах церквей доминиканского и августинского монастырей в Тулузе, в клуатрах (крытых галереях) кафедральных соборов: Сент-Этьен в Тулузе, Сен-Жюст и Сен-Пастер в Нарбонне и Сен-Назер в Безье.

В XIII столетии романскую церковь Сен-Сальви начинают перестраивать в соответствии с модным тогда готическим «парижским» стилем. Для возведения готического нефа, прорезанного большими оконными проемами, каменную церковь надстраивают кирпичными стенами, а для того чтобы обеспечить им достаточную устойчивость,

---

¹ См.: Соловьев Н.К. История интерьера. Древний мир. Средние века. М.: В. Шевчук, 2007. С. 174.

² См.: Шуази О. История архитектуры: в 2 т. Т. 2. М.: В. Шевчук, 2005. С. 151.

³ Там же. С. 159.

архитекторы прибегают к системе выступов, применяемой еще в романский период. С внешней стороны стены укреплены контрфорсами, которые идут от основания устоя и имеют ряд уступов. Такие контрфорсы, хорошо известные романским архитекторам Юга, представляют собой, по сути, вертикальные выступы малого сечения, повсеместно применялись в архитектурных сооружениях Овернской школы¹. Однако, учитывая тот факт, что внутри интерьера мы видим нервюры, продолжающиеся вдоль стержня устоя без перерыва и без капителей, что соответствует периоду «высокой» готики, становится понятным, перед какими сложностями столкнулись мастера. Им предстояло, не разрушая старого, романского здания церкви, по сути, соорудить новую конструктивную систему, вот почему зодчие сделали романский контрфорс ступенчатым и для чего они применили дорогостоящую систему аркбутанов, возведя для этого дополнительные, далеко вынесенные контрфорсы. Естественно, что пространство между контрфорсами было использовано мастерами Лангедока для создания традиционных капелл-боксов, сменяющих одна другую вдоль всего пространства нефа. Только таким способом архитекторы могли сохранить внешние стены церкви, полностью перестроив внутреннее пространство в стиле «парижской» готики. При перестройке романской церкви в готическую, возможно, мастерам Альби послужили образцом конструктивные решения, отработанные ранее, во время аналогичной перестройки романского хора церкви бенедиктинского аббатства Сен-Реми в Реймсе, проведенной в 1161–1182 гг.

Рис. 2.9. Башни-колокольни церкви Сен-Сальви в Альби

¹ См.: Шуази О. История архитектуры: в 2 т. Т. 2. М.: В. Шевчук, 2005. Там же. С. 270–272.

О том, что эти конструктивные решения пользовались популярностью и служили образцом для «составных» церквей, говорит факт использования их в реконструкции коллегиальной церкви Нотр-Дам-ан-Во в Шалон-сюр-Марн в конце XII в. Так же как и в церкви Сен-Сальви, увеличение размеров готических окон, разделенных между собой небольшими участками стен, потребовало дополнительной опоры стен прочными аркбутанами и дополнительными выносными контрфорсами, которые до сих пор высятся горделивым памятником чувству равновесия средневекового архитектора (рис. 2.9).

При рассмотрении композиционных решений коллегиальной церкви Сан-Сальви, также невольно напрашивается аналогия с коллегиальной церковью Нотр-Дам-ан-Во в городе Шалон-сюр-Марн, возводимой в конце XII века. Несмотря на тот факт, что Сен-Сальви стали перестраивать в готическом стиле в 1270 г., а Нотр-Дам-ан-Во в XII столетии, обе церкви занимают похожее местоположение в истории возникновения и сложения готики во Франции, только в различных регионах. Обе церкви имели богатое и славное «романское прошлое», комплекс обеих церквей представляет собой композиционное сочетание различных архитектурных стилей, в которых совмещение этих стилей служило задаче отражения великого прошлого. Но, помимо этого, обе маленькие церкви поставили точку в развитии раннеготического типа храмовой архитектуры, в периоде стилистически разнородного направления, где новое возникало на основе критической переоценки старого. Обе они могут быть отнесены к категории «составных» церквей, и хотя сооружения подобного типа еще возводились некоторое время, однако в дальнейшем и в Иль-де-Франсе, и в Лангедоке архитекторы все отчетливей тяготеют к созданию более однородных по стилистике храмов. И наконец, остается сказать несколько слов о башнях-колокольнях церкви Сен-Сальви, оригинальность которой не может не заинтересовать любого исследователя как романской, так и готической архитектуры Окситании. Во-первых, этих башен две (северная и южная), что не совсем характерно для архитектуры Лангедока (рис. 2.19.8). Располагаются они по краям глухого романского трансепта, сложенного из традиционного кирпича и лишенного каких-либо больших оконных проемов, но зато оснащенных бойницами. Во-вторых, нижняя часть башен, особенно хорошо сохранившаяся, северная, сложена из каменных квадров и имеет явные черты ломбардской, позднероманской архитектуры. Как справедливо отмечает в своей монографии «Сложение готики во Франции» Е.П. Ювалова, именно в Ломбардии издавна применялись арочные галереи и арочные проемы, скрывающие за собой стену фасада или башни¹. То есть «двуслойность стены»,

---

¹ См.: Ювалова Е.П. Сложение готики во Франции. СПб.: ДБ, 2000. С. 173.

свойство, которое считается специфическим признаком готики, было разработано в Ломбардии в период поздней романики. Мы знаем, что именно в XIII в., когда стали сходиться «со сцены» старые французские художественные центры, в связи с упадком, который переживал орден бенедиктинцев, именно в Ломбардии (отчасти в Тоскане) были достигнуты значительные успехи в развитии позднероманского стиля¹. Зодчие этой школы стремятся максимально расчленить стену, расчленив ее профилями и углублениями, прорезая слепыми, полукруглыми арочными проемами, то узкими и длинными, то широкими и короткими. Преобладающей формой, конечно, остается полукруглая арка, однако встречаются и стрельчатые и многолопастные. Кроме арочной профилировки, стены обогащаются разнообразными пластическими деталями в виде рельефных карнизов, пилястров, полуколонн, слепых аркад. В этот период подобный мотив часто становится основным мотивом фасада, и мы встречаем его различные проявления в соборах Луки, Пизы, Модены, Пьяченцы и других городов. Зная о теснейших связях городов Лангедока с городами-коммунами Ломбардии, поэтому неудивительно, что мы встречаем в башне церкви Сен-Сальви подобное использование мотивов ломбардской архитектурной школы. Слепые арки и полуколонки рисуются на фоне стены, давая некоторое затенение, которое скрывает подлинную, плотную оболочку башни. Именно благодаря слепым сдвоенным аркадам первого яруса башни, а также угловым пилястрам и ритмике полуколонн, имитирующим аркаду во втором ярусе, глухие плоскости стен башни Сен-Сальви делаются двуслойными, масса их расщепляется, теряя свою тяжесть и монолитность.

Остается лишь добавить, что третий ярус башни, выполненный из кирпича и увенчанный крепостной башней с зубцами, смещенной в сторону от центра, композиционно вообще напоминает типично итальянские башни, венчающие Палаццо Веккиа во Флоренции (1299–1320/1330) или Палаццо Публико в Сиене (1297), которые помимо обороны служили символом власти и могущества городских общин. Здесь мы видим еще позднероманское понимание архитектором множественности форм, которые хотя и отличаются разнообразием архитектурных элементов, однако еще не достигли системного уровня, схоластически-готического понимания организации пространства и формы. При всем разнообразии форм внешний вид коллегиальной церкви Сен-Сальви с его башнями-донжонами типологически вполне соответствует укрепленной церкви *eglise fortifiée*. Тем не менее формы, ритмы, пропорции, декоративные мотивы и методы их систематизации открыто свидетельствуют о желании зодчего сделать облик церкви открытым, нарядным и сложным, бо-

---

¹ См.: Ювалова Е.П. Сложение готики во Франции. СПб.: ДБ, 2000. С. 171.

гатым разнообразными формами. Только он еще не знает, как это сделать, и лишь создание собора Сан-Сесиль в этом же городе Альби поставит точку в творческих поисках особого «окситанско-лангедокского стиля» в культовых готических сооружениях.

На всем протяжении романского периода (и далее в эпоху готики) мы постоянно встречаем также весьма значительное количество комбинаций с двойным расположением башен-колоколен. Причем количество комбинаций местоположения башен-колоколен подчас напрямую зависит от композиционно-художественных традиций архитектурных школ романского периода. Например, в Ларрумье (Жер) обе башни-колокольни расположены на северном фланге церкви (рис. 2.19.10), а в кафедральном соборе Але (Од) и Мец, в церкви Сен-Поль де Нарбонн и в аббатстве Эйсс они занимали среднюю часть нефа (рис. 2.19.11). Весьма часто башни-колокольни предшествовали непосредственно трансепту, как, например, в Сен-Мартэн де Ланн и в Сен-Николя-о-Буа, расположенным рядом с городом Ланн (рис. 2.19.11 нижн.), а в церквях Сен-Жермен д'Аргентан и в Вильфранш-сюр-Ронн одна колокольня возвышается над средокрестием, а другая башня-колокольня расположена рядом с фасадом. (рис. 2.19.12). В Сен-Сьеран де Бордо, в сен-Пьер де Вьенн, в Лезиньян (Од) одна башня высится над порталом, а другая на фланге церковного здания (рис. 2.19.13), а в Сен-Поль-Тру-Шато, в Систерон и Валонь одна из колоколен на интертрансепте, а другая — напортив фасада апсиды (рис. 2.19.13 нижн.). Весьма интересное конструктивно-фортификационное решение по защите флангов культового пространства церковного здания было найдено в Сен-Мишель-де-Сюкса (Восточные Пиренеи), в Бельвиль (Рона), в Сен-Шеф (Изер), в Шампань (Ардеш), в Винори (Верхняя Марна) и в церкви Оксонн (Кот д'Ор) такой, какой она была до готической реконструкции XIII столетия, где обе башни-колокольни возвышаются над северной и южной оконечностями трансепта, создавая как бы систему фланкирующих башен (рис. 2.19.14). В соборе Нотр-Дам де Мелан (Шалонь), в Варзи (Ньевр), в Вертей (Жиронда), в аббатстве Ма-Гренье (Тарн и Гаронна), Сен-Мор (Мен и Луара) и Сен-Корней де Компъень башни-колокольни располагаются с обеих сторон клироса, словно прикрывая «святая святых» (рис. 2.19.15).

Несмотря на обилие композиционно-архитектурных решений, применяемых мастерами романских школ при возведении церковных колоколен-донжонов в X—XII вв., со временем наиболее распространенными становятся лишь две композиционно-фортификационные схемы. Первая схема, в которой обе башни-колокольни расположены на оси культового пространства, т.е. на противоположных концах нефа (на западном фасаде и средокрестии), принадлежит архитектурным школам Оверни и Лиможа (рис. 2.19.16).

Весьма часто такое расположение обеих башен характерно для одной эпохи XI и XII вв., как, например, в Нотр-Дам-дю-Пор де Клермон (Иссуар), в Бенефан-л'Аббэ (Крез), в Сен-Жульен де Бриуд, в Солиньяк (до XVIII века), в Сен-Жюльен и в Дора (Верхняя Вьенна), в Суйак (до XVIII столетия), в Энэ де Лион, в Крюас (Ардеш), в Сен-Авентэн (Верхняя Гаронна), в Обьяк (Ло и Гаронна), в Сен-Савэн (Вьенна), в Лош (Эндр и Луара, в Пуасси (Сена и Уаза) и в Сетво (Эна). Интересно, что в разрушенном аббатстве Сен-Аллир (Шамбон-сюр-Вуиз) восточная башня-колокольня расположена на травее, предшествующей трансепту, вместо того чтобы возвышаться непосредственно над средокрестием. Стоит отметить тот факт, что довольно значительное количество культовых сооружений романского периода было перестроено в более поздние эпохи в духе своего времени. Поэтому сегодня довольно трудно прочесть изначальную архитектурно-фортификационную концепцию, задуманную и реализованную романскими мастерами. Стоит учитывать также огрехи неудачных реставраций, проводимых во второй половине XIX в. в духе «эпохи романтизма». В церкви Ней-сюр-Отиз (Вандея) западная башня-колокольня романского периода, датируемая концом XII в. или XIII в., просуществовала вплоть до неудачной реставрации 1868 г. В Шарру центральная башня выполнена в романском стиле, тогда как западная башня имеет явные черты готики XV столетия, наоборот, в аббатстве Мориак (Канталь) мы видим противоположную картину¹.

Другой наиболее распространенной архитектурно-композиционной схемой, которую сегодня вправе принято считать стандартной, является расположение башен-колоколен с обеих сторон западного фасада (рис. 2.19.17). Под непосредственным влиянием архитектурных школ Нормандии и Бургундии именно такое сочетание двух башен, фланкирующих западный фасад, вкупе с центральной башней возвышающейся над средокрестием, получило в дальнейшем наиболее широкое распространение во Франции (рис. 2.19.18). Правда, стоит отметить тот факт, что повсеместное применение троичной норманнско-бургундской архитектурной схемы не помешало развитию творческой фантазии средневековых мастеров, которые и здесь нашли ряд оригинальных композиционных решений. Первое композиционно-архитектурное решение связано с размещением двух башен-колоколен с обеих сторон клироса, при этом одна мощная башня-донжон расположена с западной части фасада. Такое сочетание мы можем видеть в Сен-Жермен-де-Пре де Пари, в Морьенваль (Уаза) (рис. 2.19.19). Другое оригинальное решение — три башни на оси трансепта в соборе

---

¹ Antihyme Saint-Paul De la forme des Clochers, VII Assambles des Catholique. — Paris, 1878. P. 56.

Сен-Винсент де Мез (рис. 2.19.20). Наличие четырех и более башен-колоколен в романских культовых сооружениях встречается довольно редко, поскольку не всякая церковь могла себе позволить подобную роскошь. Ограничимся лишь перечнем строений, имеющих четыре башни-колокольни и более. Кафедральные соборы Сен-Ле-д'Эссерен, Сен-Пьер де Монпелье, Нотр-Дам де Шалонь-сюр-Марн, соборы в Нуайоне, в Лионе, церковь Мадлен де Везелэ и Сен-Мартен де Тур были оснащены четырьмя мощными башнями-колокольнями (рис. 2.19.20). В первых двух соборах башни расположены на флангах западного фасада и по обеим сторонам клироса без трансептов (рис. 2.19.21). В третьем и четвертом случае башни возвышаются на углах западного фасада и во входных порталах северной и южной сторон апсиды клироса, в трех последних случаях — на фасаде и на северном и южном крыльях трансепта (рис. 2.19.21 нижн.). Четыре башни-колокольни кафедрального собора Сен-Андре де Бордо и монастырской церкви Сен-Венсен-су-Ланн (разрушенной в 1793 г.), размещенные с обеих сторон северного и южного крыльев трансепта, несомненно, служили прежде всего фортификационными объектами, которые фланкировали подступы к наиболее уязвимым местам сооружения (рис. 2.19.22)¹.

Вообще, форма мощных романских башен западного фасада *eglise fortifiée* не была значительной, она обычно не превышала 20 м при ширине до 8 м, что создавало, скорее, эффект внушительной мощи и стабильности. Наиболее мощной и крупной колокольной-донжоном была башня монастыря Сен-Мартин-де-Канигу, разрушенная, к сожалению, землетрясением 1428 года. От этой старой башни сегодня сохранился лишь цоколь, на котором покоится башня, сооруженная уже позднее. Эти башни-донжоны могли служить одновременно и наблюдательным пунктом, и убежищем, а в случае нападения достаточно было демонтировать верхнюю разборную служебную галерею (заблокировав вход простой бутовой кладкой), чтобы преобразовать каменные ярусы башни в активный элемент обороны — донжон. Простая бутовая кладка в сельской местности была наиболее быстрым и дешевым материалом для строительства укрепленной стены в случае опасности. Сегодня мы имеем достаточное количество свидетельств применения стен из бутовой кладки в качестве временных укреплений на протяжении всего Средневековья². Таким образом, эти укрепленные церковные коло-

¹ Antihyme Saint-Paul De la forme des Clochers, VII Assambles des Catholique. — Paris, 1878. P. 69.

² См., например, исследование de M. R. Fage: Bull. Mon., 1907 “Clochers a hourds Limousins” (колокольни с деревянной галереей провинции Лимузен).

кольни можно сравнить с первыми простыми каменными донжонами, возводившимися феодалами примерно в это же время. Тем более что сегодня нам достоверно известны факты, когда в случае военных действий владельцы замков часто брали на себя командование как замками, так и колокольнями-донжонами *eglise fortifiée*¹.

Мы знаем, что уже с самых ранних веков христианские обитатели пиренейских долин и даже Тулузского диоцеза вынуждены были приспособлять колокольни своих культовых сооружений к обороне от «неверных». Почти такие же приемы фортификационного использования культовых сооружений мы можем встретить и среди так называемых колоколен-папертей (*clochers-porches*), например, в церкви Сен-Бертран-де-Комменж (*Saint-Bertrand-de-Comminges*) в Верхней Гарроне (правда, верхняя часть была впоследствии переделана), однако все сооружение в целом сохранило свой фортификационный облик. Подобная планировка монастырских колоколен, построенных со стороны фасада церкви, объяснима тем фактом, что обитатели прежде всего думали о защите церковных ворот. Оборонительные функции этих колоколен, возводимых на папертях или изолированно от основного здания церкви, были описаны еще Э. Виоле-ле-Дюком при воссоздании первоначального вида колокольни-паперти (*clochers-porches*) церкви Сен-Бенуа-сюр-Луар (*Saint-Benoit-sur-Loire*).² Старая колокольня — паперть (*clocher-porche*) собора Богоматери (*Notre-Dame de Die*) епископства Ди в Дроме (*Drome*, XII в.) первоначально была также укреплена, как, впрочем, и сама церковь. Подобные многочисленные примеры укрепления колоколен культовых сооружений мы встречаем в исследованиях Р. Рея (*R. Rey*). Например, колокольня аббатства Сен-Савен (*Saint-Savin*) в Пуату и в наше время несет на себе следы былого присутствия подъемного моста, а в колокольне церкви Таон (*Thaon*) в Кальвадосе есть прерывистая лестница и так называемый дозорный путь, идущий по дуге паперти, увенчанный зубчатым парапетом³.

Интересно отметить, что в подобных сооружениях (несущих фортификационные функции) часто один этаж служил хранилищем монастырского архива, как, например, в Летерп (*Lesterps*) — одной из живописнейших колоколен-папертей в Пуату (*Poitou*). Такой обычай

---

¹ См.: М. J.-A. Brutails (*Etude sur populations rurales du Roussillon au Moyen Age*, p. 37), где приводятся свидетельства подобного использования колоколен церквей, например, цитируется случай одного сеньера, назначенного военным командиром колокольни Кустуж (*Coustouge*) в 1337 г.

² Viollet-Le-Duc: *Dict. слово Clocher*, t. III, p. 287 и далее; также J. Formige: *Bull. Monum.*, 1924. P. 259.

³ R. Rey: *Les vieilles eglises fortifiees du Midi de la France*, Paris, 1925. P. 74.

существовал, как правило, в тех поселениях, в которых не было ратуши, но которые имели общинную хартию (*charte de commune*) и вынуждены были хранить свои архивы в церковной колокольне (*clocher-porche*). Например, в колокольне Паризо (Parisot) регион Тарн-и-Гаронна (Tarn-et-Garonne) долгое время существовал специальный архивный ларь со всеми церковными и городскими хартиями, о которых упоминает Ф. Галабер (F. Galabert) в своем исследовании¹. Вообще не только Юг, но и другие регионы Франции, например, регион Пуату, даже сегодня являет нам достаточно примеров старинных укрепленных колоколен. Например, в Сен-Морис-де-Жансе (Saint-Maurice-de-Gencay) округа Сивре (Civray) можно и сегодня увидеть церковную романскую колокольню, которую изначально, еще в XII в., согласно свидетельству Е. Лефевра-Понтали (E. Lefevre-Pontalis), соорудили как укрепление². Такую же схему местоположения романской церкви мы можем видеть и в Шато-Ларше (Chateau-Larcher), где церковь XII в. также изначально встроена в систему укреплений замка и городка³.

Позже, в ходе анализа опыта многочисленных феодальных войн, во многих, даже крупных, церквях распространяется обычай усиливать защиту церковных ворот, укрепляя на входе второй этаж башни-колокольни, как, например, можно сегодня увидеть на втором этаже колокольни-паперти (*clocher-porche*) собора Девы Марии Домской в Авиньоне (Notre-Dame-des-Doms a Avignon), где в 1329 г. была папская резиденция Иоанна XXII (Jean XXII)⁴. Очень часто у колоколен-папертей, так же, как и во многих замковых донжонах, отсутствует лестница между первым и вторым этажом, что являлось дополнительной гарантией безопасности в случае внезапного нападения. Примеры подобного решения мы встречаем в некоторых бургундских колокольнях-папертях, таких как Эбрей (d'Ebreuil), Перрес (de Perrecy), а также Сен-Бенуа-сюр-Луар (Saint-Benoit-sur-Loire), Сен-Винсент (Saint-Vincent), Тизи (de Thizy) в регионе Сона и Луара (Saone-et-Loire)⁵. Например, в церкви Жермини л'Экзам (Germigny-l'Exempt) на реке Шер (Cher) второй этаж колокольни представляет

¹ См.: F. Galabert: Villages fortifies durant le XV, dans l'etendue du Tarn-et-Garonne (Bull. Archeol. de Tarn-et-Garonne, t. 39, 1901, p. 349).

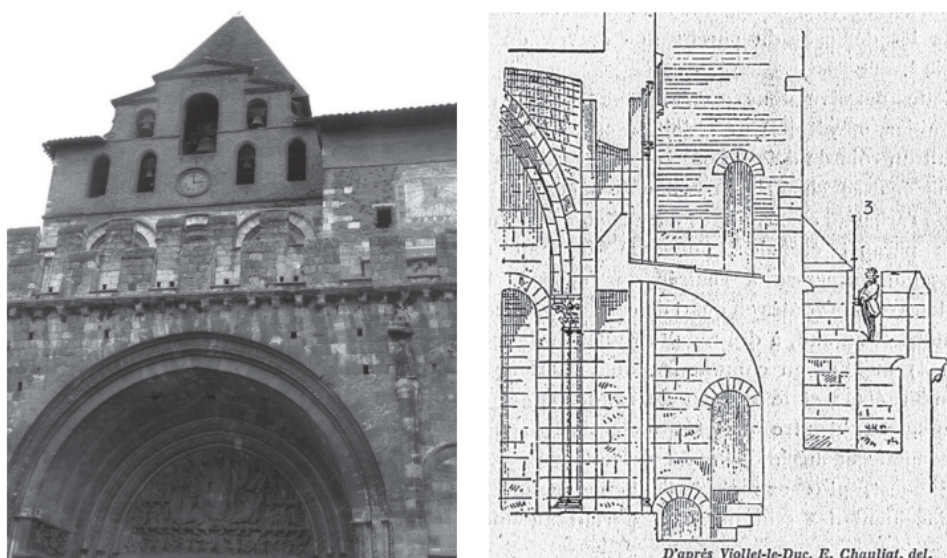
² См.: De Longuemar: Anciennes fresques du Poitou, p. 40. / Conres archeol. de Poitiers, 1903, p. 79–83, 2 pl. / Roubuchon: Paysages et monuments du Poitou, 1885. t. 3.

³ См.: Drochon: Chateau-Larcher? Vtv. De Soc. Des Antiq. De l'Ouest, 1 serie, t. 39, p. 65–563, 4 pl.

⁴ См.: V.L.-H. Labande: L'eglise Notre-Dame-des-Doms a Avignjn, des origines au XIII siecle (Bull. Archeol. du Comite, 1906, p. 318, note 1).

⁵ См.: M. Aubert: Les clocher romans Bourguignons (Bull. Monum., 1921, t. 80, P. 47).

собой достаточно просторное и хорошо защищенное помещение с узким дверным проемом (куда с трудом проходит взрослый человек), облегченным разгрузочными арками, как в колокольне Муассак (Moissac). Таким образом, мы видим, что в этот период первые этажи колоколен-папертей сохраняют свою литургическую функцию (переднее помещение предназначалось по традиции для кающихся и новообращенных — «оглашенных»), тогда как вторые и последующие имеют фортификационное назначение. Так, на Юге Франции во времена борьбы с альбигойской ересью еретики допускались для покаяния как раз в переднее помещение одной из таких колоколен-папертей церкви Сен-Гильхем-ле-Дезер (Saint-Guilhem-le-Desert) на р. Эро (Hérault), которая была признана церковным Собором 1165 г. в Ломбере (Lomberg) одним из семи мест паломничества для отступников-альбигойцев. Картулярий Геллона 1199 г. (Cartulaire de Gellone 1199), например, прямо указывает на переднее помещение этой церкви как на место покаяния отступников)¹ (рис. 2.10).

Рис. 2.10. Башня (clocher-porche fortife) в Муассаке. XII в. (разрез)

Наиболее укрепленной колокольной-папертью XII в. по праву считалась колокольня в Муассаке (Moissac). Сегодня нам хорошо известно, что работы по ее укреплению были окончены к 1180 г., тогда же было завершено строительство купольного нефа (к сожалению, не сохранившегося до нашего времени) для церкви аббатств Дюран (Durand)². Кстати, именно в это время известные ворота

¹ См.: E. Bonnet: Congress archeol., 1906, p. 392, 393, 432, 433; E. Male: Art religieux du XII siècle, p. 261.

² См.: R. Rey: La cathedrale de Cahors et les origins de l'architecture a coupoles d'Aquitaine, 1924.

с тимпаном, изображающим сцены «Страшного суда», были перенесены с запада на юг — под своды. По поводу датировки фортификационных сооружений колокольни Муассака не утихают споры среди ученых. Так, Рюпен (Rupin), основываясь на хронологии возведения оборонительных сооружений, которую дает Эмерик де Пейрак (d'Americ de Peugas), относит укрепления башни к XII в.¹ Однако, Р. Рей, так же как и Э. Виоле-ле-Дюк, утверждал, что Рюпен принял укрепления колокольни за другие укрепления, состоявшие из оборонительной стены монастыря, возведенной (согласно источникам) в XIII в. при великом основателе аббате Бертроне де Монтегю (1260—1293), который воздвиг большую часть строений аббатства, многие из которых сегодня не сохранились. Следует иметь в виду, что пояс укреплений монастыря был отделен от городских укреплений общей улицей, поэтому, следуя логике самой конструкции фортификационных сооружений, можно датировать укрепления колокольни XII в. Интересно, что такого же мнения придерживался и А. Англе (A. Angles) в своей работе «Аббатство Муассака» (L'abbaye de Moissac), в которой автором приведено довольно точное описание колокольни-паперти (clocher-porche).

Самое это сооружение представляет собой довольно массивную башню квадратной формы с толстыми стенами, призванное играть пассивную оборонительную роль в случае внезапной атаки. Башня сложена из каменных блоков и облицована прочными каменными плитами. При этом вся плоскость стены пронизана многочисленными бойницами для стрельбы из арбалета (этого страшного оружия средневековья), а дозорная галерея (расположенная на верхнем ярусе) прикрыта от стрел нападающих зубчатым парапетом. Почти такую же квадратную крепостную башню (с такой же дозорной галереей, возведенной в XIII в.) мы видим при входе в церковь Сен-Морис в Эпиналь (Saint-Maurice d'Epinal), аналогичные тенденции можно наблюдать и в конструкции собора Вивьер в Вивари (Viviers en Vivarais). Внутри узкие сводчатые коридоры с квадрантами на севере и на юге ведут нас к небольшим комнатам, перекрытым цилиндрическими сводами, создавая сообщение второго этажа и дозорного пути, с одной стороны, и обеспечивая защиту восточных и южных ворот на первом этаже, с другой. Поскольку, видимо, западная сторона была более часто подвергается атакам (скорее всего, именно в этом заключается главная причина переноса тимпана со сценами «Страшного суда» с ворот на южную сторону), постольку она наделена двумя квадратными отверстиями в изгибе верхнего свода, нависающего над входом и формируя, таким образом, машикули. Эти

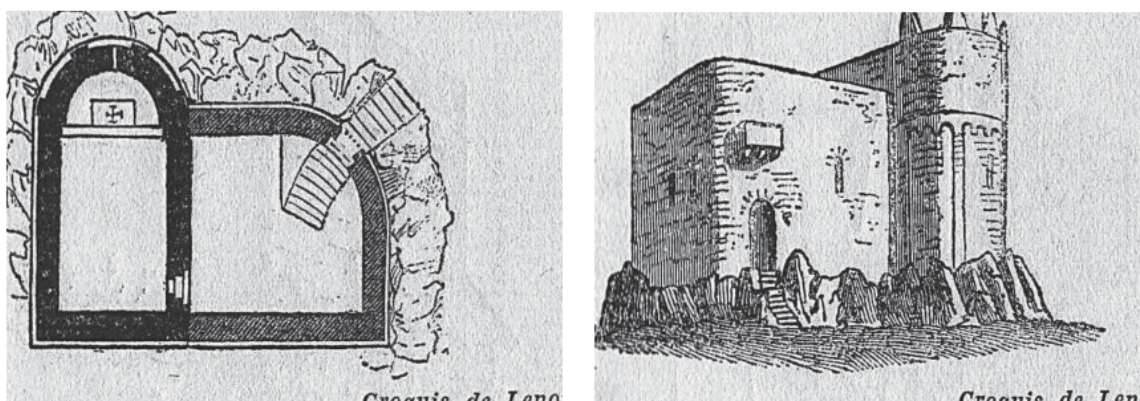
---

¹ См.: Rupin: L'abbaye et les cloîtres de Moissac, 1897. p. 354—355 (отрывок, приводимый Рюпеном, находится в «Хрониках аббатства», т. 166, кол. 1 и 2).

ловушки, бойницы и машикули укрепленного сооружения играли самую активную роль в системе обороны аббатства, поскольку были выложены прочной бутовой кладкой на случай внезапного нападения. Итак, мы видим, что романские религиозные сооружения весьма часто имели такие фортификационные новшества, что далеко не всякий современный им замок мог с ними сравниться. Далее мы более подробно проследим за систематическим применением фортификационных элементов в культовых сооружениях в романскую и готическую эпохи.

2.2. ПРИМЕРЫ УКРЕПЛЕННЫХ ЦЕРКВЕЙ EGLISES FORTIFIEES ПИРЕНЕЙСКОГО РЕГИОНА ЮГА ФРАНЦИИ И СЕВЕРНОЙ ИСПАНИИ. УКРЕПЛЕННЫЕ БАШНИ-КОЛОКОЛЬНИ (ИХ ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ)

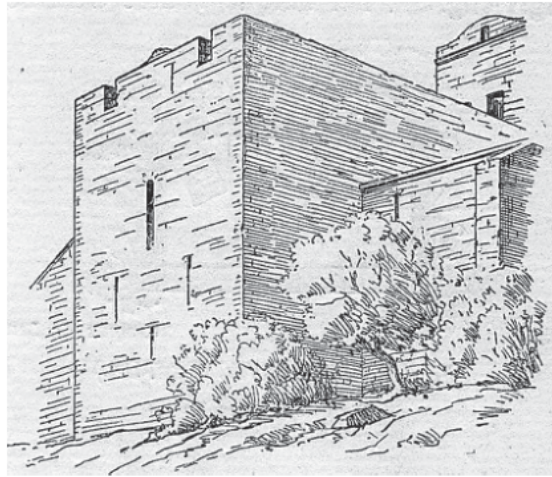
Большинство культовых сооружений дороманского и романского периодов, возводимые по обеим сторонам Пиренеев, несли оборонительную функцию именно благодаря толщине своих стен. Например, церковь в Ларок-д'Альбер (Laroque-d'Albere) имеет толщину фасадной стены 2,4 метра. В церкви Марсеваля (Marcevol) толщина боковых стен составляет 1,6 метра (рис. 2.11).

Рис. 2.11. Церковь в Marcevol (Pyr.-Or.)

Очень часто эти деревенские церкви имели простую прямоугольную планировку с прямоугольной же апсидой, что при значительной толщине стен обеспечивало возможность укрываться при нападении, а также возможность относительно недорогих восстановительных работ после отражения, как, например, в Баньюль-дель-Аспр (Banyuls-dels-Aspres), Эклюз (l'Ecluse), Верне (Vernet), Монболо (Montbolo), Эспира-де-л'Агли (Espira-del'Agly), Корнелла-де-Конфлент (Corneilla-de-Conflent). Причем мы видим, что в Баньюль-дель-Аспр и в Моли (Molitg) церковь как бы образует угол, выступающий в роли своеобразного бастиона, затрудняющего осаду (рис. 2.12).

Рис. 2.12. Апсида церкви Баньюль-дель-Аспр (Pyr. Or.)

В Реглей (Regleille) боковые стены церкви невероятно завышены, возможно, для того чтобы разгрузить (расчленить) монастырские подступы, окруженные крепостной стеной (так считал, например, М. Брютай (M. Brutails). В городке Родипер (Rodipere) можно наблюдать похожее решение проблемы, здание закрыто прилегающими стенами, с тем чтобы не перегружать стены церкви. Наиболее показательная церковь подобного типа — церковь в Эспира-де-л'Агли (Espira-de-l'Agly), имеющая единый сводчатый неф и прямоугольные проходы с двумя апсидами-«близнецами» в толщине стен, где располагалась рака с мощами святого. Коридор, возведенный во фронтальной части, запирался изнутри церкви потайной дверью, а снаружи был прикрыт двумя бойницами для стрельбы из лука. Очень узкие окошки, проделанные в боковых стенах, также скорее служат для стрельбы, нежели для освещения интерьера. Северная и западная стороны прикрыты мощной башней-колокольной, верхняя часть которой ранее имела зубцы с бойницами (как в Эльне или Сен-Мишель-де-Куша), которые впоследствии были перестроены. Всем своим грозным видом колокольня активизирует всю массу церковного сооружения. При этом юго-западная сторона защищена более толстыми стенами правильной кладки на растворе. Один из самых внушительных и самых старых каталонских укрепленных монастырей *eglises fortifiees* Сант-Пере-де-Родес «прилепился» к склонам высокой горы над маленьким городком Порт-де-ла-Сельва на севере Пиренейского полуострова (рис. 2.13).

Обитель бенедиктинцев была основана в X в. одним из самых влиятельных монашеских орденов. Добротная старинная дверь в полукруглой слепой арке ведет нас внутрь этой «крепости Веры». Над дверью, почти под самой крышей, расположено арочное окно с боковыми колоннами и скульптурными изображениями львов по бокам. Эти львы — символ силы веры. Львы попирают лапами обезьяну

и змея, символизируя торжество христианской религии над дьяволом («обезьяной бога» и «древним змием»). Внутренний зал укрепленной церкви монастыря состоит из трех нефов. Центральный неф — продольное пространство здания, отделенное от соседних нефов романской колоннадой. Внутри этой аскетической церкви *eglises fortifiees* практически никакого декора. Серый камень и простота, как и положено монастырю ордена бенедиктинцев, построенному в 977 г. Это было время великих перемещений и великого строительства в Европе. В X—XII вв. первый и старейший монашеский орден Европы, созданный в Италии и распространившийся по Европе благодаря подвижничеству своих монахов. Девиз ордена бенедиктинцев — «молись и трудись». Монахи молились о спасении мира и трудились — создавали проекты, строили церкви и монастыри, писали летописи и переписывали манускрипты, были учителями и наставниками, строили больницы и ухаживали за больными. Монастыри жили в основном на пожертвования. В монастыре Сант-Пере находились мощи двух святых — Сен-Прима и Сен-Фелисио, а при них была построена больница для пилигримов, идущих в Сантьяго-де-Компостелло, которая впоследствии стала больницей для бедных. Сегодня от многочисленных культовых и служебных построек аббатства сохранился в оригинале только фасад часовни при монастырской больнице (рис. 2.14).

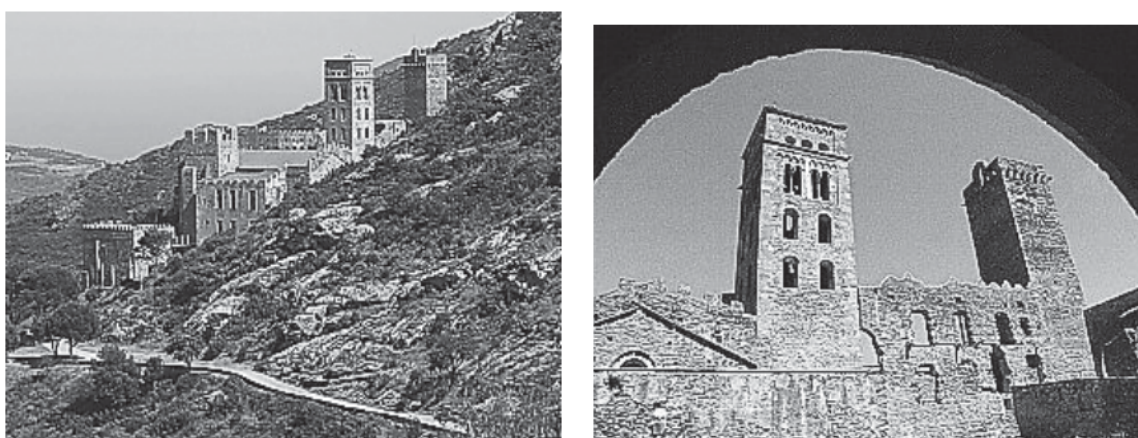

Рис. 2.13. Монастырь Сан-Пере Каталония. Каталония

Круглые церкви Каталонии, такие как Сен-Микель дель Монастир де ла Побла де Лийе (Sant-Miquel del Monastir de la Pobla de Lillet), церкви замков Ллюсса (de Llussa), Сен-Перель Гро (Sant-Pere'l Gros), де Вич (de Vich), вообще являются по сути настоящими донжонами (см. исследования Puig y Cadafalch, II. С. 315). На испанской стороне Пиренеев часто можно встретить культовые сооружения с довольно оригинальным расположением двух апсид, как бы фланкирующих с обеих сторон подходы к сакральному центру религиозного объекта, например, в церквях: Мерен (Merens) и Сен-Поль-де-

ля-Мер (Saint-Pol-de-la-Mer), возведенных в XI в. (см.: Puig Cadafalch, т. II, pp. 276—277). Иногда в этом регионе мы можем отыскать еще более смелые архитектурные решения, объединяющие культовые и фортификационные функции «церквей крепостного типа». Так, например, в старинном соборе города Сен-Лизие (Saint-Lizier), возведенном в 1117 г. и являющемся центральным храмом архиепископства Кузеран (Couserans), две боковые апсиды, имеющие стены трехметровой толщины, согласно замыслу архитектора, вообще являлись частью двух башен, расположенных по обеим сторонам городских крепостных ворот¹. Интересно, что и сам город Сен-Лизие имеет довольно оригинальную планировку городских фортификационных сооружений, улиц и культовых памятников, расположенных ярусами на высоком холме.

Рис. 2.14. Монастырь Сан-Пере Каталония (башни)

Справедливости ради стоит отметить, что в регионе Пиренеев, наряду с весьма оригинальными культовыми сооружениями фортификационного назначения, нередко встречаются церкви куда более интересные, но также имеющие некоторую степень защиты от внезапных нападений. Например, церковь монастыря Вальбонн (Valbonne), который был основан в 1242 г. цистерцианскими монахами Фонфруа (Fountfroide), для защиты от нападений просто окружена старой каменной стеной значительной толщины без зубчатых бойниц и машикули. Скромная приходская церковь Марсеволь (Marcevol), возведенная в XII в. (возможно, в конце XI в. согласно документам 1091 г. в Marca Hispanica, CCCVII), также имеет простой и довольно приземистый вид, напоминающий, впрочем, более военное сооружение². Мощные стены церкви и церковной ограды, довольно редкие узкие окна, единственная дверь (о которой можно

¹ См.: De Lahondes: Bull. Archeol. du Comite, 1896: Eglises romanes de l'Ariege.

² См.: Pierre Vidal: Etude historique sur le prieure de Marcevol (Bull. Soc. Agr. Scientif. Et littre. Des Pyren.-Orient., 1888).

судить по сохранившимся рисункам XII в.), открывающаяся во внутренний коридор, и массивная венчающая часть церковной апсиды, — все это напоминает скорее донжон, соединенный с куртинами, нежели приходскую церковь (рис. 2.11). Внешнее сходство этой приходской церкви с укрепленным замком вовсе не случайно, поскольку эта скромная часовня была частью комплекса монастырской обители ордена Сен-Сепюлькр (Saint-Sepulcre), основанной в 1140 г. Монахи-солдаты этого воинствующего ордена весьма прославились своими строительными навыками при возведении монастырских укреплений, о чем ярко свидетельствуют великолепные фортификационные сооружения, воздвигнутые представителями этого ордена в Сирии. Сумев снабдить свои церкви и часовни великолепным фортификационным аппаратом, монахи ордена Сен-Сепюлькр (Святого Креста) способствовали распространению своей передовой военной архитектуры по всему латинскому Востоку¹. Кстати, в этом беспокойном регионе по обеим сторонам Пиренеев, мы довольно часто встречаем многочисленные укрепленные церкви (*eglises fortifiees*), принадлежащие военно-монашеским орденам Средневековья. Таковой является, например, церковь Сало (Salau), расположенная в небольшой деревушке Salau в 110 км к юго-западу от Тулузы в Восточном кантоне округа Сен-Жирон в Арьеже (Ariege), которая уже с конца XII в. принадлежала военно-монашескому ордену св. Иоанна Иерусалимского или Госпитальерам (*Mem. de la Soc. Archeol. du Midi de la France*, t. XI, p. 410)². История сооружения этой оригинальной церкви за многие столетия успела обрасти местными легендами. Одна из них (наиболее поэтическая) гласит, что церковь построена испанской принцессой, которая после развода со своим мужем и приказала возвести эту церковь. Так это или нет, но точно известно, что уже с XII столетия эта церковь находится во владениях ордена Госпитальеров (покровителей и защитников христианских паломников) и именно они являлись главными заказчиками и строителями церкви. Местоположение церкви Сало было выбрано, скорее всего, не случайно, поскольку расположено на традиционном паломническом пути в Сантьяго-де-Компостелло (свидетельством чего, в том числе, является традиционное изображение раковины на фреске алтарной части). Церковный комплекс (*eglise-fortifiee*) Salau-Couflens, скорее всего, был призван прикрывать переправу через горную речку, где при необходимости, закрепившись, можно прочно «запереть» противника на переправе. Объемно-пространственная

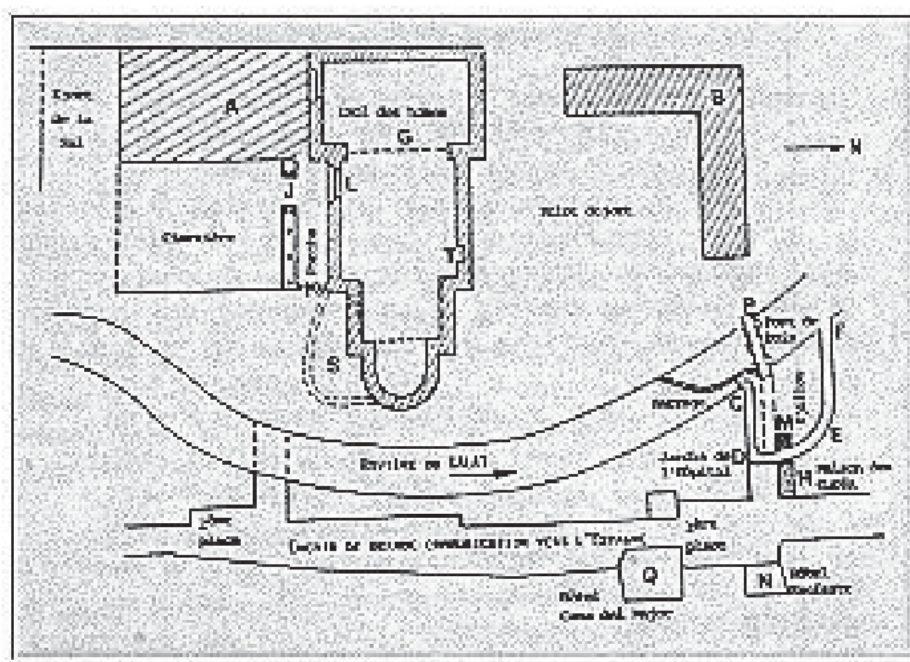
---

¹ См.: R. Rey: *Les villes eglises fortifies du Midi de la France*. — Paris, 1923. P. 86–87.

² См.: Rober Roger: *Les eglises romanes du pays de Foix et de Couserans* (*Bull. Soc. Arieg.*, 1908).

композиция церковного сооружения представляет собой композиционное единство трех практически независимых пространственных форм, соединенных посредством арочных переходов и завершающихся на востоке полукруглой алтарной апсидой (рис. 2.15).

Рис. 2.15. План церкви госпитальеров в Сало (Salau), XII в.

Стены церкви, имеющие внушительную толщину, явно предназначены скорее для обороны, нежели для поддержания сводов. На фортификационный характер сооружения также указывает хорошо сохранившаяся часть «кладбищенской» стены, окружавшая ранее, по-видимому, весь церковный комплекс и имеющая весьма значительную толщину. Маленькие окна-бойницы практически не освещают интерьер, но зато хорошо приспособлены для ведения стрельбы (рис. 2.16).

Рис. 2.16. Виды церкви госпитальеров в Сало (Salau) в Пиренеях

Традиционная окситанская «сквозная» колокольня, венчающая наибольшую часть церкви, была возведена госпитальерами в XIII столетии. В начале XIV столетия, после разгрома ордена тамплиеров, Папа Климент V передает основную часть земель и имущества, конфискованных у тамплиеров, ордену госпитальеров. Видимо из-за необходимости учета и освоения таких огромных богатств работы по дальнейшему строительству церковного ансамбля в Сала (Salau) были прекращены. Позднее, в XV–XVI вв., церковь Сало (Salau) была переподчинена командорству госпитальеров Caignas в Lauragais и какие-либо значительные строительные работы в ней более не производились. Знаменательно, что это оригинальное культовое сооружение типа *eglise fortifiée* имеет такие же сильные укрепления, что и церкви Марсеволь (Marcevol) и Луз (de Luz) в Верхних Пиренеях. Церковь Люз Сен-Совьер (Luz-Saint-Sauveur) до сих пор носит название «церковь Тамплиеров» и является также укрепленным культовым сооружением, демонстрируя нам довольно устойчивую систему защиты от внезапных нападений. Причем особый интерес вызывает окружающая церковь стена ограждения, возведенная на сводах дозорного пути, скорее всего, не ранее начала XIV в. Наличие этой стены, в случае захвата внешней крепостной стены, заставляло нападающих вновь прибегать к осаде для овладения самой церковью. Все эти церкви сближает между собой, во-первых, наличие довольно серьезных фортификационных сооружений, а во-вторых, принадлежность к военно-монашеским орденам Средневековья (всегда славившимся своими строительными фортификационными навыками).

Рис. 2.17. Церковь Luz-Saint-Sauveur («des Templiers») XII–XIV вв.

Аналогичные примеры церквей с элементами развитой системы фортификации мы можем встретить в Нижнем Лангедоке, тесно связанном с Руссильоном в единый целостный регион еще со времен раннего Средневековья. Так, например, в старинном аббатстве

Желон (Gellone), которое с XII в. получило оригинальное название Сен-Гильхейм (Saint-Guilhem) по имени своего донатора — основателя Гильома, герцога Аквитании (Guilhem duc d'Aquitaine), изначально была возведена церковь с прямой абсидой и встроенными в толщу стен раками, облик которой смогли восстановить в начале XX столетия¹. Стены этой церкви изначально возводились с целью сооружения на сводах дозорного пути, который в случае захвата внешней крепостной стены во время штурма ставил нападавших перед необходимостью новой осады для овладения церковью. Аналогичная схема расположения дозорного пути на сводах церквей применена в Сен-Савене (Saint-Savin) и в Бигоре (Bigorre). Кстати, это именно тот герцог Гильом «Короткий Нос» (Guillaume au Court-Nes), который известен нам как персонаж средневековых французских эпических поэм (chansons de geste), созданных приблизительно в XI столетии². Похожие конструктивные решения мы можем наблюдать в церквях Магелона (Maguelone), Сен-Пьер-де-Ред (Saint-Pierre-de-Redes), Сен-Винсен-де-Барбейраг (Saint-Vincent-de-Barbeyrargues) и др. Интересным представляется также тот факт, что до реконструкции города Каркассона, которая проводилась в XIII в. по инициативе Людовика Святого, западный фасад церкви Сен-Назер (Saint-Nasaire) простирался вдоль крепостной стены и, видимо, также выполнял какое-то фортификационное назначение. К сожалению, от прежней церкви столетия сегодня сохранилось лишь нижнее основание, и нам сложно что-либо утверждать, тем более после реконструкции Э. Виоле-ле-Дюка (Viollet-le-Duc), который постарался придать западному фасаду его «прежний» вид. Таким образом, подводя предварительный итог, можно констатировать тот факт, что наиболее старинные дороманские и романские укрепленные церкви (eglises fortifiees) изначально приобретали фортификационное значение, во-первых, ввиду постоянных угроз разорения. Во-вторых, по причине относительной простоты и надежности тех работ, которые проводились для преобразования их в объекты фортификации (помимо их прямого — культового назначения). Мы видим на достаточно большом количестве примеров, что культовые сооружения романской эпохи до XII в. представляют собой комплекс внутренних приспособлений, нацеленных на ведение пассивного сопротивления (бойницы для стрельбы из лука, выступающие навесные машикули и парапеты). При этом активным элементом обороны, использующимся при возведении eglises fortifies, выступают в основном

¹ См.: Запись от 1076 г. в отрывке «Акта ордена св. Бенедикта» (Acta sanctorum ord. S. Benedicti, siec. IV, pars I, p. 88.).

² См. Исследование М. Е. Bonnet: L'église abbatiale de Saint-Guilhem-le-Desert dans Congres archeol. de 1906.

колокольни-донжоны *clogher-donjon*. Месторасположение этих башен-колоколен относительно нефа и трансептов, несмотря на довольно пеструю архитектурно-композиционную палитру региональных школ романского периода, можно достаточно точно классифицировать и свести в относительно небольшую систематизированную таблицу. В целом именно весь комплекс этих простых фортификационных и архитектурно-композиционных элементов, использованных средневековыми мастерами романской эпохи при сооружении культовых сооружений *eglises fortifies* и придавал им оригинальный вид суровых крепостей-замков.

2.3. НАИБОЛЕЕ ТИПИЧЕСКИЕ ЦЕРКВИ-КРЕПОСТИ НИЖНЕГО ЛАНГЕДОКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII ВЕКА: ПЛАН, СООРУЖЕНИЕ, СТРУКТУРА В АГДЕ (AGDE) И МАГЕЛОНЕ (MAGUELONE)

Внимательному исследователю европейского Средневековья наличие многочисленных *eglises fortifiees* (укрепленных церквей) XII столетия, расположенных вдоль линии средиземноморского побережья Франции и Каталонии, непременно воскресит в памяти длительный и тяжелый период почти постоянных набегов и походов воинов Ислама (именуемых в тот период сарацинами). Пожалуй, нигде больше во Франции или в Испании (да и во всей Европе), кроме как в Нижнем Лангедоке и Провансе, воспоминания об этом страшном периоде истории не сохранялись столь долго и не выглядели столь живыми. Одним из показательных примеров может служить тот факт, что довольно длительное время, даже после XII века, город Магелон (*Maguelone*) именовался местными жителями не иначе как Порт-Сарацин (*Port-Sarrasin*)¹. Среди мощных квадратных башен так называемых *palais-forteresse* (дворца-крепости) портового города Нарбонна (*Narbonne*), образующего в Средние века отдельное Виконтство Нарбоннское, до сих пор одна из башен носит название «мавританская». Богатое и живое воображение жителей солнечного Прованса и в наши дни проявляется в том, что многочисленные сторожевые башни-вышки и маяки, которые покрывают обширные скалистые горные вершины вдоль средиземноморского побережья, именуются «башнями сарацин» (*tours sarrasines*). До сих пор, например, сохранившееся в провансальском языке терминологическое обозначение сигнального маяка-башни (*fanal*, фр.) звучит как *l'Al-manar*, что является сильно искаженным арабским Аль-манар.

До наших дней эти тревожные смутные воспоминания о грозных набегах сарацин глубоко запечатлены в старинных окситанских

---

¹ См.: P. Gachon: *Histoire du Languedoc*, 1920. P. 41

(провансальско-каталанских) песнях и легендах, составляющих суть фольклора жителей этого благодатного края. Этот эпический цикл старинных поэтических легенд рождался и развивался в течение долгих веков (с IX по XIII в.), во времена набегов сарацин, походов меровингских и каролингских дружин, славных сражений и паломничества доблестного южного рыцарства и свободолюбивых жителей христианской Окситании¹. Во всем этом поэтическом калейдоскопе порой довольно трудно разобраться, однако сегодня историкам достоверно известно, что упадок влияния империи Каролингов сильно способствовал росту опустошительных набегов «ужасных сарацинов» на земли Окситании и завоеванию ими почти всего Пиренейского полуострова. Так, с 923 г. правители и воины Ислама создали практически невыносимые условия для существования общины каноников Марселя (*chanoines de Marseille*), а немногим позже сарацинами было почти полностью разрушено знаменитое со времен раннего христианства аббатство Сен-Виктор (*l'abbaye de Saint-Victor*). В течение IX—X вв. отважные воины Халифата захватили все прилегающие острова и все побережье Средиземноморья от Каталонии до Лигурии, продержавшись на территории Прованса вплоть до конца X столетия^{2 3}.

В эти непростые для христианской Европы времена всеобщего оцепенения в ожидания «1000 года и конца этого мира» именно знаменитому Ключийскому аббатству принадлежала инициатива объявления Крестовых походов с целью освобождения Юга Франции от «нашествия мавров». Монах Рауль Глабер (*Raoul Glaber*) в своей хронике повествует о том, что св. Майоль (*Saint-Mayeul*) при возвращении в 962 г. из своего паломничества в Рим был взят в плен сарацинами (где претерпел от них весьма грубое обращение) и монастырь Ключи вынужден был заплатить за его освобождение довольно крупный выкуп. Не удивительно, что десять лет спустя именно св. Майоль, предшественник на этом поприще папы Урбана II и св. Бернара (*Saint-Bernard*), страстно проповедовал Крестовый поход против пиренейских и окситанских мавров, что можно смело назвать прелюдией к Великой эпохе Крестовых походов XI—XIII вв. в Святую землю. Откликнувшийся на призыв св. Майоля Гильом I (*Guillaume*), граф Прованса, стал своего рода «Годфридом Бульонским (*Godefroy de Boullion*) Окситании», возглавив борьбу с «неверными» на Юге Франции. В результате яростной борьбы «креста и полумесяца» мавры были изгнаны с территории Каталонии, Лангедока

---

¹ См.: M. Joseph Bedier: *Legendes epiques*, t. IV.

² См.: Albanes-Chevalier: *Gallia Christ. Novissima*, Marseille, № 62 et 78; Calmette et Vidal: *Histoire de Roussillon*, 1923, p. 62.

³ См.: *Hist.*, I. I, ch. IV.

и Прованса, но они еще долго остаются хозяевами моря и наводят ужас своими пиратскими набегами на средиземноморское побережье христианской Европы. Война надолго превращается в непрерывную цепь внезапных налетов, грабежей и рейдов на христианские земли, поэтому изменившийся характер войны остро ставит вопрос безопасности прибрежных территорий. Создание в населенных пунктах мощных крепостей и так называемой морской стражи (*police maritime*) стало ответом окситанских городов, монастырей (позднее военно-монашеских орденов) и баронов на вызов, брошенный войнами Ислама. В ожидании «Великого» Крестового похода Императора «Священной Римской империи» во главе всех христианских государей против «варваров-мавров» (*Barbaresques*) жителям христианского Средиземноморья приходилось оборонять свои земли собственными силами здесь и сейчас.

Нижний берег Лангедока, Каталонии и Прованса была наиболее подвержен нападениям сарацин в связи с особенностями рельефа, изобилующего многочисленными бухтами, удобными для стоянки легких мавританских шеек. Вследствие такой географии X–XI вв. в истории этого региона изобилуют датами грабежей и пожаров небольших городов, замков и особенно монастырей и церквей. Например, в 1140 г. епископ города Эльна (*d'Elne*) в своей речи на Соборе епископов в Нарбонне приводит яркий пример тех «...бедствий, которым подверглась его епархия вследствие нападений сарацинских пиратов, которые нещадно уничтожали жителей или уводили их в рабство, и требовали к настоящему времени сто девушек в качестве выкупа за тех пленных, которых они уже захватили»¹. Это и многие другие нападения мавританских пиратов, а также огромная протяженность береговой линии, изрезанной многочисленными укромными бухтами (пригодными для скрытой высадки) во многом объясняет нам наличие возведенной уже к XII в. «цепочки» многочисленных крепостей от Прованса через Руссильон и до средиземноморского побережья Каталонии. Среди этой своеобразной «линии Мажино» Средневековья весьма важную роль опорных пунктов обороны (своеобразных фортов) играли «церкви укрепленного типа» (*eglises fortifiees*), многие из которых сохранились до наших дней. Сегодня мы имеем довольно значительное собрание работ (в основном французских авторов), в которых подробно описано большинство культовых сооружений этой средневековой «линии обороны», такие как: памятники провинции р. Эро (*l'Herault*), Сен-Лорен-дез-Арбр (*Saint-Laurent-des-Arbres*), Треск (*Tresques*), Ланглад (*Langlade*), Сен-Андре-де-Рокпертюи (*Saint-*

---

¹ См.: Общая история Лангедока, первое издание книги / *Hist. gener. De Languedoc*, edit. Pr., liv. 17, XLIX.

Andre-de-Roquepertuis), часовня Андюз (d'Anduze), Эстезарг (Estezargues), Сан-Бонне (Saint-Bonnet), часовня Трюель (de Truel) рядом с Рокмор (Roquemaure) и др.¹

Эти выдающиеся памятники культовой и фортификационной архитектуры, выполняющие свои функции по защите «христианских душ и тел» своей паствы против «неверных» и морских пиратов, раскрывают перед нами новый, неожиданный аспект применения фортификационной архитектуры, приспособленной к культовым сооружениям с их религиозными задачами. Сегодня нам достаточно точно известны даты возведения большинства этих оригинальных сооружений, и поэтому непосредственное изучение *eglises fortifiees* позволяет нам выстраивать некую периодическую систему, дающую возможность проследить основные этапы сложения этого уникального архитектурного феномена Средневековья.

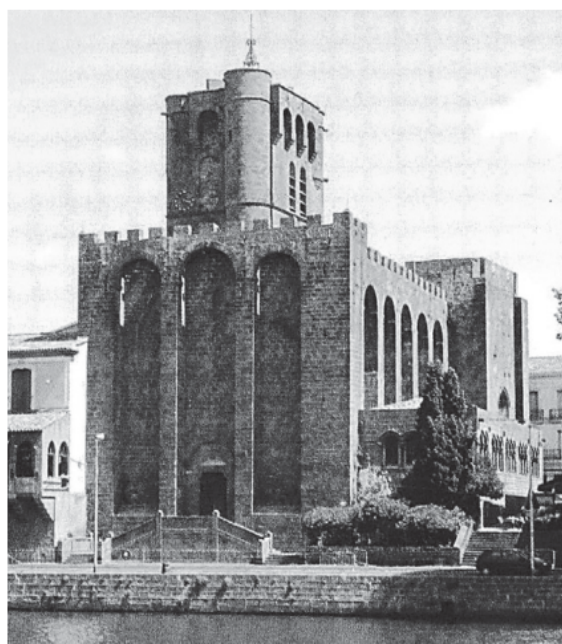
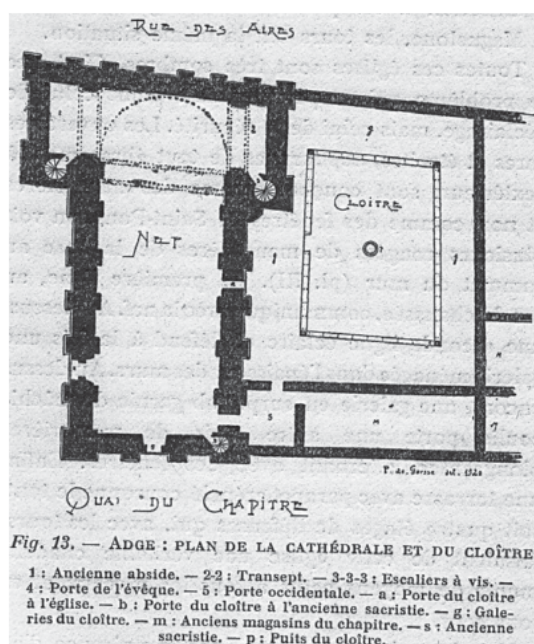
Среди укрепленных церквей стоит выделить те, которые первоначально возводились согласно заранее продуманной оборонительной системе, такие как: соборы в Агде (d'Agde) и Магелоне (de Maguelone), монастырские церкви Сен-Пон-де-Томьер (Saint-Pons-de-Thomieres) и Кастельно-ле-Лез (de Castelnau-le-Lez), Ви-лез-Этанж (Vie-les-Etangs), Сельнев (Celleneuve), Фронтиган (Frontignan), Монбазен (Montbazin), Монблан (Montblanc) и др. Позднее, в XII столетии, все эти укрепленные церкви были основательно реконструированы до такой степени, что их можно с полным основанием отнести скорее к чисто фортификационным сооружениям (крепостям), нежели к культовыми сооружениями. Причем важную роль в укреплении этих *eglises fortifiees* играли как местные епископы, так и королевская власть. Например, к 1149 году укрепления собора в Агде (d'Agde) все еще не были завершены и поэтому король Людовик VII, обращаясь с письмом в 1173 г. к местному епископу Гильому (Guillaume), настоятельно требует «укрепить как **церковь**, так и город башнями и крепостными стенами ... по причине частых набегов злых людей и опасных Сарацин»². Епископ Гильом, видимо, был энергичным человеком и значительно «ускорил» выполнение фортификационных мероприятий по защите церкви и города, поэтому после окончания строительных работ собор в Агде был укреплен уже в 1175 г.³ Даже сегодня зубцы, бойницы, главные

¹ См.: E. Bonnet: *Antiques et monuments du depart de l'Herault*, Montpellier, 1905; A. Durand: *Mem. de l'Academie de Vaucluse*, 1892; A. Durand: *Congres arch. de Nimes*, 1897 и др.

² См.: «*Testament de l'evêque Ermengaud*» (Завещание епископа Эрманго), «*ad chorum perficiendum*»: *Gallia Christ.*, 1739, t. VI, chap. XIII, col. 323.

³ См.: *Gallia Christ.*, *ibid.*, t. VI, col. 326–328.; также: *Hist. de Languedoc*, ed. pr., t. 3, an. 1173. — *Sur Saint-Etienne d'Agde*; работы: L. Noguier: *Bull. Soc. Arch. De Beziers*, 2e serie, VII, p. 152, илл. I-IV.; *Mélanges de Cabrieres*, I. P. 447;

башни и укрепленные балконы, придающие довольно мрачный и грозный каменный вид «собору-крепости», напоминают о том, что Сан-Этьен в Агде был центром епархии, епископы которой были богатыми феодалами. Также следует сказать, что тип этого собора один из самых редких среди сохранившихся во Франции. Епархия Агд была создана в V столетии в одном из самых древних городов Франции, так как «Агате Тише». Это римский город на месте древнегреческого поселения, которое было основано еще в 590 г. до Рождества Христова. Нынешний потрясающий собор был окончательно достроен к концу XII столетия (рис. 2.17).

Рис. 2.17. План кафедрального собора и клуатра в Агде (Agde) XII в.

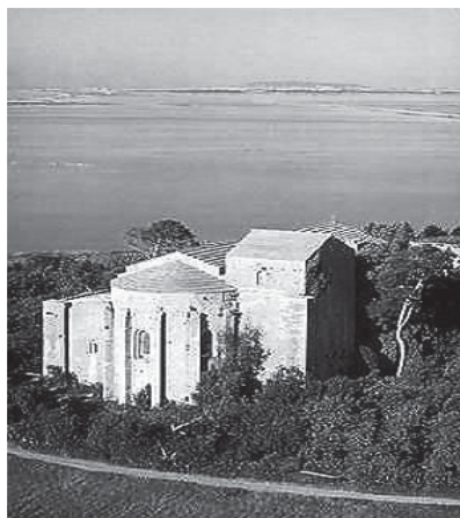
От древнего романского «собора-крепости» сегодня лишь частично сохранился первоначальный вид: неф, имеющий в своем завершении трансепт (поперечный неф) без архитектурного клироса, при отсутствии которого собор приобретает форму буквы Т. Все пространство интерьера собора перекрыто полуциркульными арками. По всему периметру собор оснащен бойницами на контрфорсах, а также крупными арками, которые их поддерживают. Внешняя башня-колокольня, расположенная снаружи здания, достаточно хорошо позволяет нам понять технику строительства фортификационных сооружений Средневековья. Колокольня на главной башне также обладает бойницами в виде выступов, которые были построены чуть позже XII столетия. С южной стороны часовня-капелла, прилегающая к главному строению, как бы окаймляет неф

разные работы E. Bonnet и P. de Gorsse: Monographie de la cathedrale Saint-Etienne d'Agde, Toulouse, 1922.

собора. Она была «восстановлена» в начале XX в., используя некоторые элементы стилизованной романской архитектуры древней церкви, которая была разрушена несколькими десятилетиями ранее. Небольшие размеры всего здания: 32×15 м — подчеркивают ощущение строгости, которая смягчается с помощью таких элементов обстановки, как алтарь с мраморными колоннами эпохи Людовика XIV. Этот алтарь напоминает нам об активной «жизненной позиции» епархии Агда в тревожную эпоху реформации и контрреформации.

Возведение укрепленной церкви Сен-Пьер де Магелон (Saint-Pierre de Maguelone) относится к нескольким эпохам (сегодня принято различать три этапа строительства) (рис. 2.18).

Рис. 2.18. Собор Сен-Пьер де Магелон (Saint-Pierre de Maguelone) XII в.

Главный неф существовал еще в древней церкви, торжественно освященной в 1054 г. во времена реконструкции епископского замка (городка — *site*). По поводу датировки сроков возведения апсиды и трансепта среди исследователей существуют разногласия. Хроника, которая велась во времена епископата Жана де Монлора (Jean de Montlaur) 1158—1190 гг. и сохранилась в картулярии Магелон (Maguelone), относит строительство апсиды и трансепта ко временам епископата Готье (Gautier), т.е. к периоду 1104—1129 гг.¹ Однако согласно с хроникой, написанной во времена Арно де Вердаль (Arnaud de Verdale), более поздней, чем картулярий Магелона, этот епископ только укрепил уже существующую апсиду. Факт этот можно считать более правдоподобным, поскольку первый текст приписывает епи-

¹ См.: Arch. Dep. Herault, reg. B, 257. *Chronica quatuor episcoporum Magalonensium*; также : A. Germain: *Memoires de la Soc. Archeol. de Montpellier*, 1854, 1 series, III, p. 357; цитирует: E. Bonnet: *Bibliog. Du diocese de Maguelone (Melange de Carbrieres, III, Montpellier, 1899)*; и наконец: F. Fabrege: *Histoire de Maguelone*, 1894—1901, 3e, t. 4.

скопу Раймону (Raimond), правившему в период 1129—1158 гг., возведение «башни Гроба Господня» (tour du Saint-Sepulcre), которая возвышается на северной консоли трансепта, что полностью подтверждает Арно де Вердаль¹. Наконец стоит добавить, что хроника картулярия указывает на тот факт, что во времена епископата Жана де Монлор здание церкви, находившееся под угрозой обрушения, было реконструировано. При этом некоторые исследователи полагают, что эти восстановительные работы можно отнести лишь к верхней части церкви и сводам². Однако, скорее всего, под этими работами надо понимать возведение церковной фортификации (большие контрфорсы и машикули), которое придало зданию грозную целостность и оригинальность³. Подводя итог, можно сказать, что сегодня специалисты различают три основных периода строительства церкви Сен-Пьер де Магелон: Первоначально, в XI в., возводился главный неф с очень толстыми стенами; затем, к середине XII столетия, — поперечная часть трансепта с массивными укрепленными башнями (в том числе и с северо-запада, со стороны монастырских зданий); и наконец, — между 1158 и 1178 гг. проводятся завершающие работы по возведению перемычки главных ворот, контрфорсов с парапетом и дозорным путем. Причем эта наиболее интересная для нашего исследования часть, по сути, является современницей фортификационного аппарата аналогичных укреплений собора в Агде. Что касается укрепленной церкви Сен-Пон-де-Томьер (Saint-Pons-de-Thomieres), то в капитальном исследовании этого памятника Ж. Саюком (J. Sahuc) приводится интересный для нас текст соглашения 1171 г. между виконтом Безье (vicomte de Beziers) Роже Тренкавелем (Roger Trencavel), который захватил и разрушил аббатство, и аббатом монастыря. В соответствии с этим соглашением «аббату велено восстановить свой монастырь и укрепить его как можно лучше, насколько это возможно»⁴ (рис. 2.19).

Поскольку церковь соприкасалась с укрепленным поясом стен, постольку она представляла собой настоящий донжон с северной стороны монастыря, и здесь были проведены такие же фортификационные работы в 1171—1180 гг., как и в соседних *eglises fortifiees* Агда (d'Agde) и Магелона (Maguelone). Что касается прочих укрепленных церквей Нижнего Лангедока (Bas-Languedoc), то, несмотря на отсут-

¹ См.: *Catalogus episcoporum Magalonensium* (Mem. Soc. Arch. Montpellier, 1-re serie, VII, p. 526).

² Например, A. German: *Maguelone sous ses eveques et ses chanoines* (Mem. Soc. Arch. Montpellier, 1-re serie, V, p. 379, note 2).

³ Например, R. Rey: *Les vieilles eglises fortifiees du Midi de la France*. Paris, 1925. P. 95.

⁴ См.: J. Sahuc: *L'art roman a Saint-Pons-de-Thomieres*, 1908. P. 94.

ствие достаточного количества источников, касающихся фактов проведения там фортификационных работ, можно с достаточной степенью вероятности определить их возраст последней четвертью XII столетия¹. Очевидно, что все эти *eglises fortifiees* были возведены примерно в одно и то же время для защиты берегов от сарацин, арагонцев и каталанцев, которые постепенно захватывали и заселяли земли Лионского залива.

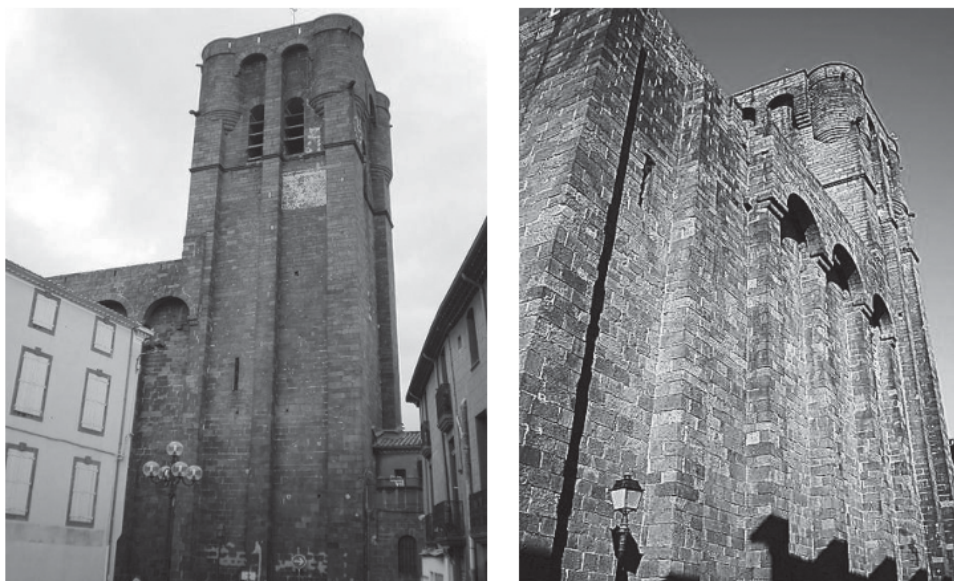

Рис. 2.19. Собор Saint-Pons-de-Thomieres. Южный и северный фасады XII в.

Одна из главных общих черт всех этих культовых религиозных сооружений фортификационного характера XII столетия — относительная простота планировки интерьера. В самых общих чертах в плане всех этих *eglises fortifiees* мы видим единый неф (с трансептом или без него) и первоначально возведенную плоскую апсиду. При этом каждая из вышеперечисленных укрепленных церквей имеет свою, так сказать, изюминку: апсида в церкви Кастельно-ле-Лез (Castelnau-le-Lez), раки со святыми мощами, выходящие на трансепт и не имеющие связи с внешней стороной, встроенные в стену церкви в Магелоне (Maguelone), и пр. Своеобразную оригинальную особенность представляет собой собор Агда, имеющий Т-образный план, в котором апсида сообщается (по сути встроена) с прямоугольным трансептом, поперечные части которого состоят из двух квадратных в плане часовен (над каждой из которых, в свою очередь, возвышается башня). Такая странная для культового сооружения планировка является лучшим доказательством того, что фортификационные укрепления были предусмотрены зодчими с самого начала возведения этого «религиозно-военного» сооружения. К слову сказать, в церкви Магелон башни имеют точно такое же расположение, по-

¹ См.: R. Rey: *Les vieilles eglises fortifiees du Midi de la France*. Paris, 1925. P. 95—96.

сколько обе эти церкви возводились примерно в одно и то же время. Еще одной общей чертой, объединяющей все эти культовые сооружения, является наличие довольно мрачных интерьеров, что косвенно подтверждает факт того, что при возведении зданий ставилась скорее задача обеспечения безопасности, а не освещения церковного пространства. Те немногочисленные и довольно узкие отверстия в толще стен следует рассматривать скорее как бойницы, а не оконные проемы. Аналогичные проемы-бойницы, расположенные в несколько рядов (от основания до самой верхней линии стены), мы также встречаем в кафедральном соборе Сен-Пон (Saint-Pons) (рис. 2.20).

Рис. 2.20. Башня собора Saint-Etienne в Агде (Agde) XIII в.

Первая линия окон-бойниц на нижнем этаже сообщается с главным нефом, а вторая, расположенная выше, одновременно решает две проблемы: освещает внутреннее пространство и защищает галерею, сооруженную внутри стен. Еще выше располагается выступающая галерея с машикули, которая снабжена рядом навесных бойниц, чередующихся с окнами. И наконец, увенчивает всю конструкцию терраса с зубчатым парапетом. Таким образом, вся эта архитектурно-конструктивная система, состоящая из четырех этажей в совокупности с примыкающими башнями, создает неприступную цитадель, снабженную на всех своих уровнях активными средствами обороны. Однако главной отличительной чертой всего культового и одновременно фортификационного комплекса собора в Агде является появление нового оборонительного элемента — башни, расположенной на самой вершине архитектурного ансамбля. Эта башня представляет собой, по сути, площадку с открытым дозорным путем, защищенным по краям зубчатым парапетом, который, в свою оче-

редь, опирается на переднюю часть стены и арки, протянутых между сильно выступающими контрфорсами. Применение подобного фортификационного решения при строительстве культового сооружения — уникально. Архитектором удваивается толщина стен здания, и остается место для сплошных машикули, защищающих стены сапы и крепостного вала. Вместо отдельных отверстий-бойниц, которые мы наблюдали во входной башне Муассака, здесь мы имеем длинные желоба, которые расчленяют основания и плоскости стен, что позволяет бросать в нападающих различные метательные снаряды (камни, бревна и т.д.). Кроме того, бойницы для стрельбы из лука, расположенные в продольных балках амбразур, позволяли обороняющимся обстреливать все подступы к собору. В целом внешний вид высокого профилированного мощными контрфорсами каменного куба, внутрь которого ведет простая и довольно грубая дверь, мало ассоциируется с кафедральным собором. Не случайно исследователь средневековой архитектуры Эмиль Бонне (Em. Bonnet), описывая собор в Агде, отмечал: «При взгляде на эту огромную прямоугольную глыбу, с ее гигантскими арками-подпорками, высокими стенами, увенчанными бойницами, квадратной формы донжоном с машикулями и угловыми сторожевыми вышками с трудом верится, что весь этот военный аппарат мог быть предназначен защищать молельное убежище»¹. Впечатление, производимое суровым и довольно воинственным видом собора, отягощается также еще и черным цветом вулканического камня, добытого в горах Агда, которым выложено все сооружение. Хорошо сохранившийся архитектурный ансамбль кафедрального собора в Агде позволяет нам лучше понять, как могли выглядеть другие укрепленные церкви *eglises fortifies*, внешний вид которых не дошел до наших дней.

2.4. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ НОВШЕСТВА, ПРИШЕДШИЕ С ВОСТОКА В РЕЗУЛЬТАТЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Еще одним мрачным культовым и фортификационным сооружением из черного вулканического камня (напоминающим собор в Агде) является кафедральный собор в Магелоне (Maguelone). К сожалению, сегодня все башни собора в Магелоне разобраны и все верхние фортификационные элементы исчезли, поскольку в XVII столетии все укрепленные феодальные здания (в том числе и культовые) систематически разрушались согласно приказу великого кардинала Ришелье (de Richelieu)². Интересно, что в укрепленной церкви Сен-Пон (Saint-Pons) мы встречаем более сложное

---

¹ Цит. по: E. Bonnet: *Antiquites et monuments du dep. de l'Herault.*, p. 383.

² См.: C. Enlart: *Villes mortes du Moyen Age*, 1920, p. 37.

и менее эффективное конструктивно-архитектурное решение. Здесь машикули снабжены отверстиями-бойницами лишь в ключе арки (см. план и разрез в работе Ж. Саюк). К тому же дозорный путь церкви Сен-Пон перекрыт цилиндрическим сводом, а над этой галереей (которая через окна сообщается с внутренней частью церкви) расположен еще один коридор, тоже с цилиндрическим сводом (поддерживающим свод всей церкви)¹. Таким образом, собор в Агде представляет собой наиболее хорошо сохранившийся образец укрепленной романской церкви *eglises-fortifiees*, равно как и наистарейший пример крепостных (фортификационных) сооружений в средневековой Европе с непрерывными машикули. При этом мы напрасно будем искать прототип такого сооружения в западноевропейской фортификации этого периода, поскольку корни этой мощной и оригинальной фортификационной системы, появившейся на Западе в XII столетии, позаимствованы на Востоке во время Великих Крестовых походов. Именно в период длительной борьбы «креста и полумесяца» за обладание Святой землей франки (так именовались крестоносные пришельцы на Востоке) и научились новым технологиям и методам укрепления своих замков и церквей. Сегодня мы имеем достаточно развернутую историографию этого явления, ибо, начиная с трудов барона Ж. Рей (*baron G. Rey*)² и М. Дьелафуа (*M. Dieulafoy*)³, можно подробно проследить эволюцию военно-фортификационной архитектуры и отыскать истоки появления машикули в строительной практике Запада (рис. 2.21).

Мы знаем, что одними из основных мест обширного театра военных действий крестоносцев в Сирии были города Никея и Антиохия. Недаром осада древней и богатой Антиохии, эта настоящая «битва исполинов», стала поистине самым известным военным событием Первого Крестового похода 1096–1099 гг. Перед изумленными франками — участниками этого похода предстало, согласно описанию арабского историка Ибн-Ферата, грандиозное фортификационное чудо византийских архитекторов конца V столетия. Несмотря на сильные повреждения города и крепости во время землетрясения 976 г. (согласно описаниям Прокопия), арабы, владеющие этим городом более 50 лет, сумели восстановить византийские укрепления и даже возвести цитадель (которая добавляла завершающий штрих к единой фортификационной системе города).

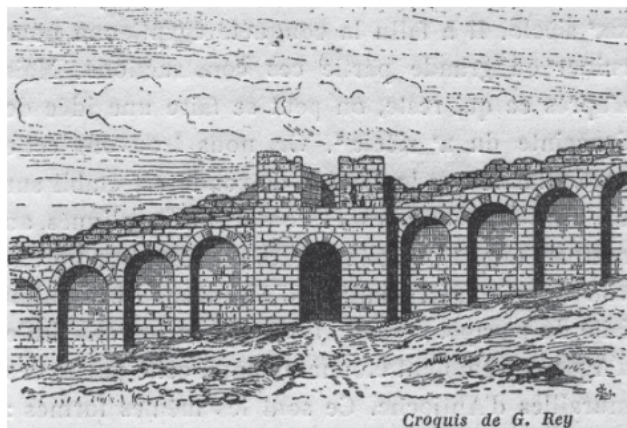
---

¹ См.: J. Sahuc: *L'art roman a Saint-Pons-de-Thomieres*, 1908. p. 45–46 (см. план и разрез).

² G. Rey: *Etude sur les monuments de l'architecture militaire des Croises en Syrie dans l'ile de Chypre*, Paris, 1871 (*Collect des documents de l'Histoire de France*).

³ M. Dieulafoy: *Le chateau Gaillard et l'architecture militaire au XIII siecle*, 1898 (*Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres*, t. 36, 1898).

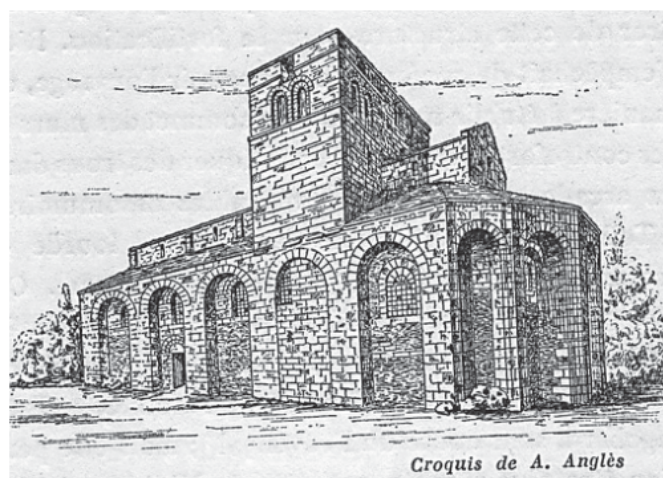
Рис. 2.21. Фрагменты крепостной стены Антиохии. Гравюры кон. XIX в.

Эти грозные крепостные стены Антиохии, возведенные гением византийских архитекторов V века, а затем восстанавливаемые и перестраиваемые арабами, крестоносцами, турками-османами, простояли бы несокрушимо и до нашего времени, но были большей частью разрушены во время египетского завоевания в конце XIX столетия. Однако даже по тем немногочисленным фрагментам, уцелевшим сегодня, можно представить грозные фортификационные укрепления X–XI вв.¹ Глядя на рисунок фрагмента внешней крепостной стены средневековой Антиохии (взятый из книги барона Ж. Рея), мы можем себе представить ту картину, которую могли наблюдать участники Первого Крестового похода. Опытные воины, они не могли не обратить внимание на особенность фортификации древнего города, когда дозорный путь был расположен на стене со сводами и контрфорсами, прилегающими к самой крепостной стене. Удивительно, но стены городского собора Агда, с его зубчатым парапетом, удивительно напоминают этот фрагмент крепостных стен средневековой Антиохии. Мы видим те же архитектурные формы: полукруглые своды, обрамляющие неглубокие ниши, расположенные в центре, и секции стены, расчлененные прямоугольными контрфорсами. Кажется, что достаточно «добавить» дозорный путь в толщине арок или на их стыке к стенам собора в Агде, чтобы получить точную копию участка крепостной стены древней Антиохии (т.е. галерею с машикули).

Другим памятником средневековья, также наглядно отображающим подобное сродство архитектуры юга Франции и Сирии, является церковь Кастельно-Пегероль (Castelnau-Pégarolles), распо-

¹ См. описание византийской системы фортификации в работе Ch. Diehl: *Manuel d'art byzantine*, 182–185.

женная на гранитной платформе Левезу (Levezou) в окрестностях Мийо (кантон Сен-Бозели) по соседству с Нижним Лангедоком (Bas-Languedoc). Это очень небольшая, почти не известная широкому кругу специалистов приходская церковь, имеющая очень интересный и необычный внешний вид¹ (рис. 2.22). Внушительные полукруглые разгрузочные арки, профилируя плоскость стены, соединяют между собой мощные контрфорсы и создают впечатление целостности основания церкви, из которого словно вырастает башня-донжон. Таким образом, вся арматура разгружает стены боковых нефов и апсиды, соединяя в единый комплекс различные части церковного здания, придавая ему в целом весьма массивный и грозный (фортификационный) вид.

Рис. 2.22. Церковь Кастьельно-Пегероль (Castelnau-Pegayrolles) XII в.

Перед нашим взором возникает почти полная аналогия крепостных стен Антиохии, правда, с недостающим дозорным путем, — вот впечатление, которое производит внешний вид церкви Кастьельно-Пегероль. Сегодня сложно сказать с достаточной степенью достоверности, думал ли архитектор только о том, чтобы обеспечить контрфорсами, профилированными аркадами прочность здания, создавая структурный свод, гася таким образом его распор на стены, или он параллельно готовил церковь к возможной обороне против неожиданных нападений. Однако мы достаточно ясно можем разглядеть всю пользу, которая извлекается из всей структуры конструкции церковного здания, если возвести галерею на вершине стен и непрерывного ряда контрфорсов (проделав отверстия в сводах аркады для бойниц) и таким образом усилить фортификационное начало всего сооружения. Все здание в целом имеет довольно архаичный «топорный» вид и общепринято датируется XII столетием

¹ См.: A. Angle: L'église Saint-Michel de Castelnau-Levezon (Bull. Monum. Vol. 77), 1913. P. 231–239.

(согласно надписи на плите портала над дверным проемом с южной стороны). Из текста этой же надписи на каменной плите мы можем узнать и имя архитектора этой оригинальной церкви — Жан Ингобар (Jean Ingobard) из Прованса. В любом случае церковь Каастельно-Пегероль можно датировать не позднее второй половины XII в., причем появление ее, скорее всего, не может быть датировано ранее возведения собора в Агде и церкви Св. Викентия (Saint-Vincent) в Нижнем Каркассоне, где также можно встретить систему разгрузочных арок между внешними контрфорсами (несущими на себе дозорный путь и защищающими окна). Однако вполне вероятно, что конструкция плоских контрфорсов, соединенных арками на боковых плоскостях стен церкви, изначально могла быть установлена жителями Прованса еще до 1000 г., с чисто функциональной целью — сцепления каменной кладки (не для сдерживания натиска нападающих)¹.

Вообще значительная часть исследователей склоняется к версии о том, что тип непрерывных машикули, опирающихся на расширенные вверху контрфорсы, был основан в Сирии (во времена Крестовых походов) путем творческой доработки старинных конструктивных элементов и особенностей ирано-сирийских крепостей византийскими, а затем и арабскими зодчими. По крайней мере, такой тип машикули точно не встречается в крепостях древнеперсидского типа, которые были достаточно хорошо исследованы и описаны благодаря трудам М. Дьелафуа (M. Dieulafoy). Согласно его мнению, подобные конструктивные формы мы можем достаточно часто обнаружить в Испании среди старинных мусульманских фортификационных сооружений Толедо, Авилы и Сеговии. Интересно отметить тот факт, что О. Шуази в своей «Истории архитектуры» не разделяет эту версию проникновения сирийских фортификационных элементов через посредство испанских арабов². Подобные сомнения высказывали и другие исследователи средневековой архитектуры. Например, Ж.-А. Брюталь (J.-A. Brutails) в своем исследовании романской архитектуры Каталонии отмечает тот факт, что Се д'Юржелль (Sau d'Urdell) была построена лангобардами (Lombards), а отнюдь не арабами, из чего делает вывод о необоснованности гипотезы «арабо-испанского заимствования»³. Скорее всего, путь проникновения «сирийского влияния» на архитектуру Прованса, Лангедока, Каталонии и региона Пиренеев был иным. Еще Э. Виоле-ле-Дюк в своем

¹ См.: Labande: Etudes d'histoire et d'archeologie, p. 37–38.

² См.: Шуази О. История архитектуры: в 2 т. М.: Изд. В. Шевчук, 2005. Т. 2. С. 225–227.

³ См.: J.-A. Brutails: Ou s'est constituee l'architecture romane, dans l'institute d'estudis Catalans, 1915–1919.

«Словаре» отмечал важную роль жителей Прованса и Лангедока как «...естественного посредника между Францией и крестоносцами, обосновавшимися в Сирии»¹.

Собранные сегодня многочисленные факты, кажется, вполне подтверждают это мнение Виоле-ле-Дюка. Выше мы видели примеры совпадения дат сооружения основных окситанских *eglises-fortifiées* в Провансе и Лангедоке с датами более старинных памятников, возведенных участниками крестовых походов (среди которых мы встречаем появление машикули между контрфорсами). Таковой является, например, наружная крепостная стена Кастель-Блан или Бордж-Сафита (*Chastel-Blanc* or *Bordj-Safita*). В пользу именно этой гипотезы говорит хотя бы тот факт, что во времена крестовых походов резко возросли тесные экономические связи — товарооборот и межкультурные контакты между Востоком и городами Юга. Именно во второй половине XII столетия средиземноморские порты Франции и Каталонии приобретают стратегически важное значение, отмечая у себя прямо-таки наплыв торговцев и маклеров (христиан, евреев, мусульман) со всех известных тогда концов света, особенно с Востока. Еврейский торговец и путешественник Бенджамин де Тудель (*Benjamin de Tudele*) где-то около 1170 г. пишет следующее: «Монпелье — это благополучное для торговли место, куда толпами приезжали спекулировать христиане и сарацины, западные арабы, торговцы из Ломбардии, Рима, со всех концов Египта, земель Израиля, Греции, Галлии, Испании, Англии, Генуи, Пизы и говорящие на всех языках»². Все эти торгово-коммерческие и межкультурные связи, естественно, вносили изменения в тогдашние научные знания, искусство и культуру, причем первыми это смогли ощутить и применить жители провинций средиземноморского побережья Окситании. Талант западноевропейских (прежде всего французских) зодчих выразился в умении раскрывать базовые конструктивные принципы и творчески комбинировать различные элементы достаточно сложной фортификационной архитектуры, явленной им богатым римско-византийскими традициями мусульманским Востоком. Завоевание Святой земли (Сирии и Палестины) крестоносцами в конце XI в. послужило мощным толчком к развитию фортификационного искусства на Западе. С самых первых дней своего пребывания на Востоке сравнительно малочисленные завоеватели столкнулись с необходимостью в кратчайший срок укреп-

¹ См.: E. Viollet-le-Duc: *Dict.*, t. 7, p. 417.

² Цит. по: A. Luchaire: *Hist. de France de Lavisse*, t. III, I, p. 399.; О торговой роли Монпелье см: *Germen: Histoire du commerce de Montpellier...* 1861, t. 2, 8; См. также: Schaure: *Handelsgeschichte der romanischen Volker des Mittelmeergebietes bis zum Ende der Kreuzzuge*, 1906, 8, p. 552–371, 581.

питься в гористой и пустынной стране, откуда опасный и сильный противник неустанно стремился сбросить их в море. На протяжении почти двух столетий своего владения Святой землей (1099—1291 гг.) крестоносцы вели заранее обреченную на поражение борьбу, судорожно цепляясь за каждый клочок своих завоеваний. В этой суровой борьбе «Запада с Востоком», «креста с полумесяцем» решающим стратегическим фактором была малочисленность завоевателей — франков. Это в основном и определило и необходимость создания и развития архитектурного типа замка-цитадели (монастырь-цитадель, церковь-цитадель), и стратегические, композиционные и конструктивные особенности сооружений подобного типа. Наибольших успехов в развитии фортификационного искусства Латинского Востока и Европы XII в., безусловно, достигли архитекторы военно-монашеских рыцарских орденов тамплиеров (храмовников) и госпитальеров (иоаннитов).

Известно, что самое первое крепостное сооружение тамплиеров в Сирии — замок Сафет-Кастель-Блан (Safita du Chastel-Blanc), имеющее в плане форму эллипса, концентрированного вокруг доминирующего над местностью донжона, датируется именно серединой XII в.¹ Именно в этом прямоугольном донжоне, сооруженном в западноевропейском стиле (доминанта которого и формирует весь фортификационный ансамбль замка), располагалась укрытая от нападений романская часовня. Замок Сафет (Safita), известный также как «Кастель-Блан» (Chastel-Blanc), находится в западной части Сирии, представляя собой крепость в проходе между средиземноморским Левантом и внутренней частью страны (так называемом Хомском коридоре). Стратегическое значение замка возросло в эпоху крестовых походов, поскольку именно здесь проходило укрепленное пограничье между христианским графством Триполи (сюзереном которого являлся Раймонд IV Сен-Жиль граф Тулузский) и мусульманскими эмиратами Хамы и Хомса (рис. 2.23).

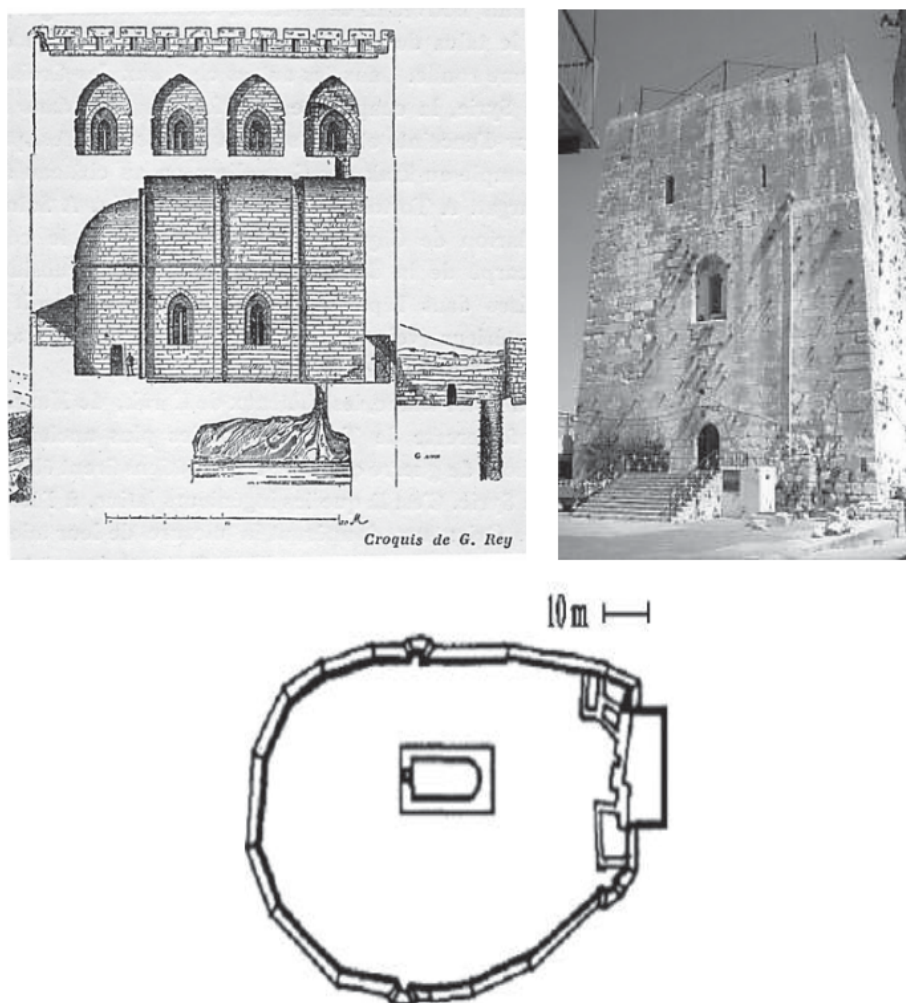
Замок возвышается на вершине базальтовой скалы Джабал Нусайри на высоте около 400 м над уровнем моря. Севернее Сафет находился гористый регион, населенный мусульманами исмаилитами, которые сохраняли свою автономию при условии уплаты крестоносцам немалой дани золотом и зерном. Для контроля над этими территориями, для сбора дани в 1132 г. и был выстроен замок. В христианских хрониках он фигурирует под названием «Chastel Blanc», или «Castrum Album», что, по всей вероятности, является переводом средневекового греческого «Argyrokastron» («Белый Замок»). Современное его название является сокращением от арабского «Burdj

---

¹ С этой датировкой согласны, в частности: G. Rey, *ouv. cit.*, p. 85–92 и Dieulafoy, *art. cit.* *Mem. de l'Acad. Des Inscript. et Bibl.-Lettres*, t. 36, 1898.

Safitha» («Белая Башня»). Первоначально укрепления имели форму эллипса и охватывали вершину холма по периметру. Стены были сложены из массивных каменных блоков и включали четырехугольные бастионы наподобие укреплений Тартуса или Атлита. С наружной стороны укреплений в середине XIII в. был воздвигнут гласис и вырублен в скале 15-метровый ров. За первой линией обороны была устроена вторая. Чтобы проникнуть внутрь замка, противнику приходилось прокладывать себе путь через четверо ворот, каждые из которых были укреплены башнями. Сердцем обороны являлся 28-метровый донжон, который представлял собой массивную башню прямоугольной формы. Вокруг башни находились вспомогательные хозяйственные постройки, которые представляли собой жилища рыцарей и конюшни. Гарнизон замка насчитывал 50 рыцарей, а в лучшие времена здесь находилось до 700 воинов. По воспоминаниям современников, в замке жило также множество ремесленников, мастеров самых различных специальностей. В 1170 г. после мощного землетрясения замок был серьезно поврежден, а на следующий год ограблен войсками Нур-ад-Дина (Нуреддин), который на короткое время захватил замок, но не сумел его удержать. Сафет вновь перешел в руки крестоносцев. Поскольку восстановление разрушенных укреплений требовало огромных материальных затрат, граф Триполи передал замок Ордену Тамплиеров, которые и провели масштабную реконструкцию замка, восстановив внешний пояс укреплений. Однако после землетрясения 1201 г. рухнувшие стены замка пришлось восстанавливать заново. В 1270 г. султан Бейбарс начал методичное уничтожение крепостей крестоносцев в северной Сирии, и в 1271 г. Сафет-Кастель-Блан вновь подвергся осаде. После короткого и отчаянного сопротивления замок был сдан, а уцелевшие защитники замка ушли в Тартус (Тортозу). Вход в башню находится с восточной стороны. Общая высота башни — 27 метров, размеры основания 30×18 метров, толщина стен — 3 метра. Внутри башня состоит из трех уровней. На первом этаже находится часовня св. Михаила. Ее стены поднимаются на 17 метров в высоту и завершаются романским бочкообразным сводом. В восточной части зала находится полукруглая апсида и алтарь. Интересно, что наружная сторона башни плоская, а ниша апсиды оказывается полностью утопленной в толще стен. Шесть узких окон, освещающих алтарь, больше походят на бойницы. Света, который проходит через них, хватает лишь на то, чтобы ослабить царящий в зале сумрак. В центре зала находится отверстие цистерны, вырубленной в скале под самой башней. В юго-западном углу часовни устроена лестница, которая ведет на верхний этаж. Высота зала здесь почти в полтора раза ниже первого. Свод зала поддерживается тремя парами колонн, а само помещение оказывается разделено на неф и две пристройки. При тамплиерах здесь находился зал совета *palatium*.

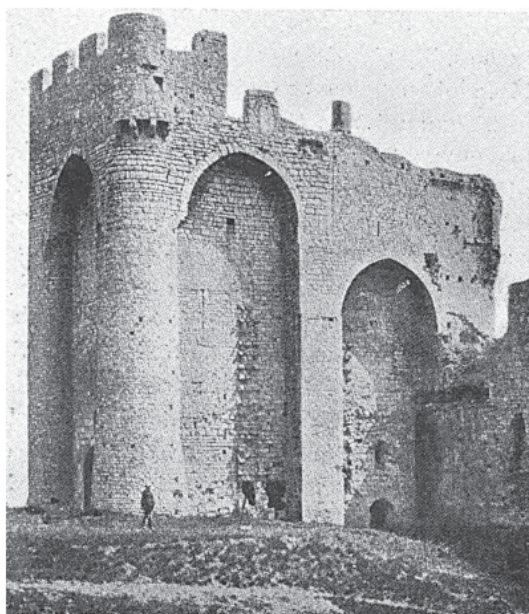

Рис. 2.23. Донжон и часовня (Chapelle-donjon) замка крестоносцев Кастель-Блан в Сирии (Safita ou Chastel-Blanc, Syrie), втор. пол. XII в.

Как и в других принадлежавших Ордену постройках, в зале отсутствуют какие-либо элементы архитектурного декора. Лестница в западной части стены ведет отсюда на открытую верхнюю площадку башни. Парапет выполнен в виде зубцов с прорезанными в них бойницами для лучников. На верхней площадке башни постоянно несла службу стража. Отсюда глазам открывался панорамный вид на окружающую местность. Ночью посредством световых сигналов, а днем при помощи дыма обитатели замка могли связываться с соседними гарнизонами Крак-де-Шевалье и Арейхема. Самое интересное состоит в том, что сегодня Часовня в башне остается действующей и в настоящее время принадлежит Греческой православной церкви. Похожая схема расположения встречается в замковой часовне и общем плане построения фортификационной композиции всего замка Крюа в Ардеш (Cruas-Ardeche), которую можно, без сомнения, справедливо сравнить с часовней замка тамплиеров Кастель-Блан (Сирия) (рис. 2.24). Своими внешними формами укрепленная ча-

совня в Крюа-Ардеш представляет собой точно такой же массивный и высокий прямоугольный донжон, как и Кастель-Блан, у которого, впрочем, появляются новые фортификационные элементы, такие как угловая вышка-башенка (бартизан) и откос основания на контрфорсе угла закругленной формы¹. Другие Сирийские замки крестоносцев тоже иногда имели часовни, спрятанные (заложённые) в толщу крепостной стены, следствием чего являлось малое количество оконных проемов и слабое освещение культового интерьера. Согласно такой схеме, в частности, были сооружены укрепленные часовни замков госпитальеров Крак-де-Шевалье (Krac des Chevaliers) и Маргат (chateau de Margat).

Phot. Monuments, hist.

Рис. 2.24. Укрепленная часовня (Chapelle-fortifiée) в замке (du chateau) Крюа в Ардеш (Cruas, Ardeche), XII–XIII вв.

На территории Европы подобные новшества появляются несколько позднее. Так, на землях Лангедока мы также встречаем подобную планировку крепостной часовни, в частности, в цитадели Каркассона, возведенной уже при «Короле-крестоносце» Людовике IX Святом в XIII в. (рис. 2.25).

¹ Скошенное основание также можно встретить у некоторых романских крепостных башен Галлии: см. в работах М. А. Blanchet: pl. XI башня Магдалена (Magdeleine) крепости Ман (du Mans), pl. XIII, 4 башня крепости Дакс (Dax).

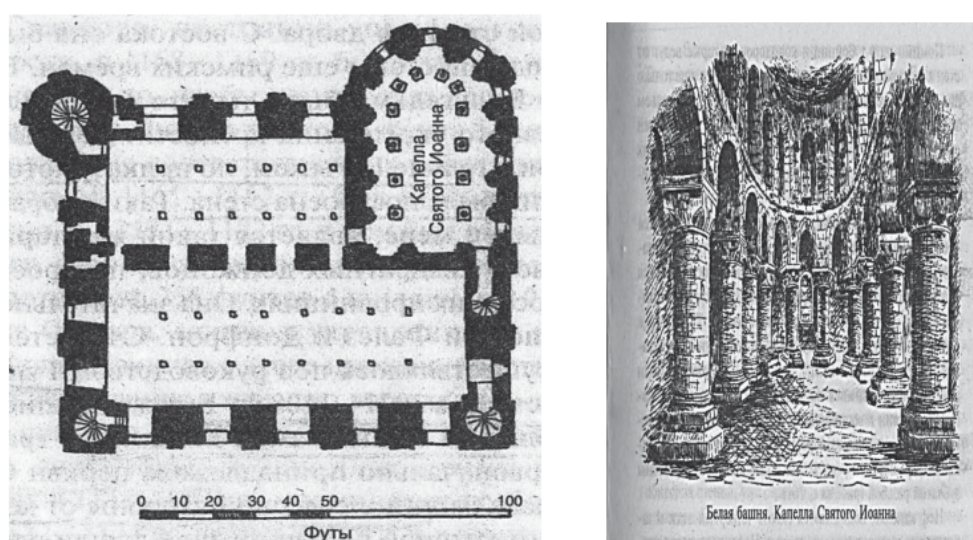

Рис. 2.25. Часовня, встроенная в куртину цитадели Каркассона XIII в.
(фото автора 2011 г.)

Аналогичную планировку, сочетающую фортификационные и культовые сооружения, можно также встретить и на территории Британии. Наглядным примером подобного композиционного решения является Лондонская «Белая башня», возведенная по приказу короля Вильгельма II Рыжего в 1077–1108 гг. Гундульфом, епископом Рочестера. Епископу Гундульфу также приписывается возведение большой башни замка Моллинг в графстве Кент (принадлежащей церкви св. Леонарда) и башни северной стороны хоров собора в Рочестере¹. Сегодня «Белая башня» имеет высоту 27 м и площадь основания: 35,5 м с востока на запад и 32 м с севера на юг. Башня имеет четыре уровня и целиком сложена из бутового камня, за исключением пилястров-контрфорсов, окон и основания, которые выложены из тесанного камня. На юго-восточном участке башни-донжона имеется еще одна квадратная башенка, однако южная стена не является угловой, а образует полукруглый выступ и смыкается с восточной. Здесь два верхних этажа башни образуют апсиду капеллы св. Иоанна с круглой галереей обхода. Фасады «Белой башни» и апсиды укреплены через равные промежутки прямыми контрфорсами, один ряд которых доходит до уровня пола верхнего этажа, а другой достигает крыши. Окна нефа капеллы, на третьем этаже, немного шире, чем остальные окна — бойницы донжона. Окна четвертого этажа самые широкие, а два из них в южной стороне, двойные. Толщина стен в основании достигает 4,5 м, а стены верхнего этажа имеют тол-

¹ Подробнее об этом см.: Томпсон А. Гамильтон. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. — 414 с. С. 158.

щину от 3 до 3,3 м. Третий этаж служит нижним этажом капеллы и ее нефа (крытой галереей), которая отделена от нефа простыми полукруглыми арками, опирающимися на цилиндрические колонны. Капители колонн в восточной части украшены декоративными значками в форме буквы Т, но не имеют никакой иной каменной резьбы. Неф капеллы поднимается сквозь четвертый этаж и перекрыт крестовыми сводами, а галерея над ним завершается цилиндрическим сводом. Нижний этаж капеллы соединялся с северо-восточным залом дверным проемом в поперечной стене. Внушительные размеры «Белой башни» и ее капеллы говорят нам о том, что башня-донжон должна была служить приютом королевской семьи во время опасности.

Рис. 2.26. План третьего этажа аркада романской капеллы св. Иоанна «Белой башни» Лондонского Тауэра

Вообще стоит отметить тот факт, что сооружению церквей внутри замков уделялось повышенное внимание, поскольку вся жизнь средневекового общества была пропитана христианским духом. В некоторых случаях церкви, построенные во дворах, являлись первыми каменными строениями внутри ограды замка. Так, небольшая капелла замка Ричмонд, расположенная в башне на восточной стене, была возведена по приказу Алена Бретонского («Алена Рыжего») примерно в 1085 г. как дар аббатству Святой Девы Марии в Йорке. Интерьер капеллы был выполнен в аскетичном стиле: простая аркада, опорами которой служили колонны, украшенные лишь грубыми волютами без абак. Аналогичным аскетизмом отличалась также круглая церковь Святой Марии Магдалины замка Ладлоу, сооружение которой датируется, скорее всего, XII столетием. На это указывает арка, отделяющая пространство церкви от прямоугольной алтарной части, оканчивающейся половиной восьмиугольника (ок-

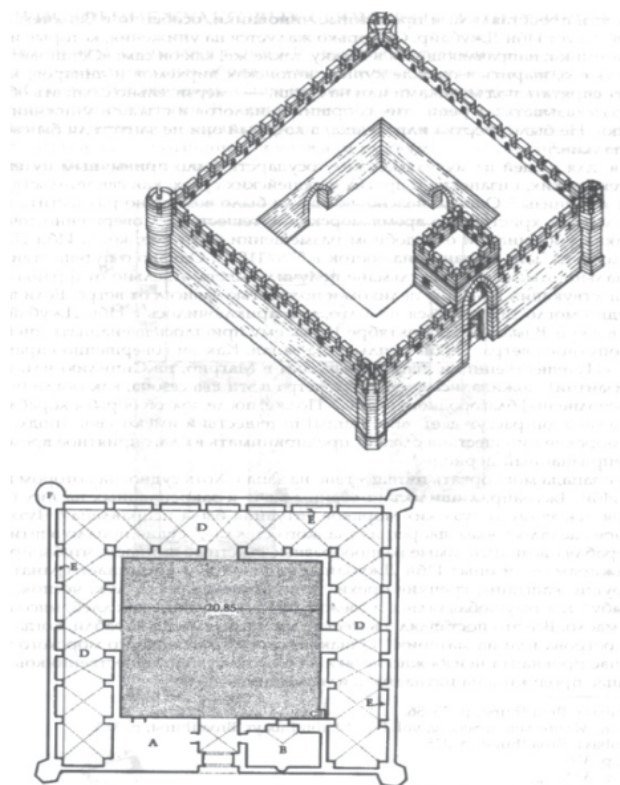
тагона). Справедливости ради стоит отметить, что далеко не все замковые церкви отличались аскетизмом. Весьма часто крепостные церкви были богато украшены, как, например, в Гастингсе, Бриджнорте и Лестере (Англия), а их капитулы составляли королевские священники, не входившие в юрисдикцию местных епископов¹.

Итак, мы можем констатировать, что планировка интерьеров укрепленных часовен, встроенных в толщу крепостных замковых стен, была весьма разнообразна, поскольку строго установленная единая схема планировки отсутствовала. Некоторые замковые укрепленные часовни не имели апсиды, например, часовня замка Тортоза (Tortose), а некоторые, как, например, часовня замка Сен-Илларион-де-Кипр (Saint-Hilarion de Chypre), возведенная на обрывистой стороне второго крепостного пояса в толще стен, имела целых три апсиды. Сегодня наиболее старыми и наиболее типическими фортификационными сооружениями крестоносцев в Сирии принято считать замки: Кастель-Блан (Chastel-Blanc), Керак (de Karak), Маргат (de Margat), крепость Тортоза (de Tortose), поскольку именно в этих сооружениях в полной мере проявился «франкский» инженерный гений, который освоил и превзошел своих восточных учителей (византийцев и мусульман). Поставленные в силу необходимости перед проблемой контроля значительных территорий относительно небольшими отрядами, «франкские» архитекторы (и прежде всего, конечно, военно-монашеские рыцарские ордена) вынуждены были искать и применять наиболее эффективные системы защиты в своих фортификационных и культовых сооружениях. Благо франкам было с кого и с чего брать пример, совершенствуя свои строительные навыки. Задолго до появления крестоносцев в Палестине и Сирии уже было построено сравнительно много крепостей, и прежде всего, конечно, римско-византийских (особенно в прибрежных городах). Все эти укрепления во многом сохранили особенности римско-византийской фортификации, в частности, прямоугольные очертания античных планировок (хотя ими давно владели мусульмане). Практически можно сказать, что со времени эпохи завоеваний Юстиниана I Великого формы византийских крепостей (мусульманских «рибатов») эволюционировали крайне медленно. Так, например, Лемза, Тобна (Северная Африка) и другие крепости XI в. практически все еще буквально воспроизводили схему римского укрепленного лагеря: прямоугольник стен, снабженный по углам сравнительно невысокими прямоугольными же башнями. Иногда

---

¹ См.: А. Гамильтон Томпсон. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: Центрполиграф, 2011. С. 145–147.

участки стен дополнялись башнями-выступами в середине каждой из крепостных сторон (доводя число башен до 8) (рис. 2.27).

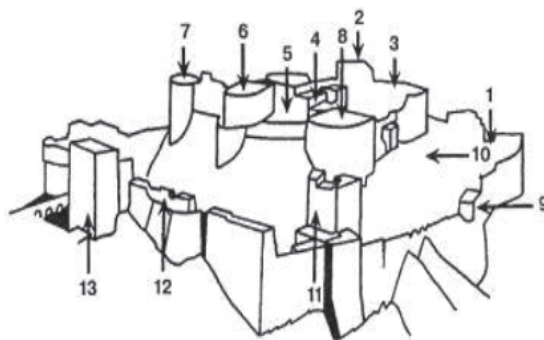
Рис. 2.27. Типичный мусульманский форт, почтовая станция и караван-сарай (риббат) Хан аль Инкират 1371/773–1372/774 гг. Сирия

Сами башни византийско-мусульманского типа незначительно возвышались над куртинами (стенами), конструктивными элементами которых они, в сущности, и являлись. Нередко в пределах стен крепости имелась цитадель, повторяющая прямоугольные очертания внешних куртин, с прямоугольными же башнями. Первоначально франки существенно не меняли планировку мусульманских и византийских укреплений, сохранив крепости Мараш Арима, Жибле, Бонзай, Саон (последние два были в свое время перестроены Иоанном Цимисхием (969—976 гг.)). Видимо, по этой причине многие из ранних замков, построенных крестоносцами, особенно на юге Святой земли, также мало чем отличаются от византийского типа. Причем это справедливо относится не только к городским крепостям, но и к горным замкам крестоносцев, таким как Шастель-Руж и Бельвуар (оба расположены близ Тивериадского озера). Хотя справедливости ради стоит отметить, что в планировке замка Бельвуар, построенном Фульком Анжуйским в 1140 г. на высоте 500 м, уже можно проследить начало крепости нового типа: в пределах стен (120×160 м) обнаружены остатки сооружения, напоминающего донжон. С трех сторон замка в скале выдолблен ров глубиной в 20 м.

В замке Шастель-Руж, построенном недалеко от Тартуса (Тортозы) в первой половине XII столетия, уже выделен мощный прямоугольный донжон, окруженный куртиной с прямоугольными башнями. На первом этапе, таким образом, можно констатировать, что там, где франки сохраняли византийско-мусульманскую планировку, они вынуждены были усиливать замок, вводя в систему обороны новый элемент — донжон. Естественно, что первое время, в соответствии с западноевропейской традицией, донжон располагался в центре укрепления¹.

Наиболее совершенным сооружением подобного типа принято считать, безусловно, замок госпитальеров Крак-де-Шевалье (Krak-des-Chevaliers), воплотивший в себя всю тогдашнюю фортификационную науку Востока в творческой интерпретации латинского гения (рис. 2.28).

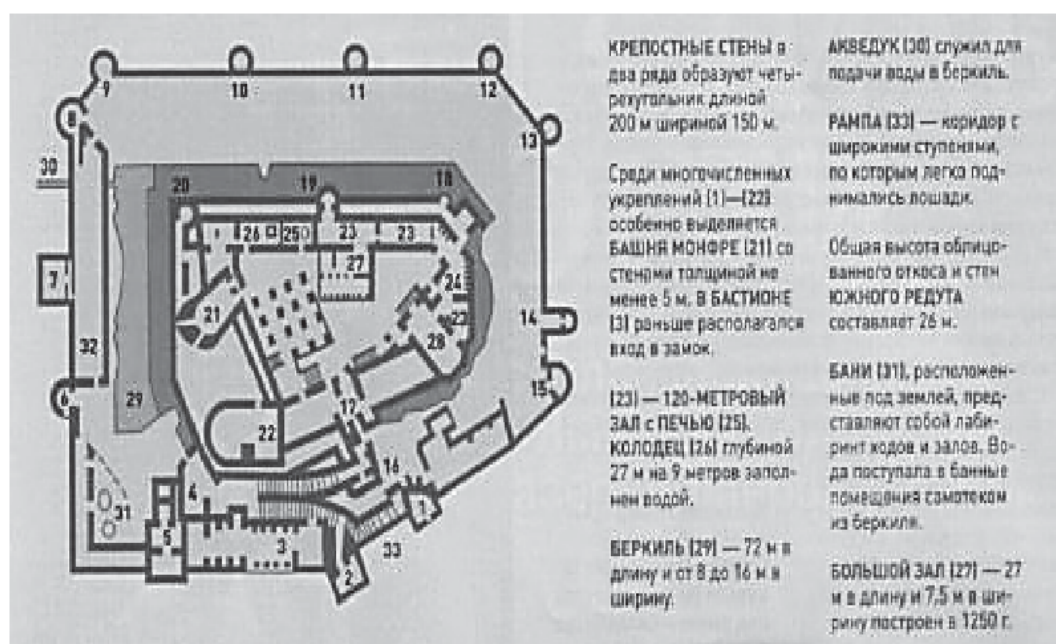
Рис. 2.28. Крак-де-Шевалье (Krak des Chevaliers):

1 — Барбакан; 2 — Северная башня; 3 — Часовня; 4 — Главный зал; 5 — Продовольственные склады; 6 — Южная башня; 7 — Северо-западная башня; 8 — Северо-восточная башня; 9 — Нижние ворота; 10 — Верхние ворота; 11 — Выступ; 12 — Конюшни; 13 — Прямоугольная башня

Его стратегическое положение было особенно важным, поскольку он находился на изолированной вершине в северной части равнин Боке и контролировал район между двумя сильными городами Хомс и Хама, а также Хомский проезд, связывающий эту равнину, на севере которой Тортоса, а на юге Триполи, с долиной Оронта. Первоначально передовым постом на этом пути была крепость Монферран, переходившая из рук в руки во время крестовых походов, в конце концов, она осталась за арабами и была снесена ими в 1238—1239 гг. Напротив Крака был возведен замок более скромных размеров Аккар, служивший передаточным пунктом и входивший в систему обороны, усиленной с востока укреплениями Архас и Арима,

¹ См.: G. Rey: «Etude sur les monuments de l'architecture militaire des Croisés en Syrie et dans l'île de Chypre». 1871.

охранявшимися тамплиерами. Рядом были построены еще два сильных замка Шастель-Руж и Шастель-Блан (Сафет), последний из которых был также в руках тамплиеров. Таким образом, могущество франков в Святой земле покоилось на каменных массах, а их явная малочисленность компенсировалась за счет стен и башен, которые обеспечивали, по крайней мере, стратегическое превосходство и позволяли выдерживать тяжелые осады. Долгое время развитие фортификационного искусства объясняли мусульманским влиянием, и в истории искусства распространенным было утверждение, что военная архитектура на Западе есть плод «арабского или византийского» происхождения, поскольку она появилась в результате Крестовых походов. Первым историком и археологом, кто позволил себе усомниться в этом, был Т.Е. Лоуренс («Лоуренс Аравийский»). Сейчас многие ученые признали справедливость его суждений и отдали должное крестоносцам за внедрение на Востоке системы обороны, которую они под давлением обстоятельств постоянно совершенствовали. Замок Крак-де-Шевалье окружали две концентрические стены, трапециевидные в плане и охватывающие пространство в два с половиной гектара (рис. 2.29).

Рис. 2.29. План замка Крак-де-Шевалье (Krak des Chevaliers)

Пять круглых башен в первой стене и четыре во второй с запада, а с восточной, менее доступной стороны, простые выступы обеспечивали оборону, и по стенам, за их зубцами, шла хорошо выложенная камнями дозорная дорожка. В общем, здесь можно было содержать две тысячи бойцов, и именно такова была численность гарнизона Крака-де-Шевалье в 1212 г., не считая сельских жителей округи, ко-

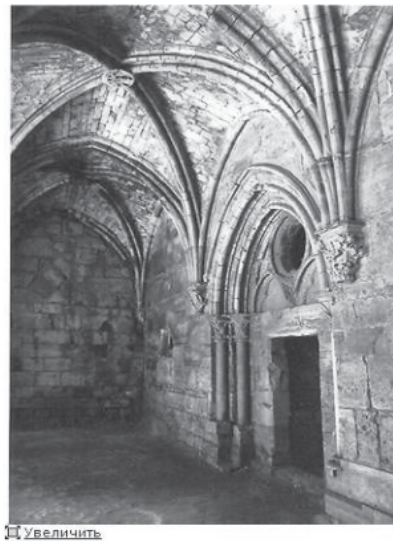
торые сбегались сюда в случае необходимости. После землетрясений в 1157 и 1170 гг. Крак-де-Шевалье был практически разрушен, и первоначальный план замка не дошел до наших дней. Работы по восстановлению замка начались в 1170 г. Ядро замка состояло из огромной треугольной галереи длиной 270 м и шириной 9 м. В ней жили братья Госпитальеры, и она являлась укрепленной казармой, своды которой были изогнуты в виде стрельчатых арок, а по бокам были расположены пять квадратных башен. В 1170-х гг. в северо-восточной башне была построена часовня. Часовня со сводом цилиндрической формы снаружи выглядит как слепая аркатура, отражая архитектурный религиозный стиль в средиземноморской Европе того времени (Лангедок и Прованс), и похожа на другие религиозные постройки крестоносцев. Весь центральный двор сооружения отведен под амбар, в котором, по словам современников, можно было хранить количество провизии, достаточное для 5 лет автономной жизни гарнизона крепости. Шестая башня, «башня для туалета», была построена на северо-западе крепости к 1190 г. В ней было расположено 12 «отхожих мест», и она соединялась со спальней братьев. Башня позволяла обеспечивать необходимые санитарные условия внутри замка на время длительной осады. Особое историческое значение этой башне придает тот факт, что в ней в одной из первых среди строений европейцев были сооружены машикули (галереи с навесными бойницами). Кроме того, башня скрывала потайной ход, который позволял защитникам замка неожиданно нападать на осаждающих с тыла. Сооружение второй крепостной стены началось в конце XII века. В 1202 г., после очередного землетрясения, Крак-де-Шевалье снова укрепляется, однако уже не столько против атак мусульман, сколько против землетрясений. Таким образом, на южной и западной сторонах крепости создается гласис, скат. Он выполнял две основные функции: во-первых, он защищал внутреннюю стену от землетрясений, а во-вторых, в нем были проделаны бойницы для лучников. В это же время южная сторона замка претерпевает существенные изменения. Квадратные башни заменяют двумя круглыми башнями, а третья в форме головы сооружается в центре крепостной стены. Западная башня также закругляется. Пространство между внутренней и внешней стеной. В это же время внутренний двор также перестраивается, а с восточной стороны появляется дополнительная пристройка.

В 1250 г. Король Франции Людовик IX прибыл в Святую землю и возглавил отряды франков. Вместе с ним прибыли архитекторы, которые стали помогать франкам строить укрепления. Возможно, именно с их помощью была построена вторая крепостная стена замка. Она была высотой в 9 м и расположена на расстоянии от 17 до 25 м от основной стены и защищена 12 круглыми башнями согласно

канонам военной европейской архитектуры того времени. Стена была расположена ниже уровня центральных укреплений, что позволяло защитникам вести огонь одновременно с двух позиций. Попасть в пространство между двумя стенами можно было лишь через один вход на востоке. Чтобы попасть внутрь, необходимо было подняться по узкому лестничному маршу и несколько раз повернуть в тесном коридоре. Все эти предосторожности должны были задерживать нападавших и делали невозможным использование тарана против центральных укреплений замка. Дормиторий (спальные покои) рыцарей, вероятно, также принадлежит этой эпохе. Он прислонен к одному из сооружений внутреннего двора и очень похож на монастыри Иль-Де-Франс (фр. d'Ile-de-France), что указывает на то, что монастырь был построен архитекторами Людовика IX. На южной стороне внешней стены также расположены конюшни. В большинстве помещений для людей и в конюшнях Крака, как и во всех других аналогичных постройках на Востоке и Западе, сделаны колодцы и цистерны, но о запасах воды приходилось больше заботиться, естественно, на Востоке, поэтому здесь многие колодцы 27-метровой глубины и их верхние закраины хранят еще глубоко прорезанные следы веревок, служивших для поднятия воды. Девять больших цистерн для сбора дождевой воды, стекавшей с крыш, откуда вода поступала в огромный, выложенный камнем бассейн (72 м в длину и от 8 до 16 м в ширину), служивший водопоем и местом купания людей. То, что осталось от «Замка рыцарей» достаточно хорошо изученного Полем Дешаном и производит сильное впечатление. Хорошо сохранились стены, нетронутыми остались церковная капелла, большой зал и часть погребов, которые и дают нам представление о всем комплексе построек (рис. 3.2.18). В ветряных мельницах замка мололи не только хлеб, но и сахарный тростник, ибо сахар с XII в. стал на Востоке использоваться в пищу. Печь и давяльня обеспечивали пищу и питье, тогда как система стока выводила наружу содержимое найденных двенадцати «отхожих мест». Галерея и Большой зал Крака-де-Шевалье (длиной в 120 м) очень похож на залы капитулов цистерцианских монастырей, его двери и оконные отверстия выходили на крытую галерею, где летом под защитой толстых стен было прохладно и приятно (рис. 2.30).

Капелла, в три пролета с раннеготическими сводами, и комната Великого магистра (в юго-западной башне второй стены) с их стрельчатыми тонкими колоннами поражают красотой французской ранней готики. Все это просто, строго, лаконично и напоминает строительную манеру окситанских мастеров. Именно в этом большом зале замка Крак-де-Шевалье археолог Поль Дешан открыл надпись на латыни, муляж которой, как и макет самой крепости, хранится во Франции в Музее французских памятников:

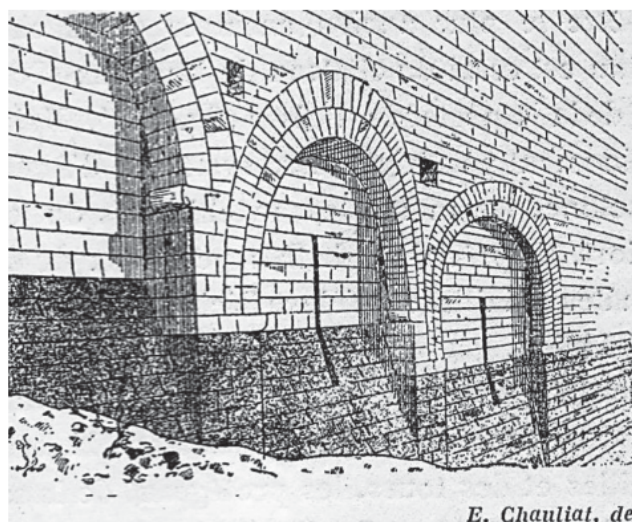
Рис. 2.30. Галерея Большого зала и капелла Крак-де Шевалье (современный вид)

*«Sin tibi copia, sit sapientia formaque detur
Inquinat omnia sola superbia, si conitetr.»*

*«Тебе богатство, мудрость, также красота,
Но только берегись все развращающей гордыни.»*

Естественно предположить, что найденные и отработанные на Латинском Востоке архитектурные формы и принципы, перенесенные затем в Европу, не могли не оказать существенное влияние на развитие культовой и фортификационной архитектуры вообще и архитектуры *eglises fortifiées*, в частности. Какой-либо иной серьезной причины объяснить появившиеся вдруг во Франции архитектурно-строительные концепции, давшие серьезные преимущества новым фортификационным постройкам перед другими современными им сооружениями, найти крайне затруднительно. Одними

из первых сооружений, снабженных системой непрерывных машикули, сегодня принято считать: соборы в Агде (d'Agde) и Магелоне (d'Maguelone), замок Люше (Lucieux) на Сомме (Somme), рядом с так называемыми воротами дю Буа (porte du Bois), машикули донжона Ниор (de Niort) и донжона замка Шато-Гайяр (Chateau-Gaillard). Кстати интересно отметить, что замок Шато-Гайяр, расположенный на берегу Сены, был возведен Ричардом I Львиное Сердце почти сразу после возвращения короля из Святой земли в 1197–1198 гг.¹ Поскольку верхняя часть башни замка Шато-Гайяр не сохранилась до наших дней, сегодня трудно восстановить расположение ее внутренних помещений (рис. 2.31).

Рис. 2.31. Фрагмент стены с непрерывным рядом машикули замка Люше (Lucieux) на Сомме (Somme), XII в.

Одно можно констатировать совершенно точно: для обороны башен замка Ричардом Львиное Сердце были применены инженерные сооружения, не характерные для Европы того времени, но которые стали широко применяться позже. Мы видим, что часть башни со стороны двора снабжена контрфорсами, сужающимися книзу и постепенно расширяющимися вверх. Расположенные таким образом, они делят стены башни на несколько ниш, соединенных между собой несколькими арками. Верхние части арок при этом поддерживают парапет. Верхняя часть каждой ниши между парапетом и стеной остается при этом открытой, что позволяло защитникам Шато-Гайяр использовать это пространство для применения метательного оружия (стрел, камней, кипятка и пр.) против атакующих снизу. Эти открытые пространства, представляющие собой как бы дополнительные вырезы в парапете башни или куртины (стены),

¹ См. исследование: M. Albert Mersier. «Hourds et machicoulis» в альманахе Bull. Monum., vol. 82, 1923, p. 117–129.

собственно и получили название навесных бойниц — «машикули» (от фр. machicoulis).

Еще одним прямым следствием крестовых походов можно считать начало возведения откосов внизу каменной кладки, которые утолщали основание стен (куртин) и башен, укрепляя и защищая их от возможных подкопов. Подобный фортификационный элемент активной защиты мы встречаем уже в соборе Агда (d'Agde), на угловых контрфорсах укрепленной часовни замка Крюа (d'Cruas), а также под машикули замков Люше (Lucieux) и Шато-Гайяр (Chateau-Gaillard). Кстати, в этот же период времени подобные откосы практически отсутствуют в замке графов Фландрских в Генте, который был возведен Филиппом Эльзасским в 1180 г. Можно предположить, что французские архитекторы (руководствуясь опытом сирийских крепостей) видели в таких откосах средство для создания неконтролируемого рикошета снарядов, попадающих на машикули или угловые башни под различными углами. Часовня замка Крюа (d'Cruas), сооруженная в XII в. монахами Крюа, позже, в XIII в., была переоборудована ими в настоящий донжон, служивший им убежищем. Интересно, что часовня замка Крюа (слегка отклоненная от углового контрфорса) имеет несколько архаичную форму, напоминающую выступающую навесную бойницу, которая защищала ворота колокольни Сен-Мартен-де-Канигу (Saint-Martin-de-Canigou). Появившиеся там (так же, как и в колокольне собора Агда) угловые башенки (бартизаны) и крестообразные бойницы для стрельбы из лука, сделанные в парапете между двумя амбразурами, только дополняют это сходство культового объекта с военным сооружением¹ (рис. 2.32).

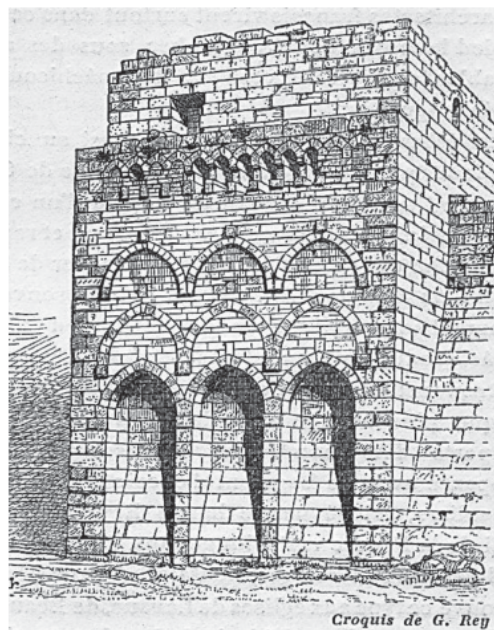
Фортификационные новации (непрерывные машикули, мерлоны с бойницами, откосы основания, угловые башенки-бартизаны), привезенные из Палестины и Сирии на юг Франции, позже в XIII—XIV вв. находят свое применение, например, при возведении крепостных стен замка Сен-Андре в Вильнев-д'Авиньон (из которого осуществлялось наблюдение за Папским замком-дворцом на противоположном берегу Роны) и Папского дворца Авиньона (palais des Papes d'Avignon)². По крайней мере, сходства фрагментов крепостной стены Крак-де-Шевалье и стены Папского замка, подмеченные еще бароном Ж. Рей,

---

¹ См.: R. Rey: Les vieilles eglises fortifies du Midi de la France. Paris, 1925, p. 110–111.

² См.: F. Dignonnet: Le Palais des Papes d'Avignon, 1907 и L. H. Labande: Guide du Congres archeol. D'Avignon, 1909, t. I., p. 52–80. С библиографией по теме.

просто поразительны¹ (рис. 3.2.22). Данный пример свидетельствует нам, что еще долгое время спустя после Великих Крестовых походов архитекторы Юга Франции остаются верными «старым схемам» моделей сирийских крепостей. Даже в XIV в. мы можем встретить сооружения подобного типа и в замках (например, Сен-Андре в Вильнев д'Авиньон) и в укрепленных церквях (eglises-fortifiees): Лавор (Lavaur), Бомонт-де-Ломань (Beaumont-de-Lomagne), соборе Ломбез (Lombez), ансамбле Епископского замка и собора Альби (donjon episcopal d'Albi), а в XV в. в Соре (Soreze) регион Тарн (Tarn).

Рис. 2.32. Башня и машикули Крак-де-Шевалье (Krak des Chevaliers)

Несмотря на такое обилие натуральных объектов данной эпохи, исследователи архитектуры Средневековья тем не менее сталкиваются с рядом сложностей. Одной из главнейших из них, в частности, является тот факт, что однозначно классифицировать по иконографическим и морфологическим признакам фортификационно-культурную архитектуру Латинского Востока довольно сложно. И этот факт отмечают значительный ряд исследователей, например Г.А. Саркисян: «Эволюция средневековой крепостной архитектуры плохо поддается принятой периодизации с делением ее на романскую и готическую эпохи. Это крайне затрудняет не только датировку по морфологическим признакам, но и анализ географической и хронологической последовательности развития идей в крепостном зодчестве» [64. С.101]. Именно поэтому нам стоит несколько задержаться и рассмотреть некоторые особенности культовой и фортифика-

¹ См.: G. Rey: «Etude sur les monuments de l'architecture militaire des Croisés en Syrie et dans l'île de Chypre». 1871.

кационной архитектуры Латинского («франкского») Востока XI—XIII вв. Соприкоснувшись с разнообразием культур и различных художественных традиций, новоприбывшие на Восток в XI столетии крестоносцы-«франки» сумели выработать свой целостный и своеобразный архитектурный стиль. Прежде всего, стоит отметить факт разнообразия каменного строительного материала, который издревле применялся на Востоке. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что уже во времена мусульманского завоевания Святой земли в VII веке большинство лесов Леванта было уже вырублено. Естественно, что в XII столетии деловую древесину можно было найти лишь в относительно небольших кедровых рощах Ливана и Бейрута (например, балки в 1184 г. для кафедрального собора были взяты именно оттуда). Вследствие этой причины в Леванте в средние века традиционным строительным материалом были известняк (который вместе с мелом также шел на изготовление известкового раствора и штукатурки), песчаник и базальт. Каменоломни обычно старались разрабатывать недалеко от места строительства, хотя часто лучшие породы камня перевозились издалека. Например, при строительстве замка Бельвуар в Галилее (1168—1187) большая часть сооружения построена из местного базальта, но качественный белый известняк для часовни доставляли из каменоломней, расположенных в 15 километрах от места строительства. В Палестине и Сирии для кладки стен применяли более твердый известняк (известный как *pari*), а более мягкий «королевский» известняк (называемый *maliki*) строители использовали, как правило, для угловых камней, оконных проемов, входных порталов и скульптурной пластики. В некоторых районах Палестины, например в Вифлееме, известняк обладал такой твердостью, что его часто использовали вместо мрамора. Хотя стоит сказать, что основным источником добычи настоящего качественного мрамора в Святой земле (со времен Фатимидов и вплоть до эпохи крестоносцев) служили останки колонн, фрагментов архитектуры и саркофагов античного периода. Например, при возведении портовых и фортификационных сооружений Акры, Аскалона, Кесарии, Сидона и Яффы латинские строители применяли цилиндрические секции античных колонн из мрамора и гранита. Итак, факт изначального применения камня в качестве основного строительного материала был главным отличием архитектуры крестоносцев в Святой земле. К сожалению, нам сегодня почти не известны имена строителей того периода. Сохранившаяся на двух языках (греческом и арабском) надпись в православном монастыре преподобного Георгия Хозевита (расположенного между Иерусалимом и Иерихоном) повествует нам о том, что в 1179 г. сирийские христиане Ибрахим и его братья, сыновья Мусы из Джифны, восстанавливали этот монастырь. Сегодня принято считать, что наиболее квалифицирован-

ными каменщиками Латинского Востока XII—XIII вв. были, по всей видимости, греки, франки, сирийские христиане и армяне (чьи знаки-клейма можно видеть в церкви Благовещения в Назарете)¹.

Пришедшие и завоевавшие Святую землю крестоносцы оказались в стране с очень небольшим количеством церковных сооружений, поскольку еще со времен правления халифа Аль-Хакима (996—1021) почти все христианские храмы (включая и храм Гроба Господня в Иерусалиме) были уничтожены, а строительство новых церквей было строго ограничено. Хотя стоит отметить тот факт, что со времен исламских завоеваний VII столетия мусульмане в целом использовали для своих религиозных обрядов уже существующие христианские сооружения либо строили новые здания на местах, которые почитались святыми у христиан и прочих религиозных общин². Именно поэтому несколько позднее христианам различных конфессий было разрешено восстановить некоторые культовые сооружения. В частности, византийцам разрешили восстановить храм Гроба Господня (1036), церкви св. Иоанна в Эйн-Кареме и в Севастии и монастырь св. Креста (ок. 1020—1038), сирийским христианам-яковитам — церковь св. Марии в Абуде (1058), а итальянские монахи-бенедиктинцы добились разрешения заново отстроить церкви св. Марии латинской и св. Марии Магдалины в Иерусалиме. Тем не менее число христианских культовых сооружений в Палестине, Сирии и Леванте было невелико. В период крестовых походов и франки, и мусульмане, как правило, стремились сохранять религиозные функции культовых сооружений, когда отнимали их у противника, и уважали их святость, хотя и приспособляли к религиозным обрядам своей веры. Например, в некоторых мусульманских источниках, считавших, что Купол Скалы «осквернен неверными», отмечается, что само здание не повреждено и священные исламские надписи не были уничтожены. То же самое повторялось и за пределами Иерусалима. Так, известная Зеленая мечеть в Аскалоне стала церковью Св. девы Марии Зеленой (*Sancta Maria Viridis*)³. Для нашего исследования важно подчеркнуть, что, несмотря на ощущение публичного поругания и унижения ислама, многие мусульманские писатели отмечали тот факт, что франки часто вели себя очень сдержанно по отношению к мусульманским религиозным объектам. Так, например, Аль-Харави упоминает, что в мечети Аль-Акса *михраб* второго халифа Омара франки не тронули. И далее он пишет о над-

---

¹ См.: История крестовых походов / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С.192.

² См.: Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / Пер. с англ. СПб.: ДИЛЯ, 2008. С. 363.

³ См.: Там же. С. 364.

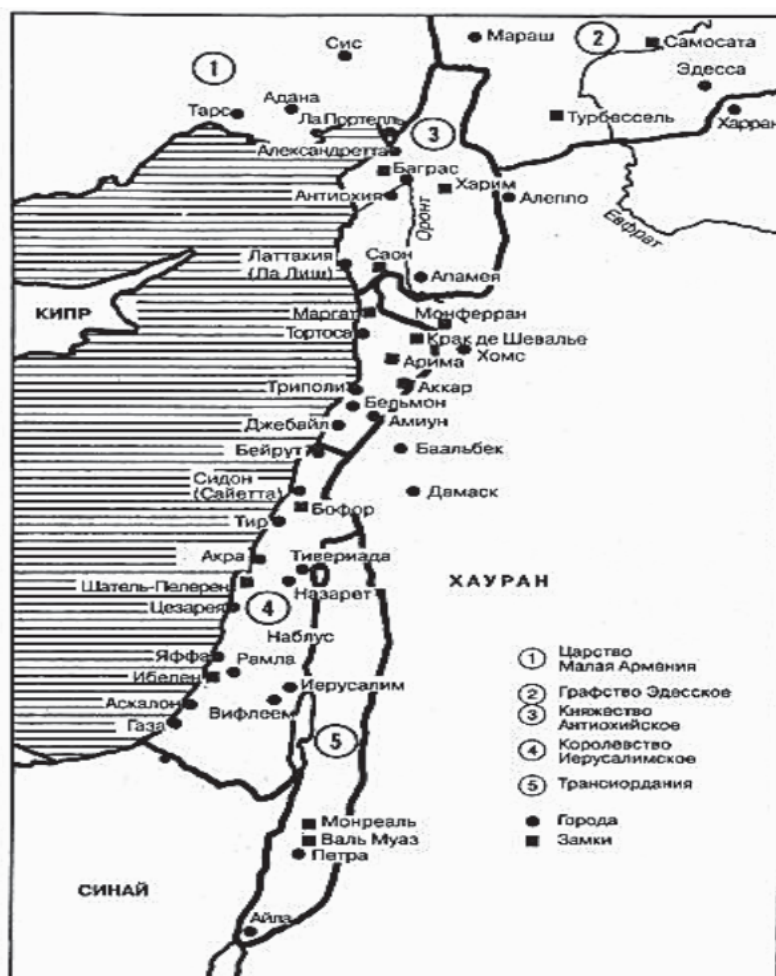
писи на потолке мечети в честь фатимидского халифа Аз-Захира (426/1035): «Вся надпись целиком, как золотой мозаичный листовенный орнамент, так и стихи из Корана и имена халифов над дверями, остались не поврежденными франками»¹. Согласно свидетельству того же Аль — Харави, франки также не тронули *михраб* Омара в Вифлееме². Хотя стоит отметить, что большинство мусульманских авторов не столь благодушны, например, Ибн Джубайр, печально сокрушаясь по поводу исламских объектов в Акре, пишет: «Мечети превратились в церкви, а минареты — в колокольни»³. Для нашего исследования важно подчеркнуть, что, несмотря на практически постоянно продолжающиеся военные столкновения франков и мусульман в эпоху крестовых походов, религиозные, культурные, торговые и дипломатические контакты не прерывались. Более того, ниже мы отметим факты взаимного проникновения культурных вообще (и художественно-архитектурно-строительных в частности) традиций Востока и Запада. Так, например, в 1160—1170-х гг. между византийским императором Мануилом I Комнином и иерусалимскими королями Балдуином III и Амальриком складываются достаточно хорошие отношения, что сразу же ознаменовалось проектами по реконструкции многих православных церквей и монастырей, находившихся, впрочем, под юрисдикцией латинского епископа. В частности, на пожертвования византийского императора были реконструированы монастырь преподобного Георгия Хозевита, церковь св. Илии около Вифлеема, церкви св. Иоанна Крестителя на Иордане и св. Марии Каламонской около Иерихона. Патриарший собор Иерусалима, храм Гроба Господня (самое святое место для всех христиан) подвергается существенной реконструкции. Как мы уже отмечали, в 1042—1048 гг. византийцы перестроили ротонду над Гробницей Христа в отдельную церковь, добавив галерею и восточную апсиду. В первой половине XII в. латиняне увеличили здание храма, убрав православную апсиду и построив на ее месте хоры и трансепт, объединив, таким образом, под одной крышей все святы места, связанные со Страстями Господними (такие как Темница Христа, Голгофа и Камень Помазания). К востоку от храма Гроба Господня, на месте христианской базилики, возведенной Константином Великим (335) и разрушенной Аль-Хакимом (1009), латиняне соорудили крытую аркаду (клуатр), расположив вокруг нее свои монастырские здания для каноников, служивших при храме. Под клуатром распо-

¹ См.: Al-Harawi, trans. Sourdel-Thomine, p. 65. (Цит. по: К. Хилленбранд. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива / Пер. с англ. — СПб.: ДИЛЯ, 2008. — 872 с. С. 364).

² См.: Al-Harawi, trans. Sourdel-Thomine, p. 70. (Там же. С. 364)

³ См.: Ibn Jubayr, Broadhurst, p. 318. (Там же. С. 364).

лагалась крипта с часовней св. Елены (матери Константина Великого), которая, согласно преданию, нашла крест Иисуса Христа. Все вышесказанное должно показать всю сложность задач по восстановлению старых и возведению новых христианских культовых сооружений, перед которыми неожиданно очутились крестоносцы, овладев Святой землей.

Рис. 2.33. Владения крестоносцев в Святой земле XI–XIII вв.

Однако справедливости ради стоит сказать, что главной задачей франков, осевших на территории Святой земли; было отнюдь не строительство культовых сооружений, а возведение опорных пунктов, опираясь на которые относительно небольшие силы христиан могли контролировать свои владения. Именно поэтому уже на протяжении первых ста лет крестоносцы построили или перестроили около двухсот крепостей и замков, разбросанных на относительно небольшой территории — узкой шестисоткилометровой полосе восточного берега Средиземного моря. Можно предположить, что уже в самом местоположении возведенных укреплений прочитывается некий стратегический план, ставивший себе целью

обеспечить: во-первых, коммуникации с метрополией через многочисленные прибрежные города; во-вторых, внутренние коммуникации в завоеванной стране; в-третьих, оборону восточной границы, особенно в пунктах, где отсутствовали естественные рубежи; и наконец, господство пришлого меньшинства над более многочисленным местным населением в условиях его эксплуатации оккупантами-иноверцами. При таком подходе некоторые районы оказались настолько застроенными замками и крепостями, что с башен одной цитадели были ясно видны башни соседней¹. В целях экономии времени и средств при выборе места для сооружения замка предпочтение отдавалось тем пунктам, где сама природа своими формами способствовала обороне крепости, тем более что часто в таких местах располагались руины прежних, более ранних укреплений, служившие, кроме всего прочего, каменоломнями. Проблема водоснабжения на Востоке имела ключевое, даже стратегическое значение для выбора места будущих укреплений. Не говоря уже о питьевой воде для гарнизона, часто получаемой из колодцев или родников в пределах стен замка, вода была также необходима для лошадей, мулов и прочих технических нужд. Здесь использовалась, как правило, дождевая вода, которая собиралась и отводилась в «беркилы» (бассейны и цистерны) посредством сложной системы акведуков или водопроводов из керамических труб. Несмотря на тот факт, что сегодня от замков и крепостей крестоносцев сохранились практически одни развалины, данные археологии и многочисленные письменные свидетельства позволяют восстановить достаточно четкую картину развития фортификационного искусства на христианском Востоке в XII—XIII вв.

Еще до появления крестоносцев и в Палестине, и в Сирии было весьма много крепостей, и прежде всего — византийских и мусульманских, особенно в прибрежных городах Средиземноморья. Эти укрепления во многом сохраняли многие типичные особенности поздней античности, и в частности прямоугольные очертания римских военных планировок. Причем эволюция данных фортификационных форм, сохраняемых еще со времен Юстиниана I Великого, протекала крайне незначительно. Так, например, города Лемза и Тобна в Северной Африке, да и другие крепости XI столетия все еще буквально воспроизводили классическую схему римского укрепленного лагеря: прямоугольник стен, снабженный по углам сравнительно невысокими башнями прямоугольной формы. Иногда для укрепления куртины (стены) возводились дополнительные башни —

---

¹ См. подробнее: Pringle, Denys. *The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem, A Corpus: Vol 2, L-Z (excluding Tyre)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. xxiv, 456.

выступы в середине каждой из сторон крепости, доводя, таким образом, общее число башен до 8. При этом сами крепостные башни незначительно возвышаются над куртинами (стенами), композиционными элементами которых они, в сущности, и являлись. Довольно часто в пределах пространства внутри городских крепостных стен имелаась цитадель, которая просто дублировала схему прямоугольной планировки внешних куртин и прямоугольных башен¹.

Первоначально крестоносцы просто вынуждены были сохранять старую планировку византийских укреплений в завоеванных городах, таких как: Мараш Арима, Жибле, Бонзай, Саон и др. (причем последние два были перестроены еще во времена правления Иоанна Цимисхия в 969–976 гг.). Видимо, по этой причине многие из ранних замков, построенных уже непосредственно самими крестоносцами, особенно на юге Святой земли, практически мало чем отличались от крепостей византийско-мусульманского типа. Причем этот факт справедлив не только по отношению к городским крепостям, но даже и к наиболее ранним «горным замкам» крестоносцев. Например, к таковым по праву можно отнести первые замки франков: Шастель-Руж и Бельвуар (оба располагались близ Тивериадского озера). Хотя уже в планировке замка Бельвуар, возведенного Фульком Анжуйским в 1140 г. на высоте 500 м, мы встречаем «зародыш» системы фортификации нового типа: в пределах стен (120 × 160 м) обнаружены остатки сооружения, напоминающего донжон. Интересно также, что с трех сторон замка Бельвуар выдолблен поистине циклопический ров в скале глубиной почти в 20 м. В замке Шастель-Руж, построенном недалеко от Тортозы в первой половине XII в., наряду с уже типичной прямоугольной схемой византийской крепости, мы встречаем прямоугольный донжон западноевропейского типа, окруженный стеной с прямоугольными же башнями. Таким образом, можно констатировать следующее: там, где франки вынуждены были сохранять византийско-мусульманскую планировку, они первоначально просто усиливали прежнюю схему фортификации, дополнительно вводя в систему обороны новый элемент — донжон. Причем в первое время, в соответствии с западноевропейской (нормандской) традицией, донжон располагался, как правило, в центре замка².

В дальнейшем стратегическое стремление франков в первую очередь захватить побережье заставило крестоносцев предпринять основными силами осаду прибрежных мусульманских городов, укре-

---

¹ См. подробнее: Pringle, Denys. *The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem, A Corpus: Vol 2, L-Z (excluding Tyre)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. xxiv, 456–458.

² Подробнее об этом см.: Там же.

пленных стенами и цитаделями все того же византийского типа. В 1101 г. были сравнительно легко взяты города Ассур и Цезарея, а в 1104 г. — порты Акра и Библос. Опыт завоевания этих больших городов тем не менее показал, что в некоторых случаях к овладению даже старой мусульманско-византийской крепостной системой могла привести лишь правильная регулярная осада. До опыта этой сирийской войны крестоносцы не имели понятия о регулярной позиционной войне. Именно по этой причине осада наиболее крупных приморских городов сравнительно незначительными силами франков длилась достаточно долго. Триполи был взят крестоносцами в 1109 г., города Бейрут и Сидон захвачены в 1110 г., важный город — порт Тир пал в 1124 г., а крупный порт Аскалон достался франкам лишь в 1153 г. Приобретая опыт «регулярной позиционной войны», франки стали возводить свои новые замки в стратегически важных местах, откуда они могли легко контролировать коммуникации противника. Так, например, еще в 1102 г. Раймунд Сен-Жильский (граф Тулузский) построил невдалеке от Триполи едва ли не первый «латинский» замок Мон Пелерин (замок, который со временем стал центром франкского города). В результате такого маневра Старая часть мусульманского города превратилась, по сути, в пригород порта, который был отделен от Нового города многочисленными садами. С аналогичной целью контроля над коммуникациями граф Гуг Сент-Омер в 1106 г. построил замок Тарон, расположенный между захваченной им Тивериадой и Тиром. Примерно в 1117 г. возводится замок Сканделлион, господствующий над окружающей его местностью. Достаточно крупный и хорошо укрепленный город-порт Аскалон, самый южный город побережья, осаждался франками очень долго. Для того чтобы овладеть городом, крестоносцам пришлось окружить периметр городских стен Аскалона целой цепью новых замков, господствовавших над коммуникациями осажденного города¹.

Таким образом, в ходе многолетних кампаний крестоносцами была выработана собственная оригинальная для своего времени стратегия завоевания городов (осада малочисленными силами), которая и вынуждала франков возводить новые замки там, где прежде не было никаких укреплений. Построенные замки крестоносцев должны были контролировать стратегически важные коммуникации, давая возможность в случае необходимости полностью прервать их. Однако учитывая фактор постоянной нехватки вооруженных бойцов, необходимых для удержания завоеванной территории, франкам приходилось искать различные способы компенсировать слабость коли-

---

¹ См.: G. Rey: «Etude sur les monuments de l'architecture militaire des Croisés en Syrie et dans l'île de Chypre». 1871.

качественных категорий за счет максимального усиления качественных показателей. Одним из таких важнейших качественных показателей и явилось революционное для своего времени развитие фортификации, позволившее сдерживать относительно небольшими силами (200–1000 бойцов) ключевые укрепленные позиции (замки). Подобная важнейшая задача, не имевшая в Европе такой острой необходимости, неизбежно заставила крестоносцев искать совершенно новые архитектурно-фортификационные решения. Именно по этой причине изменения и совершенствования в системе византийско-мусульманской планировки крепостей пошли дальше простого включения донжона в крепостной комплекс¹. Прежде всего, кардинально меняется подход к сооружению куртин (участков крепостных стен, расположенных между башнями). Конфигурация куртин отныне теряет прежний регулярный (правильный) характер, поскольку стена не просто повторяет естественный рельеф местности, но творчески использует все неправильности рельефа, приобретая тем самым стратегически активный характер защиты. Башни отныне располагаются гораздо чаще, причем с неравными промежутками, которые определяются уже не общей геометрией плана, а общей стратегической концепцией замка в системе господства над местностью. Более того, башни теперь возводятся намного выше соединительных стен (куртин), поскольку теперь они уже не элементы куртин, а, скорее, стены служат дополнением к усиленным башням. Практически повсеместно с XII в. башни принимают преимущественно цилиндрическую форму (или хотя бы октагональную), свойственную горным цитаделям Северной Сирии и Армянской Киликии². В результате изменений в фортификации перед наступающим противником предстает не традиционный протяженный периметр стен, регулярно расчлененный прямоугольными выступами сравнительно невысоких башен (как, например, стены Антиохии), а единая компактная группа цилиндрических башен, объединенных в органически цельный фортификационный комплекс. Комплекс, в котором соединяющие высокие башни участки куртин, в свою очередь, превращены в элементы активной обороны (частые бойницы — мерлоны, машикули, коридоры в толще стены, перекрытые сводами и снабженные амбразурами). Однако в новом типе замка уже не куртины, а мощные башни становятся главным фактором обороны. Перед нами уже не пассивная фортификация обороняющегося города — полиса поздней античности (или исламского «аль-мадина»), но активное укрепление агрессивного захватчика

---

¹ См.: История крестовых походов /Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 227–228.

² Подробнее об этом см.: Там же. С. 205–209.

рыцаря-крестоносца. Наряду со сказанным выше, стоит обратить внимание также на следующие аспекты развития архитектуры Латинского Востока. Дальнейшее становление фортификационного искусства крестоносцев происходило уже не только по пути композиционного совершенствования прежних форм применительно к новым стратегическим и социально-политическим условиям. Не менее важную роль начинает играть эволюция самих архитектурных конструкций, вызванная поисками систем прочных перекрытий, необходимостью возводить устойчивые куртины и башни (способные выдержать удары осадных орудий), а также защищать сложные внутренние коммуникации замков. Причем прочность архитектурных конструкций приобретает особую важность в стране с сейсмически неблагоприятным положением, в стране, где крепости угрожали не только осада, штурм, огонь, но и частые землетрясения. Надо сказать, что зодчие франков справились блестяще и с этой задачей, например, грозные цилиндрические башни Тивериады смогли выстоять до 1837 г., пока очередное землетрясение не разрушило эти мощные сооружения. Итак, мы видим, что к концу первых 50–80 лет пребывания крестоносцев на Леванте и в Палестине архитектура франков смогла реализоваться в своих основных композиционных и конструктивных чертах фортификационного искусства данной эпохи.

Выше мы уже отмечали, что старую византийскую схему укреплений сменила лучше приспособленная к нуждам завоевателей схема горного замка, с которой крестоносцы, кстати, впервые столкнулись в Северной Сирии и Киликии. Британский исследователь Денис Прингл (Denys Pringle) считает, что именно тип горных замков Киликийской Армении и был взят за основу самых совершенных сооружений крестоносцев: Крака-де-Шевалье, Сафет (Сафита), Маргат, Шастель-Пелерин и др. В своей работе «Архитектура Латинского Востока 1098–1571» Д. Прингл отстаивает эту точку зрения, ссылаясь на аутентичность развалин некоторых горных замков Киликии (которые сравнительно хорошо сохранились), таких как, например: Паперон, Гуглак, Вахка (первая цитадель Рубенидов), Лавзад, Форнос, Харун, Хамус, Гастим и другие. Анализируя схемы главных крепостей князей Киликийской Армении (возведенных в XII в.), Прингл отмечает тот факт, что большинство из них представляют сложные, многоуровневые, но компактные цитадели, окруженные двумя или тремя стенами глубоко эшелонированной обороны¹. Отсюда, как считает Д. Прингл, крестоносцы могли за-

---

¹ См.: Pringle, Denys. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem, A Corpus: Vol 2, L-Z (excluding Tyre). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. xxiv, 205–209.

имствовать систему двойных или тройных куртин, как и концентрированную композиционную схему «орлиных гнезд». Именно в Киликии и в верховьях Евфрата издавна получил широкое распространение принятый на Латинском Востоке, в Закавказье, а затем и в Европе тип цилиндрической башни.

Столкнувшись с замками и крепостями Востока, малоопытные в фортификационном искусстве крестоносцы смогли в пер. пол. XII в. первоначально лишь воспроизводить уже отработанные архитектурные формы, слегка приспособив ее к собственным нуждам, причем с помощью местных строителей. Для понимания этого факта необходимо учитывать огромную трудоемкость работ, сложности транспортировки камня, а также тщательность самой обработки материала и конструктивное совершенство выполнявшихся работ. Лишь осознав эти сложности, возникшие перед только что прибывшими завоевателями-франками, нам становится ясным, насколько необходимым было участие местных мастеров в обширном и интенсивном строительстве крестоносцев, особенно в XII в. Поэтому, считает Д. Прингл, основной контингент рабочей силы и был, в основном, местного происхождения, если не считать отдельных построек, в сооружении которых с благочестивой целью принимали участие паломники, наводнявшие страну в XII в. Последнее утверждение относится, прежде всего, к таким замкам, как Мон-Пелерин и Шастель-Пелерин, что, в свою очередь, подтверждается и документальными источниками, и данными археологии. Разумеется, перечисленные выше укрепления были сплошь каменными, а башни их имели промежуточные сводчатые перекрытия. Однако стоит заметить, что включение донжона в оборонительную систему «горной цитадели» было нововведением западноевропейского происхождения. Отдельно стоящая, поэтому уязвимая и вовсе не приспособленная к длительной осаде башня была поставлена франкскими зодчими в самое опасное место. Именно так европейский донжон, благодаря введенным в него конструктивным улучшениям, из пассивного фактора обороны был превращен в наиболее активный. Данное архитектурное новшество хорошо иллюстрирует замок храмовников Шастель-Пелерин, расположенный к югу от порта Акры. Учитывая все вышеперечисленные факторы, строительство крепостей и замков крестоносцев осуществлялось достаточно быстро. Так замок Шастель-Пелерин был сооружен в шесть месяцев, а замок Сагетта (Шато-де-Мер) даже в четыре месяца¹.

---

¹ См.: Pringle, Denys. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem, A Corpus: Vol 2, L — Z (excluding Tyre). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. xxiv, 209.

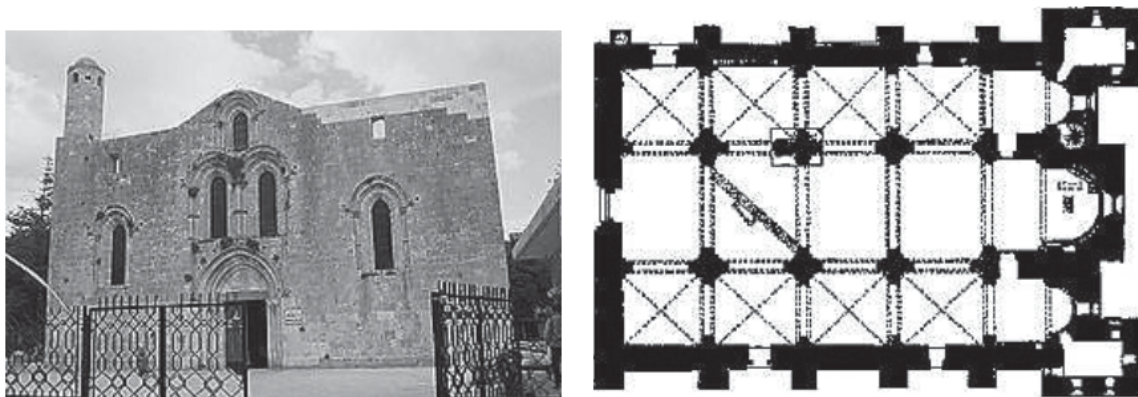

Повышенный интерес, проявленный еще со времен Лоуренса Аравийского, к укрепленным сооружениям крестоносцев в Святой земле позволил создать нам цельную картину развития западноевропейской фортификационной архитектуры эпохи крестовых походов. К сожалению, сегодня нам очень немного известно об особенностях культовой архитектуры Латинского Востока данного периода времени, поскольку большинство культовых сооружений были разрушены или перестроены в мечети. Например, мы почти не имеем сохранившихся останков кафедральных архиепископских соборов Латинского Востока, так, сегодня практически ничего не знаем об архитектуре патриаршего собора в Антиохии, однако исторические описания, археологические данные и сохранившиеся культовые сооружения позволяют нам судить о многообразии архитектурных школ Святой земли того периода времени. Известно, что самыми большими были архиепископские соборы в Тире и Назарете, причем последний занимал площадь 68×30 м. К сожалению, сегодня мало что сохранилось от этого грандиозного сооружения, поскольку он был разрушен султаном Бейбарсом в 1263 г., а в 1959–1969 гг. на его месте была сооружена новая церковь¹. Насколько мы сегодня знаем, это была однефная базилика с тремя приделами и семью нишами, завершающаяся тремя сильно выступающими апсидами, восточная ниша была почти квадратной — возможно, потому, что она была увенчана куполом или световым барабаном. Контрфорсы главного нефа были сделаны в форме креста. В северном приделе собора располагалась эдикула над Пещерой Благовещения (Дома Девы Марии). Архиепископский собор в Тире, видимо, был схож размерами с Назаретским, но имел, согласно описаниям, выступающие трансепты. Кафедральные соборы эпохи крестоносцев, весьма схожие по стилю и размерам, были возведены в XII в. во многих местах проживания «франков»: в Бейруте, Джубейде, Тортосе (Тартусе), Кераке, Хевроне и Лидде. Все вышеперечисленные культовые сооружения возводились преимущественно согласно латинской (прежде всего ломбардской, провансальско-окситанской и франко-бургундской) архитектурной традиции, (хотя и с использованием восточных строительных практик) о чем наглядно свидетельствует кафедральный собор в Севастии. Церковь в Севастии, возведенная в 1170-х гг., имела четырехугольную планировку (54×26 м) с выступающей центральной апсидой, фасад которой был украшен округлыми «ломбардскими» пилястрами (как и в соборе Бейрута). Центральный неф имел четыре ниши, три из которых были увенчаны шестичастными нервюрными сводами, а четвертая (вторая по счету с востока) образовывала тран-

---

¹ См.: История крестовых походов /Пер. с англ. Е. Дорман. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 194–195.

септ с куполом или световым барабаном. Опорные столбы нефа, поддерживающие свод, перемежались парами свободно стоящих колонн, которые первоначально, возможно, предназначались для поддержания верхнего ряда окон и нервюрных сводов приделов. Профессором Нурит Кенаан-Кедаром в 90-е гг. XX столетия была выдвинута интересная гипотеза¹ о том, что это культовое сооружение могло быть спланировано и выполнено франкским зодчим, который был хорошо знаком с планировкой кафедрального собора в Сансе (архиепископ которого, кстати, в 1170-х гг. финансово помогал именно Севастии). К этому же периоду относится и близлежащая церковь у Колодца Иакова, весьма схожая с Севастийским собором по стилю, но не по планировке. Можно предположить, что все эти культовые сооружения имели какие-либо элементы фортификационной архитектуры, однако судить об этом с достаточной степенью достоверности у нас сегодня нет никакой возможности (рис. 2.34).

Рис. 2.34. Западный фасад и план собора Девы Марии Тортосской, XII–XIII вв.

Известно лишь, что в XII столетии во время мусульманских набегов франкские жители таких городов, как Яффа, Лидда, Назарет и другие, нередко спасались на крышах церквей. Единственный из хорошо сохранившихся латинских соборов этого периода, с явно выраженными признаками фортификационных конструктивных решений, настоящий *eglise fortifiee* — это кафедральный собор Девы Марии в Тортосе, строительство которого было начато во второй половине XII в., а завершено в XIII в. Перед нами великолепный пример архитектуры крестоносцев-франков, в основе которой лежат традиции окситанского (провансальского) зодчества XI–XIII вв. К великому сожалению, две башни Собора Девы Марии Тортосской были разрушены. В основании плана положены три базилики, каждая состоит из четырех секций (отсеков) и заканчивается ап-

¹ Об этом см.: История крестовых походов / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 196.

сидой. В восточные башни даже сегодня все еще можно пройти через апсиду. Две прямоугольные ризницы в форме башен, выступающие с северо-восточного и юго-восточного углов собора, явно были предназначены для обеспечения фланкирующего прикрытия, а опоры, видные на северной и южной стенах центрального нефа, вероятно, поддерживали навесные бойницы — машикули (аналогичные бойницам церкви Сент-Мари-де-ля-Мер в Камарге конца XIII в. Исследователь культовой архитектуры Латинского Востока Камиль Энлар¹ нашел во время раскопок также следы двух фортификационных башен над нишами западного придела собора. Такое превращение кафедрального собора в небольшой укрепленный замок могло произойти, вероятно, в 1260-х гг., когда Тортосе угрожало нападение мамлюков. Капители колонн центрального нефа демонстрируют стилистические изменения от романских капителей (в восточной части нефа) до раннеготических (в западной части). Помимо кафедральных соборов, в Святой земле франки возводили довольно значительное количество приходских церквей укрепленного типа как в городах (Иерусалим, Акра), так и в сельской местности вокруг городов. Например, в Газе, Рамле и Наблусе приходские церкви (имевшие также укрепленный аппарат) не уступали своими размерами городским кафедральным соборам. Приходские церкви более скромных размеров были расположены в Амиуне, Аль-Бире (*Magna Mahumeria*), Аль-Кубайбе (*Parva Mahumeria*), Ибне, Бант-Нубе, Саффурии, Тиверии и Каймуне. Эти сельские церкви, возведенные из камня, чаще всего имели простую прямоугольную форму нефа, перекрытого цилиндрическим или крестовым сводом и полукруглой апсидой с конхом.

Довольно значительное количество таких церквей можно и сегодня встретить в сельских местностях Фаме, Синджиле, Баитине, Даббурийе, Зирине, Амвасе, а также в городах Тиверия и Бейрут. Характерной особенностью этих приходских церквей был тот факт, что большая часть их располагалась в так называемых новых городах франков (аналогов окситанских «бастид»), которые находились в сельской местности, являлись своеобразными сельскохозяйственными, торговыми и административными центрами. Такие поселения, как правило, имели городскую площадь и некоторую систему фортификации, представляя собой как бы зародыш будущих городов (поскольку среди жителей проживало значительное количество торговцев). Интересно, что многие подобные поселения (в чем-то аналогичные окситанским «бастидам»), например в Аль-Кубайбе (*Parva Mahumeria*), Аль-Бире (*Magna Mahumeria*) и в Аль-Зибе (*Casa Imbert*), были построены согласно заранее продуманной,

---

¹ См.: Там же. С. 197.

четкой планировке (дома выходили на главную улицу, а за ними располагались арендованные у местного франкского феодала участки земли). В Аль-Шубаке (Montreal) в Трансиордании и в Милье (Castrum Regis) в Галилее городки-поселения находились внутри стен замков. Современные археологические раскопки гражданских и церковных зданий, проведенные в таких поселениях, позволяют отнести такие постройки к замкам или укрепленным усадьбам (по типу английских moated manorhouse — укрепленная усадьба, обнесенная рвом). В таких палестинских «бастидах» обычно проживали не слишком богатые феодалы и рыцари, судебные и церковные коллегии (курии), чиновники, местные жители и пр. К сожалению, все эти постройки плохо сохранились, превратившись со временем в руины¹. Для нашего исследования важно отметить, что большинство этих светских и церковных зданий имело фортификационный характер, представляя собой укрепление на случай внезапного нападения. Один из таких неплохо сохранившихся укрепленных домов (видимо, являвшийся рыцарской резиденцией) ныне можно увидеть в Бант-Итабе. Резиденция первоначально являлась двухэтажным зданием (13,3 x 20 м), а его входная дверь была защищена навесной бойницей со смотровой щелью, узкая лестница в стене вела в зал на первом этаже. Позднее здание было включено в комплекс построек из четырех флигелей (с элементами фортификации), выходящих в центральный двор со входом с южной стороны, так, что к залу можно было пройти прямо из двора по внешней лестнице. Из источников сегодня известно, что рыцарь Джон Готман (первый владелец этого здания) продал Бант-Итаб каноникам храма Гроба Господня в 1161 г., с тем чтобы выкупить себя у мусульман. Так что, перейдя во владение каноников, архитектурный комплекс, возможно, приобрел и некую религиозную направленность.

Ярким примером сочетания фортификационных и культовых признаков новых франкских «бастид» в Святой земле может служить замок Ибелин (руины которого сегодня видны на юго-восточной окраине городка Явне). Изначально замок Ибелин (Явниэль) располагался на высоком, видимо, искусственном, холме, близ важнейшей дороги из Рамлы в Аскалон (Ашкелон). Эта дорога имела стратегическое значение, поскольку издревле здесь проходил торговый морской путь из Египта в Сирию и далее в Междуречье. Местность обладала достаточным количеством воды (у подножия протекают ручьи Сорек, Явне и Гамлиэль), что способствовало заселению и развитию этого района еще с II тысячелетия до н. э. Укрепленный замок Ибелин был построен иерусалимским королем Фульком Анжуйским

---

¹ См.: История крестовых походов / Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 202.

примерно в 1141 г. в ряду линии пограничных крепостей, противостоящих мусульманскому Ашкелону (Аскалону). К сожалению, археологические раскопки, проводившиеся здесь в начале XXI в., сегодня приостановлены, а вскрытые участки накрыты грунтом. Несмотря на свои небольшие размеры, замок Ибелин представлял собой достаточно мощную крепость, а также сельскохозяйственное поселение (англ. — *moated manorhouse*), обладающие исключительным стратегическим положением. Замок имел прямоугольную планировку с четырьмя угловыми башнями. Согласно свидетельству современника Вильяма из Тира: «Они построили замок из очень крепких камней, с глубоким фундаментом и 4 башнями. Из старых разрушенных строений, чьи камни разбросаны по округе, много материала было использовано при строительстве. Немало древних колодцев снабжали водой жителей старого города»¹. После окончания строительства король Иерусалима передал замок французскому рыцарю по имени Балиан «Старый», основателю династии де-Ибелин. Позднее, в XII в., семья де-Ибелинов приобрела надель в городах и местностях Рамла, Мирабель (Мигдаль Афек), Бейт-Шеан. Феод в Ибелине имел своим сюзереном короля Иерусалима и входил в графство Яффо — Ашкелон. Сеньор де-Ибелин обязан был выставить и содержать для войска иерусалимского короля 10 рыцарей со свитой. Согласно источникам, сеньер де-Ибелин имел право суда в городе. Уже к концу XII столетия де-Ибелины становятся могущественным феодальным кланом, который был связан брачными узами даже с Королевским домом Иерусалима. В XIII в. сеньеры де-Ибелины — признанные вожди рыцарской аристократии в Иерусалимском королевстве и позднее в Королевстве Кипра (рис. 2.35).

К сожалению, судьба и столетия не пощадили замок Ибелин с его бурной историей. В 1187 г. замок был взят штурмом армией Салах-ад-Дина (Саладина). Согласно мирному договору от 1192 г. между королем Ричардом Львиное Сердце и Салах-ад-Дином замок остался в подчинении мусульман. Однако в 1240 г. крестоносцы вновь вернули замок ибелин своим Кесарийским сеньорам, впрочем, ненадолго. Окончательно замок был взят мамлюками, которые и владели им вплоть до прихода и господства турок-османов в 1260—1516 гг. При мамлюках и замок, и город продолжали доминировать в регионе. Тогда же церковь крестоносцев была перестроена в мечеть (часть церковной башни замка Ибелин вошла в комплекс мечети). Сама мечеть (с фрагментами церкви крестоносцев), располагавшаяся в арабской деревне Ибна (Yibna), сильно пострадала в результате арабо-израильской войны 1948 г. Сегодня все, что осталось от

---

¹ См.: G. Rey: «Etude sur les monuments de l'architecture militaire des Croisés en Syrie et dans l'île de Chypre». 1871. p. 126.

замка, — кладка стен, засыпанные подвалы и отдельные фрагменты церкви, включенной в деревянную мечеть «а-Джама эль Кабир» (Большая мечеть). Северная стена мечети, вероятно, является частью церкви, которая сохранилась со времен господства франков.

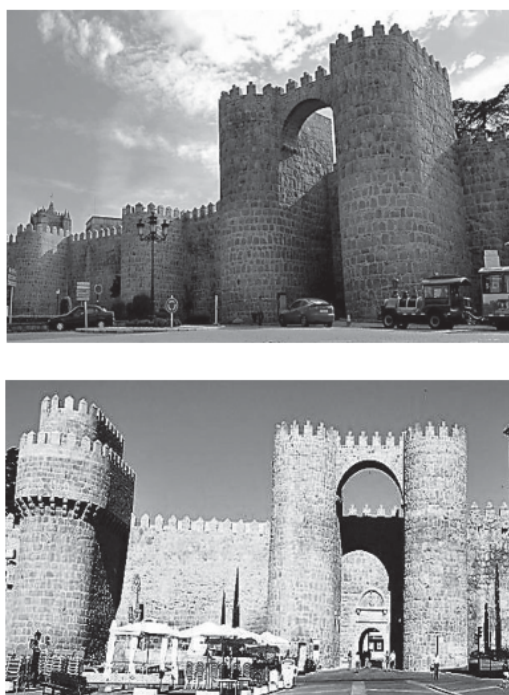
Рис. 2.35. Замок Ибелин. Фрагмент бывшей укрепленной церкви замка XII в.

Изучив особенности архитектуры Латинского Востока, мы можем достаточно уверенно заявить, что церкви-крепости (*eglises fortifiées*) Нижнего Лангедока в XII столетии являются поистине беспрецедентными сооружениями для своего времени. Подобные архитектурные формы фортификационной защиты культовых сооружений, почти не встречавшиеся ранее за пределами региона Средиземноморского ареала Франции и Каталонии, с данного исторического периода начинают свое распространение севернее и западнее регионов Средиземноморского юга Европы (Аквитания, Периге, Овернь, Тьераш-Арденны и пр.). Нечто похожее на окситанское культовое сооружение крепостного типа в данный временной период можно также встретить, пожалуй, в фортификационной системе Кастильском городе Авила (*d'Avila*). Прежде всего здесь стоит обратить внимание на городские ворота Св. Викентия (*Saint-Vincent*) и Альказар (*l'Alcazar*), защищенные двумя башнями, которые соединены между собой центральной аркой, образуя непрерывные машикули (рис. 2.36).

Во-вторых, это апсида кафедрального собора, встроенная в систему городских укреплений, образуя своеобразный полукруглый «бастион», снабженный всеми военными атрибутами (зубчатым парапетом, бойницами-мерлонами и непрерывным рядом машикули). Данное фортификационно-архитектурное решение придает этим зданиям грозный и величественный вид, хотя справедливости ради стоит отметить, что подобное фортификационное решение является совершенно исключительным для королевства Кастилии XII столетия. Уникальность этого архитектурно-композиционного решения свидетельствует об

одном — данная фортификационная схема была, скорее всего, заимствована с Востока. Для этого достаточно внимательно рассмотреть значительный выступ башен и зубцы куртин на внутренних срезах сооружения. Согласно местной легенде крепостная стена Авилы была возведена после завоевания города христианами во время правления короля Альфонсо VI в конце XI столетия. Легенда гласит, что двести пленных мавров участвовали в возведении укрепления, а руководителями работ были итальянский и французский подрядчики — мастера.

Рис. 2.36. Авила — городские ворота св. Викентия и Альказар

Хотя сегодня мы знаем наверняка, что христианские правители Пиренейских королевств часто приглашали мусульманских архитекторов и рабочих для возведения своих крепостей. В частности, Дьеулафуа (Dieulafoy) в своей работе приводит значительный отрывок из письма короля Кастилии Альфонсо VIII к Римскому Папе Иннокентию III после знаменитой битвы при Лас Навас де Тороса (las Navas de Tolosa) в 1212 г.¹ Однако автору, так же как ранее и доктору Р. Рею (R. Rey), кажется сомнительной легендарная датировка возведения крепостных сооружений Авилы в конце XI в.² Скорее всего, система фортификационных сооружений города была капитально перестроена уже в конце XII — начале XIII столетия, поскольку именно в это время апсиду кафедрального собора объединили в единый комплекс обороны с крепостной стеной.

¹ См.: Dieulafoy: Espagne (Ars una), p. 115—117, 160.

² См.: R. Rey: Les vieilles eglises fortifies du Midi de la France. Paris, 1925, p. 112—113.

Рис. 2.37. Авила. Собор и апсида в крепостной стене города, XII–XIII вв.

Церкви-донжоны на примерах церквей Кастельно-ле-Лез (Castelnau-le-Lez) и Сен-Мари-де-ля-Мер (Saintes-Maries-de-la-Mer).

Примерно во второй половине XII столетия на Средиземноморском побережье Франции, видимо, опять-таки в результате влияния крестовых походов, появляется еще одна система машикули. Достаточно хорошо сохранившиеся остатки данной системы мы можем наблюдать сегодня на примере церкви в местечке Кастельно-ле-Лез (Castelnau-le-Lez), которая представляла собой одновременно как бы две системы обороны, расположенные рядом друг с другом (рис. 2.38).

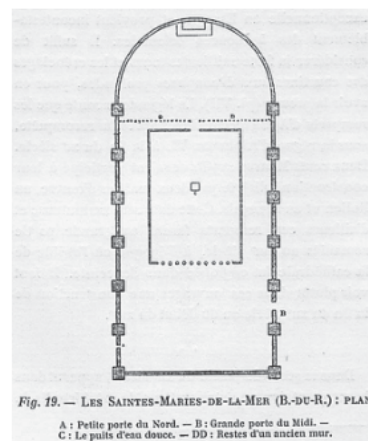
Во-первых, система машикули, поднятых на консолях (образуя галереи с навесными бойницами), которые венчали боковые стены нефа и стены апсиды, своими консолями, расположенными на контрфорсах, и во-вторых, сама форма апсиды, круглая у основания и пентагональная (пятигранная) вверху. Скорее всего, причина такой оригинальной формы лежит в трудностях (заставить огибать нависающие массивные арки по криволинейной (изогнутой) поверхности

верхней части апсиды), возникших перед архитектором, возводившим эту укрепленную церковь¹. Такое архитектурно-конструктивное решение, принятое мастером, свидетельствует о том, что нижняя часть церкви, видимо, существовала уже давно, а более поздняя реконструкция велась согласно уже заранее продуманному или хорошо известному плану (аналогу). Об этом говорит, в частности, и тот факт, что здание церкви в Кастильно-ле-Лез конструктивно почти аналогично зданию расположенной по соседству церкви Сент-Мари-де-ла-Мер (Saintes-Maries-de-la-Mer) (рис. 2.39).

Рис. 2.38. Церковь Кастильно-ле-Лез (вид со стороны апсиды).
Фото автора 2011 г.

Рис. 2.39. Церковь Сент-Мари-де-ла-Мер (апсида, западный фасад и план)

На сегодняшний день можно смело констатировать тот факт, что вместе с кафедральным собором в Агде (Agde) церковь Сент-Мари-де-ла-Мер (Saint-Maries-de-la-Mer) обладает наиболее внушительной фортификационной системой из всех окситанских укрепленных

¹ См.: E. Bonnet, *ouv. cit.*, p. 395.

церквей типа «*eglises fortifiees*» данного периода. К сожалению, сегодня нам почти ничего не известно об истории творения этого оригинального культового сооружения. Мы знаем лишь тот факт, что строительство церкви Сент-Мари, скорее всего, было начато в 1144 г., об остальном нам не удалось найти ничего ни в Фондах Монмажур (Mountmajour), ни в Фондах архиепископства Арль (d'Arles)¹. Археологические раскопки и сравнительные исследования церкви и ее архитектурных предшественников подтверждают датировку сооружения второй половиной XII в. Детальное исследование здания церкви Сент-Мари показывает нам, что стены нефа представляют собой сводную систему из машикули и из поочередно свисающих на консоли и контрфорсы арок. На апсиде архитектор так же размещает консоли, как и в церкви Капельно-ле-Лез, причем арки и консоли располагаются вновь на многоугольной поверхности апсиды. Огромные выступающие машикули окружают верхнюю часть апсиды и создают впечатление надстроенного специально крытого перехода (своеобразной боевой галереи). Особо стоит отметить тот факт, что церковное здание в целом формирует как бы единый фортификационный ансамбль, продолженный валгангом (фр. «проход вдоль бруствера») нефа и создающим своеобразную укрепленную площадку над бермой (фр. «дозорный путь») траншеи. Общее впечатление дополняется нижним ярусом колокольни-донжона, возвышающейся над зданием церкви и предусмотренной, согласно логике общего церковного ансамбля, с самого начала строительства. Высокая колокольня «Святого Михаила» (Saint Michel), расположенная на этом ярусе, исполнена в той же стилистике, что и весь церковный ансамбль (рис. 2.40).

Рис. 2.40. Eglise fortifiée Сент-Мари-де-ла-Мер (Saintes-Maries-de-la-Mer)

¹ Датировка возведения церкви дается по ссылке в работе: R. Rey. *Les vieilles Eglises fortifies du Midi de la France*. — Paris, 1925. p. 115. Извещение из Марселя архивариуса Буш-дю-Пон / (Archives departementales de Marseille, communication de M. l'archiviste des Bouches-du-Rhone).

Колокольня-донжон представляет собой великолепный образец укрепленной башни с несколькими гранями (срезанными углами) и гладкими стенами без каких-либо дополнительных украшений, кроме мерлонов (зубцов-бойниц), и явно обладает всеми признаками замкового донжона. Остроконечное двускатное окончание самой колокольни (Saint Michel) визуальнo формирует композицию западной стороны, возвышаясь над внутренней стеной здания на месте разделения апсиды и нефа, а также над верхней укрепленной галереей донжона (террасой-бермой) подобно караульной башне. Своеобразная «обнаженность» верхнего регистра здания резко, кажется, намеренно контрастирует с нижним регистром нефа и апсиды, профилированными сдвоенными арочными проемами «ломбардского» типа. Внизу — церковный алтарь, вверху — неприступная крепость, вот общее впечатление, которое возникает от просмотра всего ансамбля церкви Сент-Мари-де-ла-Мер.

На открытых и потому незащищенных просторах равнин Камарга, на границе, отделяющей сушу и море, это потрясающее культовое сооружение с крепкими стенами на южной стороне (прорезанными редкими узкими окнами-бойницами) с ее машикули, валгангом, бермой и мерлонами, мало напоминает тихую обитель для уединенных молитв. Глядя на церковь Сент-Мари-де-ла-Мер, мы явно видим грозное средневековое укрепление, которое должно служить надежным убежищем от мавританских пиратов для окрестного населения, привыкшего больше полагаться на крепкую стену и бдительную стражу, нежели на «милость Божию». Кстати, тексты провансальских средневековых хроник регулярно повествуют нам об этом, сообщая о прямых обязанностях жителей окрестных городов и поселений создавать и держать постоянный караул на территориях, на которых они проживают (в замках, городах и укрепленных церквях)¹. Очевидно, что неизвестный архитектор, возводивший эту укрепленную церковь, постарался «вписать» ее в рельеф местности так, чтобы в случае внезапного нападения (атаки противника) и здание, и люди, укрывшиеся в ней, смогли быть в безопасности. Дверного проема и портала, традиционно расположенного на западе, в церкви не было, поскольку вход (сегодня заложенный) располагался с южной стороны. Местные жители считают, что это было сделано из-за резкого западного ветра — мистраля (mistral), однако, возможно, это был фортификационный прием оборонительного характера (в большинстве укрепленных церквей Юга вход располагается именно там). Дверной портал снаружи был обрамлен двумя фигурами львов, выполненных из белого мрамора, возможно, они

---

¹ См. подробно об этом: Cartulaire de Saint-Victor de Marseille, t. II, p. 428 (за 1190 г.); № 1018. P. 478 (за 1174 г.) и № 1020, p. 480 (за 1218 г.).

остались от прежней церкви, ранее разрушенной сарацинами. Интересно, что стилистически фигуры этих львов можно объединить с фигурами чудовищ, расположенных под колоннами порталов церквей Сен-Жиль (Saint-Gilles) и Сен-Трофим (Saint-Trophime) в городе Арль (d'Arles). Возможно предположить, что эти мраморные фигуры принадлежат одной Провансальской школе скульптурной пластики и были изготовлены и поставлены примерно в одно и то же время. Источник воды, столь необходимый в укрепленном сооружении, располагается в центре церковного нефа Сент-Мари-де-ла-Мер. Все церковное здание и все его сооружения выполнены просто и логично, как хорошо изготовленное оружие и доспехи Средневекового воина. Красота этой церкви лаконична и агрессивно воинственна. Неизвестный зодчий словно возводил укрепленный замок, способный выдержать долгую осаду, тщательно продумывая каждую мелочь в системе фортификации церкви. Нужно отметить, что ему это удалось, поскольку даже в эпоху «Гугенотских войн» в 1567 г. старая укрепленная церковь Сент-Мари-де-ла-Мер стала убежищем для католического населения, бежавшего сюда после резни, устроенной протестантами-гугенотами, в богатом городе Ниме (Nimes). И впоследствии, несмотря на ее осаду гугенотами с помощью пушек, несмотря на подкопы, пожары и попытки разбить стены церкви тараном, старая *eglise fortifiée* XII века выдержала этот приступ и стала для католиков надежным местом спасения. Инженерно-конструкционные решения, найденные при сооружении укрепленной церкви Сент-Мари-де-ла-Мер, в дальнейшем неоднократно использовались при возведении и других укрепленных церквей Юга. Наглядным примером может служить небольшая церковь Сент-Андиоль (Saint-Andiol), которая по своим конструктивно-архитектурным формам, несомненно, также принадлежит к церквям типа *eglises fortifiées*.

2.5. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ВСЕХ РОМАНСКИХ УКРЕПЛЕННЫХ ЦЕРКВЕЙ ЭТОГО ПЕРИОДА

Следующим регионом «Прекрасной Франции», в котором типология укрепленных церквей *eglises fortifiées* получила свое дальнейшее развитие, по праву может считаться Овернь (l'Auvergne). Архитектурно-художественная школа Оверни считается одной из наиболее крупных школ Романского периода (наряду со школами Прованса, Бургундии, Пуату, Периге и Нормандии). Характерной особенностью культовых романских сооружений Овернской школы является «...единая система конструкций: цилиндрическим сводом перекрыт центральный неф, полусводами перекрыты эмпоры, крестовыми сводами — нижние этажи боковых нефов и крипта. На пе-

ресечении центрального нефа и трансепта воздвигалась квадратная в своем основании башня-колокольня, которой в интерьере соответствует повышенное и более освещенное (за счет окон в ее стенах) пространство, перекрытое куполом или сомкнутым сводом. Переход от квадрата плана к кругу или многоугольнику осуществляется при помощи конических парусов»¹. Романские церкви архитектурной школы Оверни поистине являют собой яркий пример гармоничного соотношения внешнего объема строения и его внутреннего пространства. Как правило, шаг внутренних столбов соответствует шагу контрфорсов внешних стен, обход вокруг алтаря с традиционным «венцом капелл» четко отражается на восточном фасаде богатой комбинаторикой архитектурных объемов, а наличие крипты (с неизменными мощами какого-либо святого) можно «прочитать» по полуподвальным окнам алтарной части церкви.

Именно поэтому регион Оверни, имеющий богатую архитектурно-художественную школу и давние строительные традиции, стал также принадлежать к числу тех счастливых регионов, в которых были созданы удивительные культовые сооружения укрепленного типа. Одним из наиболее древних культовых сооружений типа *eglises fortifiées* могла бы по праву считаться монастырская церковь Сен-Алир (Saint-Allyre), освященная в 1106 г. и расположенная в коммуне Клермон (Clermont), но, к сожалению, церковь была почти полностью разрушена во времена Великой Французской революции. Церковь Де Моза (de Moza), укрепленная в XII столетии, принадлежала знаменитому и могущественному аббатству Ключни (*preiure de Cluny*) и была широко известна тем, что здесь хранились мощи «Апостола Оверни» (*de l'apotre d'Auvergne*) — св. Австремония (Saint Austremonie). Обладание такой завидной святыней и богатство обители, полученное в дар от многочисленных паломников, вызывало вождение, порождало зависть и не раз приносило аббатству серьезные неприятности от соседних феодалов. Так, в 1126 г. граф Оверни Вильгельм VI атаковал и захватил аббатство и церковь Де Моза, пытаясь присвоить себе богатства монастыря. Такое святотатство даже вынудило короля Франции Людовика VI Толстого взять на себя функции «защитника Церкви» и отправиться в поход против дерзкого графа. Королю даже пришлось «брать на щит» (штурмовать) укрепленную церковь аббатства, с тем чтобы вернуть ее Церкви. Однако после ухода королевского войска граф Вильгельм VI нападал на монастырь еще неоднократно, пытаясь вернуть себе контроль над таким «лакомым куском». Эта многолетняя война за обладание правом распоряжаться важными религиозными «святы-

---

¹ См.: Н. К. Соловьев. История интерьера. Древний мир. Средние века. М.: В. Шевчук, 2007. С. 174–175.

нями» продолжалась очень долго и с невероятным упорством. Известно, что даже много лет спустя, в 1164 г., король Людовик VII и даже в 1196 г. король Филипп Август продолжали эту «вечную священную войну» против графов Оверни за контроль над аббатством и церковью Де Моза. Естественно предположить, что монахи Де Моза постарались защитить свою церковь и ее богатства от почти постоянных набегов и возвели достаточно мощные укрепления как в самом монастыре, так и в *eglises fortifiées*. К великому сожалению, в результате ужаснейшей «реставрации» XIX в. почти все монастырские укрепления были разрушены, и обезображенная церковь Де Моза лишилась своих оборонительных сооружений¹. Из книги Эмиля Маля (Emill Male) «Религиозное искусство XII века» мы можем узнать, что и овернская церковь Сент-Нектер (Saint-Nectaire) также имела фортификационные сооружения, в частности, была окружена крепостной стеной с мерлонами. По крайней мере, изображение великолепной романской капители XII столетия, помещенной в книге Э. Маля на стр. 212, позволяет нам судить о том, что церковь Сент-Нектер в это время являлась поистине *eglise fortifiée*, окруженной мощной зубчатой крепостной стеной² (рис. 2.41).

Рис. 2.41. Капитель с изображением *eglise-fortifiée* Saint-Nectaire, XII в.

К счастью для нас, судить о типологии укрепленных церквей Оверни мы можем на примере достаточно хорошо сохранившейся церкви Сен-Лежье-Де-Руайя (*Eglise Saint-Léger de Royat*) в Пюи-Де-Дом (*Puy-de-Dôme*), изначальный проект которой во многом напо-

¹ См.: R. Rey: *Les vieilles églises fortifiées du Midi de la France*. Paris, 1925. P. 118–119.

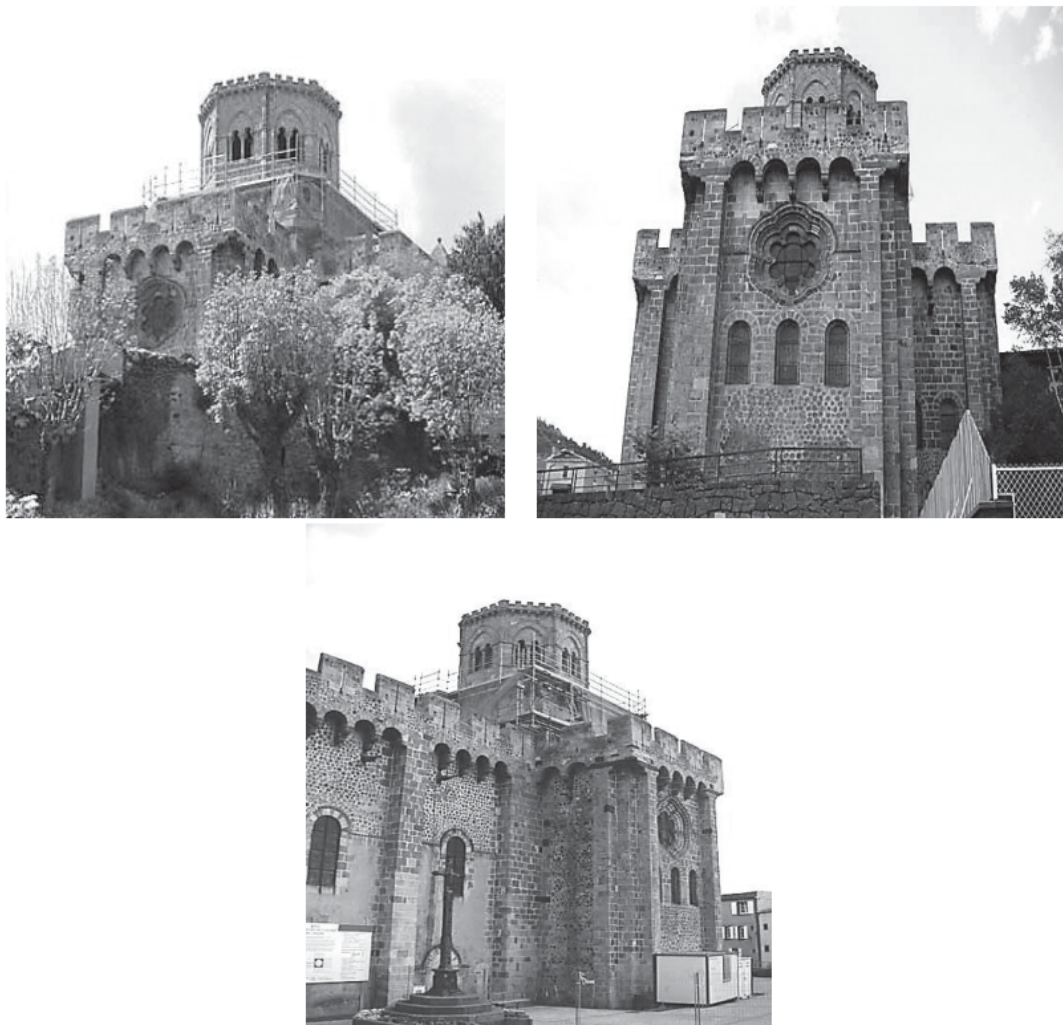
² См.: E. Male: *Art religieux du XII s.*, Paris, 1899. P. 212, fig. 152.

минает аналогичный проект укрепленной церкви Сент-Мари-де-ла-Мер (Saintes-Maries-de-la-Mer). На первый взгляд, общие фортификационно-архитектурные системы этих двух укрепленных церквей выглядят практически идентичными, однако, в дальнейшем мы увидим, что в системе защиты церкви Де Руайя появляются некоторые новые детали, которые позволяют нам проследить дальнейшее развитие оборонительных систем укрепленных церквей типа «eglises-fortifiées». История сооружения церкви Сен-Лежье-Де-Руайя берет свое начало еще со времен Римской империи, по крайней мере, достоверно известно, что в VI–VII вв. здесь уже существовала достаточно многочисленная христианская община. Легенда гласит, что причиной возведения часовни (а затем и церкви) на этом месте стало чудесное исцеление от слепоты богатого человека из Британии. Слепой от рождения, он совершил путешествие в Овернь с целью получить исцеление по молитвам епископа Клермонского, известного как Сен-Бонне (Saint-Bonetus, умер в 710 г.). Получив исцеление, в знак благодарности британец попросил разрешение построить здесь часовню и монастырь для женщин. Строительство нынешней церкви на месте прежней часовни связано с появлением в IX столетии в этих местах колонии монахов-бенедиктинцев, которые и явились инициаторами строительства старинной романской церкви Eglise Saint-Léger de Royat. В дальнейшем небольшая община монахов-бенедиктинцев разрасталась и стала частью богатого и знаменитого в XI в. аббатства Муассак. Именно в это время монахами возводится главная часть романского нефа церкви и сооружается крипта (помещение для склепа с мощами святого Бонне), традиционно расположенная под хор церковного здания (рис. 2.42).

Возведение фортификационного пояса укреплений церкви напрямую связано с опасностями грабежей и разорений, которые позднее обрушиваются на богатую обитель со стороны Ги II (ум. 1224) графа Оверни. Примерно в конце XII — начале XIII в. монахи обители вынуждены были серьезно заняться работами по сооружению фортификационной системы для защиты церкви Сен-Лежье (рис. 2.43).

Оборонительная система, построенная первоначально в романский период, была затем перестроена в начале XIII века в модном готическом стиле, таким образом, церковь Сен-Леже-Де-Руайя представляет собой уникальную для Оверни модель, в которой одновременно присутствуют романские и готические архитектурные формы. В дальнейшем эта система укреплений, с успехом выдержавшая целый ряд нападений, просуществовала вплоть до Французской революции, однако в 1794 г. большая часть укреплений и замечательная церковная колокольня были разрушены.

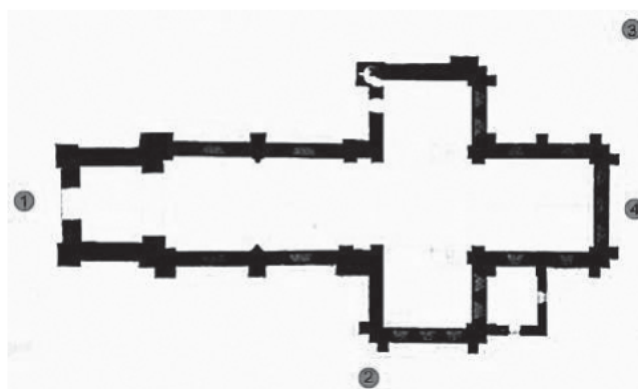

Рис. 2.42. Церковь Де Руайя (Eglise Saint-Léger de Royat), XII в.
Фото автора 2011 г.

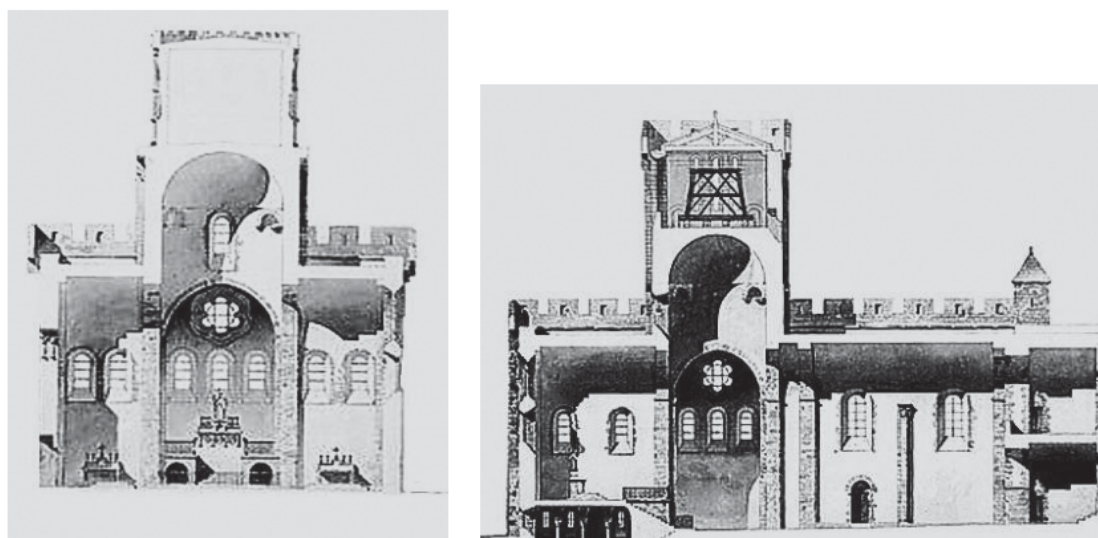
Восстановленная в середине XIX в. по инициативе и при непосредственном участии Э. Виолле-Ле-Дюка церковь Сен-Лежье-Де Руайя остается сегодня одним из немногих хорошо сохранившихся образцов укрепленных церквей *eglises fortifiées* Оверни. Общая архитектурно-композиционная схема (планировка) здания церкви, сложенной из местных каменных пород вулканического происхождения, представляет собой традиционный «латинский» крест с изголовьем справа. Октагональная (восьмигранная) колокольня и главная башня-донжон расположены на стыке средокрестия главного нефа и трансепта, сама восьмигранная колокольня сооружена гораздо позднее, в готический период реконструкции церкви в начале XIII в. Как уже отмечалось выше, башня-колокольня, разрушенная во время Французской революции, была восстановлена Э. Виоле-Ле-Дюком в XIX в. и в настоящее время представляет собой зубчатую восьмиугольную башню-донжон (весьма похожую на ее первоначальный облик). В Средние века нижняя часть башни слу-

жила донжоном, а готическая восьмиугольная башня, видимо, помимо функции колокольни служила также для наблюдения за окружающей местностью. В целом, несмотря на гармоничную и отчетливую сбалансированность композиции и общую целостность церковного ансамбля, все же хорошо видно, что это здание принадлежит нескольким эпохам. Самая старинная часть здания — это неф, перекрытый цилиндрическими полуциркульными сводами (традиционными для школы Оверни), его продолжением служит круглая арка, которая завершается простой прямоугольной церковной апсидой (столь характерной для романской архитектуры Окситании)¹ (рис. 2.44).

Рис. 2.43. План церкви Де Руайя (Eglise Saint-Léger de Royat)

Рис. 2.44. Поперечный и продольный разрезы Eglise Saint-Léger de Royat

¹ См. исследования: M. du Ranquet: *La Revue d'Auvergne*, 1898., p. 411; и *Bull. Monum.*, 1894., p. 507; также в «Словаре» E. Viollett-Le-Duc: *Dict.*, t.6, p. 169; см. также: Desdeviss Du Dezeret и L. Brehier: *Clermont-Ferrand, Royat et le Puy-de-Dome* (Collect. Des villes d'Art celebres, chez Laurens, 1910).

Капители старой дороманской апсиды были впоследствии (в романскую эпоху) использованы в оформлении интерьера крипты, расположенной под изголовьем креста. Трансепт церкви (поперечный неф) и апсида (правое изголовье) возводились уже позднее. Контур в виде равностороннего треугольника и профильная форма арок указывает нам, скорее всего, на конец XII столетия. Строителям, видимо, в защитных целях, пришлось заменить двускатную крышу плоской террасой, оснащенной машикули и зубцами-мерлонами с бойницами, которые прикрывали фланги трансепта и апсиды церковного здания. Кроме того, сохраняя в целом традиционный план латинского креста, зодчие изменили форму окончания задней части здания с целью получения плоской стены (прикрытой огнем с галерей трансепта и апсиды). Исходя из общего визуального исследования внешнего облика церковного здания, следует заключить, что единая фортификационная система церкви была задумана и реализована как раз во время возведения трансепта и клироса. Согласно документам их сооружение датируется 1169–1212 гг.¹ Подобная датировка означает, что каменные машикули укрепленной церкви Сен-Лежье-Де-Руайя являются, скорее всего современниками аналогичных фортификационных элементов, которые появляются в первоклассных феодальных замках тогдашней Европы, таких как Шато-Гайяр (1198) или замок графов Фландрских (1180). Однако стоит отметить, что при возведении церкви Де Руайя появляется и новая, неизвестная ранее фортификационная деталь, которая придает неожиданную оригинальность всему сооружению. В системе укрепления церковного здания мы впервые встречаем машикули и бойницы (мерлоны) по углам всего строения (рис. 2.45).

Неизвестный архитектор догадался защитить мертвые углы церковного здания, которые при нападении автоматически попадают под угрозу. Для этого он спроектировал планировку входящего угла, возвышающегося над уровнем крытого прохода (галереи) широкой прямоугольной бойницы. Это позволило в дальнейшем сомкнуть парапеты брустверов лицевой и боковой частей здания при соединении двух консолей на правом и левом углах здания церкви. Таким образом, ни один участок обороны церкви не был лишен возможности вести прицельный огонь, кроме незащищенных оснований контрфорсов. Поэтому более серьезное укрепление основания контрфорсов стало завершающим элементом при возведении фортификационных сооружений церкви Сен-Лежье-Де-Руайя. Такая довольно солидная защита главного и боковых нефов трансепта и стен апсиды позволили архитектору оригинально решить проблему

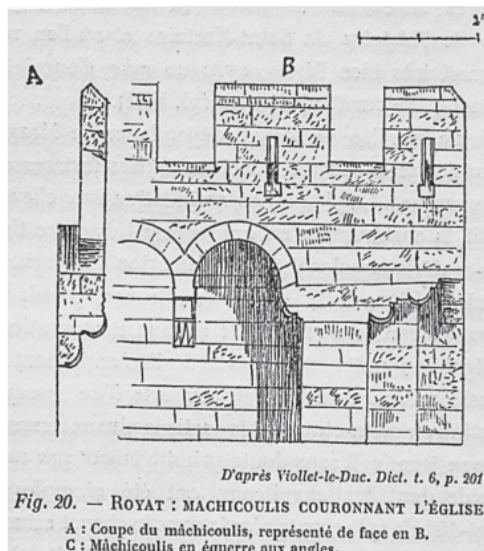
---

¹ Крайние даты, предложенные M. du Ranquet.

освещения интерьера церкви, разместив на боковых стенах трансепта и апсиды по три окна, увенчанных шестью лепестковыми «розами» с витражами. Поскольку сооружение зубчатого парапета и кренеляжа здания выполнялись на завершающем этапе строительства (исходя из сложившейся средневековой практики), следует предполагать, что сооружение основных фортификационных элементов церковного здания проводилось в конце XII — начале XIII в.

Архитектурно-фортификационные новации, найденные окситанскими зодчими на Латинском Востоке и примененные при возведении церкви Сен-Лежье-Де-Руайя, нашли свое дальнейшее развитие и при строительстве более крупных культовых сооружений. В частности, эти достижения были реализованы при возведении одной из пристроек (le bâtiment des machicoulis) кафедрального собора Нотр-Дам-Ле-Пюи-ан-Веле (Le Puy-en-Velay или на окс. Lo Puei de Velay) (рис. 2.46).

Рис. 2.45. Угловые машикули апсиды, трансепта и нефа Сен-Лежье-Де-Руайя

Рис. 2.46. Современная панорама города Ле-Пюи-ан-Веле (Овернь)

Ле-Пюи всегда являлся главным городом епархии Дю Пюи (*du Puy*) в исторической области Веле в Оверни (нагорье Центрального массива), департамента Верхняя Луара и был известен еще со времен античности. В эпоху Средневековья город становится крупным религиозным центром, в котором находится резиденция епископов — графов. Свою громкую славу город приобрел, когда один из епископов в 951 г. первым во Франции совершил паломничество к мощам Св. Ап. Иакова в Компостелло. Именно с той поры, согласно традиции, из Ле-Пюи начиналась одна из знаменитых «дорог Св. Иакова» (*Via Podiensis*). Самый известный среди епископов — графов Ле-Пюи-ан-Веле был, конечно, знаменитый Адемар Монтейльский, духовный вождь Первого Крестового похода 1096—1099 гг. Богатство и процветание епархии и города принесли с собой и новые проблемы. Епископы Ле Пюи вынуждены были защищать свои права на город от алчности и притеснений местных феодалов из рода Де Полиньяк, а также от притязаний графов Оверни. И хотя епископам всегда покровительствовали французские монархи, многие из которых сами совершили паломничество к местной святыне Богоматери, тем не менее, начиная с XII столетия и город, и кафедральный собор Девы Марии обзаводятся серьезными укреплениями¹. Фортификационные сооружения кафедрального собора Нотр-Дам-Ле-Пюи-ан-Веле (*Le Puy-en-Velay*) не могут не вызывать определенный интерес, поскольку всего лишь менее полувека отделяют их от сложения великолепных систем укреплений Крестоносцев на Латинском Востоке. Кроме того, сходство фортификационных решений собора Ле-Пюи (так же, как и церкви Де Руайя) с оригинальными *eglises fortifiees* Окситании вообще (и Юга Франции в частности) неопровержимо доказано еще работами

¹ См.: исследования собора, проведенные Е. Viollet-Le-Duc, а также работа Noel Thioller «L'architecture religieuse a l'époque romane dans l'ancien diocèse du Puy», 1900 и «Etudes sur l'architecture religieuse en Velay»; кроме того, см. J. Langlade «Le Puy et le Velay» (Coll. Des villes d'art celebres), p. 48—50.

Э. Виоле-Л-Дюка и Р. Рея. Кафедральный собор Ле-Пюи представляет собой довольно крупное культовое сооружение в несколько этажей, окруженное зданиями и пристройками различных архитектурных форм. Достаточно хорошо сохранились полихромные фрески XII–XIII вв., которые покрывают весь интерьер кафедрального собора, включая часовни Сен-Жиль и Сен-Мартен, расположенные со стороны Западного портала. Наибольший интерес для нашего исследования имеет так называемая постройка с машикулями¹, сооружение также в несколько этажей, приподнятое с западной стороны монастыря почти в два раза (рис. 2.47).

Рис. 3.47. Фасад, фрагмент клуатра и «постройка с машикули» церкви Де-Пюи

Сегодня мы знаем, что первый и второй этажи, расположенные ниже уровня церкви и монастырских построек были возведены не позднее XII в., скорее всего, в 1134 г. Третий этаж, который сообщается непосредственно на одном уровне с третьим пролетом собора, и галереи вокруг здания также были возведены в XII столетии. По крайней мере, упоминание о возведении системы городских укреплений относится к 1147 г., а в период с 1150 по 1175 г. благодаря богатым пожертвованиям ведется строительство «постройки с машикули». Эта постройка располагалась выше сводчатого помещения третьего этажа с угловой аркой, сегодня перестроенного под часовню, и зала капитула (постоянно притесняемого беспокойным соседством с Де Полиньяками). Дендрохронологический анализ дре-

¹ См.: исследования собора, проведенные Е. Viollet-Le-Duc, а также работа Noel Thioller «L'architecture religieuse a l'époque romane dans l'ancien diocèse du Puy», 1900 и «Etudes sur l'architecture religieuse en Velay»; кроме того, см. J. Langlade «Le Puy et le Velay» (Coll. Des villes d'art celebres), p. 48–50.

весины пород дуба, который применялся для балок перекрытия, датирует постройку 1154 г.

Таким образом, к началу XIII столетия был возведен весь укрепленный этаж, предназначенный, скорее всего, для защиты южной стороны собора. Глядя на общий ансамбль собора, становится понятным, почему именно южная сторона здания подверглась дополнительному укреплению. С северной стороны здание защищено высокой и глухой стеной, снабженной узкими окнами, весьма похожими на бойницы (амбразуры), на западной стороне мы видим пять мощных контрфорсов, поддерживающих стену собора, а на востоке, наиболее безопасной части, расположена крытая галерея. Северо-восточная сторона собора была защищена мощной четырехугольной башней-донжоном «Сент-Майоль» в четыре этажа (к сожалению, разрушенной в 1845 г.). Подводя итог вышесказанному, можно констатировать — весь архитектурный ансамбль кафедрального собора напоминает скорее крепость, нежели культовое сооружение. Э. Виолле-Ле-Дюк в свое время очень точно подметил, что фортификационная система собора Нотр-Дам-Ле-Пюи-ан-Веле по своей структуре и морфологии весьма напоминает укрепленную систему церкви Де Руайя. Схожую фортификационную схему культовых сооружений мы можем наблюдать также у церкви Де Мароль (de Marols) на Луаре, где укрепленная башня с угловыми машикули возвышается над алтарной апсидой (как и в церкви Де Руайя). Аналогичные решения мы встречаем в укрепленной колокольне церкви Сен-Польен (Saint-Paulien), в районе Верхней Луары, где система машикули на арках свода защищает фасад церкви, а также в конструкции трансепта церкви Сент-Жюльен-Де-Бриуд (Saint-Julien de Brioude), их подробное описание и схемы можно найти на с. 318 в книге Ноэля Тиолле (Noel Thiollier).

Тем не менее существует и ряд важных отличий в архитектурно-конструктивных решениях данных сооружений. Так, в кафедральном соборе Ле-Пюи пространство между двумя контрфорсами разделено двумя арками, разделенными между собой консолью. Ранее мы встречали аналогичное чередование в конструктивном решении пространства стен нефа церкви Сент-Мари, однако в соборе Ле-Пюи парные арки несколько приподняты над разгрузочной аркой которая таким образом облегчает (разгружая от излишнего веса) среднюю консоль, что демонстрирует нам дальнейшее развитие инженерно-строительных знаний и технологий в эту эпоху. Помимо этого, существуют и серьезные различия в конструкциях бойниц церковных парапетов (проемов для ведения стрельбы по атакующему противнику). Бойницы кафедрального собора Ле-Пюи являются собой отверстия — проемы в плоскостях продольных балок каменных зубцов (мерлонов), в то время как бойницы церкви Де Руайя

являются частью парапета между двумя амбразурами. И далее мы видим, что каждый контрфорс собора Ле-Пюи оснащен машикули, обращенными на две выступающих консоли. Особо стоит обратить внимание на тот факт, что перед нами, по сути, первый образец выступающей навесной бойницы в конструкциях изолированных машикули. Аналогичные фортификационные детали, предназначенные для того, чтобы усилить защиту оконных проемов и наиболее уязвимых мест сооружений, позже появятся в большинстве архитектурно-исторических памятников Средневековья. Данные архитектурно-фортификационные новации собора Ле-Пюи, так же как и появление первых сторожевых угловых башенок-вышек в машикули угловых контрфорсов церкви Де Руайя, несомненно являются новшествами для Овернской архитектурной школы. И хотя форма сторожевых башенок-вышек в Де Руайя несколько иная по сравнению с башенками церкви в Крюа, фортификационный смысл и назначение одно и то же. И там и там они предназначались, прежде всего, для защиты угла или выступа, находящегося под особой угрозой при нападении.

Как уже отмечалось выше, фортификационные новации культовых сооружений Де-Руайя и Ле-Пюи давно вызывают явный интерес исследователей Средневековой архитектуры. Причем интерес этот обусловлен не только тем, что данные постройки Овернской школы можно с полным правом отнести к типологии *eglises fortifiées*, что еще раз демонстрирует их тесную связь с аналогичными сооружениями Юга Франции (Окситании). Подобное неопровержимое архитектурно-конструкционное сходство, скорее, ставит проблему объяснить, помимо Лангедокского влияния, столь быстрое заимствование в течение менее чем полувека Овернью (имевшей свою весьма развитую романскую школу) архитектурно-фортификационных форм культовых сооружений, созданных гением провансальских зодчих на Латинском Востоке (Сирии). И здесь мы вынуждены вновь обратить свое внимание на распространение в Европе архитектурных и строительных практик крестоносцев зодчими Ордена Храма (тамплиерами). Как известно, наиболее древние командорства Ордена в Европе были образованы первоначально на Юге Франции (Окситании). Так, в 1136 г. Рожер III, граф де Фуа, основал командорство в Виль-Дье (Ville-Dieu) недалеко от Арьежа (Ariege), а в 1149 г. были учреждены командорства тамплиеров в Безье (Beziers) и Небьян (Nebian). О существовании довольно тесных связей между тамплиерами и жителями Лангедока, Каталонии и региона Пюи в Оверни можно прочитать во 2-м томе «Истории Лангедока»¹. Известно точно, что в 1188 г. тамплиеры обосновались в Пюи, создав свое ко-

---

¹ См.: Histoire de Languedoc, t. II., liv. 17 et 18.

мандорство «Сент-Бартелеми» (Saint-Barthelemy), расположенное с обратной стороны епископского города на левом берегу Долезон (Dolaison). Их мощная крепость с донжоном, который по сути являл собой копию башни Сент-Мейоль (Saint-Mayol), защищала главную дорогу, по которой обычно следовали паломники из Окситании в Авиньон (d'Avignon) к престолу «Черной Мадонны Бенратской» (sanctuaire de la Vierge Noire). И сегодня в овернском городке Шамальер-сюр-Луара (Shamalieres) можно видеть церковь с мощной четырехугольной башней-донжоном, прозванную местными жителями «Башня Сарацин» (Tour des Sarrasins), которая отчасти дает нам представление об архитектурно-конструктивных формах «тамплиерской» фортификационно-культовой архитектуры. Таким образом, приведенные выше примеры возведения конкретных архитектурных объектов *eglises fortifiees* в столь короткий промежуток времени на столь обширной территории позволяют нам предположить следующее. Скорее всего, что именно через посредничество архитекторов Ордена тамплиеров новые фортификационные формы, примененные крестоносцами на Латинском Востоке в композиционных схемах культовых сооружений, смогли столь быстро распространиться на всей территории от Лангедока и Каталонии до Оверни (рис. 2.48).

Рис. 2.48. Овернь. Укрепленная церковь в Шамальер-сюр-Луара

Рассматривая строительные практики «ордена Храма», невозможно оставить без внимания архитектурно-строительные сооружения другого монашеского ордена — Цистерцианцев. Известно, что Орден цистерцианцев, впервые образованный в Бургундии — в местечке Сито (лат. Цистерциум) в 1098 г., уже с конца XI столетия становится самой значительной монашеской общиной Европы. Расцвет ордена напрямую был связан с деятельностью молодого монаха, выходца из знатного бургундского рода Бернарда Клервоского (1090—1153). В 1115 г. Бернард основал монастырь в Клерво и до конца жизни оставался его аббатом. Яркая харизматическая личность Бер-

нарда во многом способствовала быстрому распространению ордена, и на год его смерти в 1153 г. цистерцианцы насчитывали уже 340 монастырей только в одной Франции. Благодаря своему крайнему аскетизму Бернард был окружен ореолом святости, а его пылкое красноречие, полемический дар и неукротимая энергия давали ему непререкаемый авторитет в глазах христианской Европы. Будучи главным идеологом папской власти, Бернард Клервоский вмешивался в дела пап и епископов, королей и владетельных сеньеров, схоластов и философов, аббатов монастырей и магистров рыцарских орденов. Категоричная суровость внутренней организации, устава и сама деятельность цистерцианцев, в свою очередь, оказали существенное влияние на становление ордена тамплиеров благодаря активной поддержке Бернара Клервоского. Аскетический, прекрасно организованный орден последователей Бернарда Клервоского повсюду стремился вносить новые административные методы и рационализировал всю хозяйственную систему Средневековья (ремесла и сельское хозяйство). Хорошо известно, что именно цистерцианцы часто давали финансовые средства для строительства новых церквей и часовен, что составляло важный пункт в общей концепции «христианского служения», которую исповедовали «серые братья».

Цистерцианские церкви достаточно легко распознать по плану и профилю, которые возводились согласно монастырским правилам, строго соблюдавшимся, по крайней мере, до 1150 г. Характерной особенностью культовой архитектуры цистерцианцев, проповедовавших возврат к евангельской простоте нравов, была простота церковных и монастырских форм (при тщательной теске камня) и аскетическая скудость в украшении интерьеров. Обычно базилики цистерцианцев представляли собой продольное здание с плоским перекрытием (позднее часто заменяемое ребристыми сводами), с настенными пилонами, которые заканчивались на половине высоты и отсутствием традиционной крипты и эмпор. Еще одной характерно особенностью цистерцианской архитектуры было прямолинейное завершение хоров, за которыми, как правило, располагался прямоугольный обход капелл (часовен)¹. Видимо, столь аскетичный архитектурно-художественный стиль был во многом обусловлен авторитетом «Отцов — основателей» Ордена. Известно, что Бернар Клервоский (прозванный «страшилищем жен и матерей») активно боролся против любых архитектурных и художественных «изысков» в церковных сооружениях, считая, что они отвлекают внимание христианина от возвышенной молитвы к Богу на рассматривание «не-

---

¹ См.: Вильфрид К. Энциклопедия архитектурных стилей / пер. с нем. М.: ЗАО «БММ», 2011. С. 140–141.

нужных» мелочей. Яростный противник украшения церковных интерьеров, известный своим девизом: «Что делать золоту в храме», Бернард всячески боролся против художественного оформления культового пространства. Средневековый хронист Ландульф Младший из Санто Паоло описывает, что в Милане «по воле Бернарда Клервоского были убраны все церковные украшения — золотые, серебряные и тканые, которые можно было видеть в церкви города»¹. Согласно логике иконографической концепции цистерцианцев весь архитектурно-художественный ансамбль культового сооружения (монастыря, церкви или часовни) должен быть чисто функциональным, создавая определенный аскетический евангельский настрой на молитву. Подобная полувойенная организация культового пространства должна была постоянно напоминать монаху и мирянину о том, что жизнь — непрерывная «война» со своими страстями и с демонами, которые их вызывают. Согласно подсчетам современных исследователей по правилам цистерцианского ордена было возведено около 600 церквей практически на всей территории Европы. Причем если до 1150 г. строгие архитектурные правила цистерцианцев соблюдались неукоснительно, то позднее зодчие стали толковать их более широко и свободно. Возможно, именно по этой причине в ряде стран Европы цистерцианские культовые сооружения заложили основу для развития готического архитектурного стиля.

Одним из таких свидетельств является Королевский монастырь Санта-Мария-де-Поблет (Reial Monestir de Santa Maria de Poblet/Real Monasterio de Santa María de Poblet), или просто монастырь Поблет (Публет) — одно из чудес цистерцианской архитектуры в Каталонии, самый знаменитый и грандиозный из монастырей «цистерцианского треугольника». Название монастыря Поблет (Публет) (Poblet) происходит от латинского слова «populetum», что означает «тополиная роща». Наряду с монастырями Сантес-Креус и Вальбона-де-лес-Монжес, аббатство Поблет образовало так называемый цистерцианский треугольник — группу цистерцианских монастырей, созданных во второй половине XII в. на землях, которые получили название «Новой Каталонии». Основание этих монастырей служило целям христианского освоения и заселения новых территорий, отвоеванных Арагонской короной у мусульман. Закладка данных обителей недвусмысленно выражала притязания христиан на эту дикую местность. Таким образом, в период Реконкисты монастырь Поблет играл исключительно важную роль в судьбе каталонского католицизма и является признанным шедевром цистерцианского искусства. Мо-

---

¹ См.: Ландульф Младший из Санто Паоло. Книга историй города Милана. Гл. 42. Цит. по: Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 280–281.

настырь Поблет был основан графом Барселоны Раймоном Беренгером IV, который в 1151 г. даровал Лангедокскому аббатству Фонфруад (Fontfroide) земли Populetum в области Конка-де-Барбера (Conca de Barberà) (ныне это часть провинции Таррагона) для основания там цистерцианского монастыря. Этот подарок преследовал двойную цель: духовную (создать христианский центр на отвоеванных у мавров каталонских территориях) и экономическую (обрабатывать пустынные заброшенные земли). Естественно, никто лучше монахов Цистерцианского ордена не подходил для выполнения поставленных задач. В стремлении вернуть монашеской жизни строгость и чистоту цистерцианцы отвергали роскошь и богатство ради бедности, смирения и простоты. Аскетизм цистерцианских монахов доходил до того, что их средняя продолжительность жизни едва составляла 30 лет. Монахи цистерцианского ордена и сегодня отличаются верностью идеалам аскетизма, что проявляется как в их затворническом, созерцательном образе жизни, так и в стиле цистерцианской архитектуры — потрясающей по строгости и изяществу. Для цистерцианских церквей и монастырей характерна строгость и практически полное отсутствие орнаментов, дорогой утвари и пышных интерьеров. Монахам-цистерцианцам милей всего голый камень — символ чистоты и скромности. Даже кресты и предметы культа изготавливаются из самых простых материалов: дерева и железа. Монастырь Поблет стал превосходным образцом этого аскетичного цистерцианского стиля. Защищенный с тыла подножием гор Прадес, этот участок прекрасно подходил для основания монастыря: местность уединенная, источников воды вдоволь, да еще и обширные угодья вокруг — идеальные условия для независимой затворнической жизни и занятий сельским хозяйством. Цистерцианские монастыри обычно располагались в безлюдной, девственной местности, но всегда рядом с источниками воды. Умелые монахи превращали эти территории в плодородные земли и придумывали новые сельскохозяйственные методы, из-за чего цистерцианцев даже называют величайшими агрономами той эпохи.

Сведения о первой организованной монашеской общине в Поблете относятся к 1153 г. Первые 12 монахов Поблета и их аббат занимали небольшой скит Лаудета, располагавшийся в непосредственной близости от того места, где сегодня возвышается монастырь. Затем община начала получать пожертвования от королей и аристократических семейств и в короткий срок обзавелась землями и усадьбами. Граф Раймон Беренгар IV, а также аристократы и землевладельцы жаловали монастырю разнообразные блага взамен на право участвовать в духовной жизни или быть похороненными и поминаться в монастыре. В результате этих милостей владения Поблета стали самыми обширными в Каталонии после поместий герцогов Кар-

доны. Они включали множество деревень и поселений, разнообразные угодья, а также права выпаса скота и ловли рыбы (последнее особенно важно, учитывая, что по правилам цистерцианского ордена монахи должны воздерживаться от употребления мяса). Строительство нынешнего монастыря началось в 1163 г., когда некий Арнау де Бордельс (Arnau de Bordells) сделал пожертвование на строительство «каменного дома». Вскоре после этого Рамон де Сервера (Ramón de Cervera), который был сеньором местности Эсплуга Юссана (часть нынешнего поселка Эсплуга-де-Франколи), разрешил монахам брать с этих земель любое необходимое количество камня на возведение монастыря и служебных построек. Богатые пожертвования короля Альфонсо II Целомудренного сыграли ключевую роль в развитии Поблета. Наивысший расцвет Поблета пришелся на XIV в., когда к юрисдикции монастыря относились семь феодальных владений-баронств с 60 деревнями. Кроме того, монастырь обладал правом назначать мэров десяти зависимых от него городов. Фактически Поблет представлял собой небольшое княжество под управлением аббата. Власть монастыря охранялась как королями Арагонской короны, так и каталонскими аристократами. Говорили даже, что «аббат Побета может проехать от Пиренеев до Валенсии, не выезжая за пределы собственных владений». Более того, Поблет обладал и определенным политическим весом: ряд аббатов XV–XVI веков занимали должность председателя каталонского правительства «Женералитата». Монастырь также являлся крупным культурным центром: он располагал внушительной библиотекой, пополнявшейся монархами и аристократами, и скрипторием для переписки книг. В частности, здесь была создана самая древняя из сохранившихся рукописей Хроники короля Хайме I (была переписана в 1343 г. для аббата Копонса).

Поблет представлял собой настоящее самостоятельное поселение наподобие аббатства Сито. Помимо обязательных для каждого монастыря построек и служб, в Поблете имелась больница, аптека, кладбища, сад ароматических растений, мельницы, пекарни и даже тюрьма, поскольку аббат обладал властью феодального сеньора. Как и в других цистерцианских монастырях, комплекс был четко разделен на зоны. Одна часть помещений предназначалась исключительно для монастырской жизни (центром которой был клуатр и примыкающие к нему постройки, включая церковь, рефекторий, dormitorio, кухню, зал капитула и библиотеку). Ко второй группе помещений относились резиденция аббата, больница, гостиница и административные службы, а к третьей — амбары, склады, винные погреба, скотный двор и т.п. Наконец, четвертая группа была довольно необычной и встречается еще разве что в монастыре Санта-Крус: имеется в виду королевская резиденция. Наличие примыкаю-

щего к монастырю королевского дворца объясняется тем, что и Поблет, и Санта-Крус имели прочные связи с короной, и короли избирали эти монастыри в качестве мест своего захоронения, превращая их в королевские усыпальницы (пантеоны) (рис. 2.49).

Phot. A. Toldra Viazó.

Рис. 2.49. Церковь монастыря Санта-Крус (Santas Creus) XIII в.

В случае Поблета королевский пантеон был создан по распоряжению Педро IV Церемонного в 1340 г. Выбор монастыря местом захоронения королей сопровождался щедрыми подарками короны, выделением земель, денег и рабочих рук. Дары поступали и от знатных каталонских семей (графов Уржеля, герцогов Кардоны и др.), для представителей которых в монастыре строились отдельные частные капеллы.

Для нашего исследования интересен тот факт, что возникшая в глуши Сито (Бургундия) аскетически суровая архитектура цистерцианцев нашла свое широкое распространение на залитом солнцем Юге Франции, Испании и Португалии. По крайней мере, историк искусства С. Энлар (С. Enlart) в своей работе «Истоки готической архитектуры Испании и Португалии» (1894) отмечает, что «цистерцианская» типология культовых сооружений нашла широкое распространение в культовой готике Испании и Португалии именно под влиянием цистерцианской архитектуры *eglises fortifies* Окситании¹. Например, типология архитектурно-художественной и объемно-пространственной композиции церкви монастыря Санта-Крус (Santas Creus), строительство которой было завершено в 1225 году, удивительным образом напоминает нам церковь Де Руайя (de Royat). Укре-

¹ См.: С. Enlart: *Origines de l'architecture gothique en Espagne et en Portugal* (Bull. Arceol. De Comite, 1894). — *Origines de l'architecture gothique en Espagne* (Bull. De l'Union syndicate des architectes Francais, 1896).

пленные церкви (*eglises fortifiees*) в Турегано (*de Turegano*), Пьедра (*de Piedra*), Сан-Мигель-де-Эскалада (*San-Miguel-de-Escalada*) и характерная апсида с машикули Таррагонского собора (*cathedrale de Tarragone*), достроенного в 1230 г., также являются образцами «цистерцианской» культовой архитектуры *eglises fortifiees* начала XIII столетия¹. Все вышеперечисленные культовые сооружения Пиренейского полуострова, наряду с уже рассмотренной выше укрепленной апсидой кафедрального собора в Авиле, отмечены явным влиянием архитектурно художественных программ *eglises fortifiees* Лангедока.

Возникнув «стихийно», в эпоху натиска сарацин на Пиренейский полуостров и южную часть Франции, «укрепленные церкви» в дальнейшем своем развитии проходят определенную эволюцию от простых форм к более совершенным сооружениям с развитой системой фортификации. Эта система непрерывно совершенствуется в течение IX–XI вв., достигая, наконец, в XI столетии той определенной сложности пространственных и конструктивно-архитектурных форм, которая позволяет особо выделить данный тип культовых сооружений, известный как *eglises fortifiees*. Мы можем проследить, что вплоть до конца XII века ряд культовых сооружений Юга Франции и Каталонии (Окситании) изначально концептуально задумываются и сооружаются в качестве укрепленных церквей *eglises fortifiees*, которые оборудованы самыми современными на тот момент фортификационными приспособлениями, сравнимыми, пожалуй, лишь с теми, что возводились крестоносцами в Сирии и Палестине. Эта весьма рациональная и логически завершенная фортификационно архитектурная система, заимствованная с Латинского Востока, впервые получает свое признание, распространение и дальнейшее совершенствование именно начиная с Прованса и Лангедока. На момент своего появления в этих регионах эта система культовых сооружений укрепленного типа уже включает в себя почти все новые элементы, которые в дальнейшем будут приняты и применены при реконструкции или возведении самых мощных военных сооружений XII и XIV веков. В самом начале сложения романской типологии *eglises fortifiees* скорее всего, именно кафедральный собор в Агде (*d'Adge*) и церковь Сент-Мари-де-ля-Мер (*Saintes-Maries-de-la-Mer*) стали служить прототипами наиболее завершенных и оригинальных художественно-архитектурных и фортификационных концепций церквей укрепленного типа. Именно по этой причине дальнейшее совершенствование типологии укрепленных церквей приведет к созданию удивительных по своей целостности и гармо-

---

¹ См.: Dieulafoy: *Espagne (ars una)*, p. 138 так же об этом см. Cf. Puig y Cada-falch...ouv, cit.

ничности фортификационных и культовых сооружений Каркассона (Carcassonne), Эг-Морта (d'Aigues-Mortes) и Авиньона (d'Avignon). Поскольку на сегодняшний день в отечественной медиевистике не существует четкой и однозначной общепринятой классификации «укрепленных церквей» романского периода, можно предложить следующую:

1. Изолированные полностью укрепленные церкви (в том числе и церкви-донжоны), расположенные в центре монастыря или города (Леринский монастырь, Вильреаль, Монжуа, Бомон-де-Ломань и пр.);

2. Изолированные, но частично укрепленные церкви, например, колокольная-донжон (Кастельно-де-Леви, Лабастид-де-Леви, Л'ильсюр-Тарн и большая часть церквей в городках — «бастидах» Лангедока) или укрепленная часовня-донжон (Крюа в Ардеш);

3. Укрепленные церкви, прилегающие к крепостной стене и полностью приспособленные под оборонительные сооружения как часть цитадели (часовня-донжон Кастель-Блан в Сирии, церковь-часовня в Каркассоне, Бомон-дю-Перигор, Рюдель в Ло, Монбран в Верхней Гароне и др.);

4. Церкви, частично приспособленные к обороне (встроенные в систему обороны) крепостных стен фрагментами своих архитектурных форм (апсида кафедрального собора в Авиле, Флеранс и большая часть церквей городков Гаскони).

Таким образом, можно констатировать, что развитие и сложение основных типологических форм укрепленных церквей *eglises-fortifiees* происходило как бы в два временных этапа. Первый этап, связанный с вторжением воинов ислама на территорию Европы в период IX–X вв. Второй этап приходится на период «Великих Крестовых походов» — ответного вторжения европейских народов на Восток в XI–XII вв. Уже в эпоху готики развитие типологии *eglises-fortifiees* пойдет в направлении совершенствования объемно-пространственных форм, заложенных и выработанных в течение Романского периода X–XII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно с уверенностью заключить, что возникновение и религиозно-философское обоснование концепции «укрепленной церкви» прослеживается еще в ранний период становления христианской религии. Описание «Небесного Иерусалима» в Откровении Апостола Иоанна Богослова (Откр. Иоанн., 21.12–14) фиксирует наличие фортификационных элементов городских стен, башен и ворот. Богословско-семантическое отождествление Церкви Христовой и образа «Небесного Иерусалима» в трудах Отцов Церкви в дальнейшем способствовало популяризации данной иконографической концепции в христианском культурном пространстве. Другое богословско-мистическое отождествление образа церкви с укрепленной башней (фортификационным объектом) подробно раскрывается в раннехристианском трактате «Пастырь» Ермы, II в. Здесь в IX Притче Ерма довольно подробно описывает свое видение, в котором мужи и девы возводят прочную и обширную башню из камней различной величины (Пастырь. Ерма, IX, 17.2). Мы видим, что еще в раннем христианстве отождествление укрепленного города или башни с образом Церкви Христовой было традиционным и на Востоке, и на Западе. Исторический период, во время которого началось систематическое возведение культовых сооружений *eglises fortifiees* Окситании, совпадает с драматической эпохой «Великого переселения народов» и перманентной войной с Исламом. В силу исторических условий эпохи «великого переселения народов» возникла необходимость укреплять культовые христианские сооружения (хранители реликвий и ценностей), первоначально — монастыри, а позднее и прочие сооружения. Приблизительно к концу X в. укрепленные культовые сооружения *eglises fortifiees* уже повсеместно возводятся из камня почти по всей территории Окситании. В силу своей универсальности укрепленные церкви *eglises fortifiees* в X в. обладают мощной динамикой к дальнейшему совершенствованию и развитию своей архитектурно-композиционной схемы. Эта динамика сохраняет устойчивые тенденции как в плане фортификационных, так и в плане композиционно-иконографических схем и направлений дальнейшего развития типологии *eglises fortifiees*. Именно окситанские мастера смогли, творчески переработав богатое наследие римской архитектуры, найти свой, оригинальный архитектурный стиль, известный в искусствоведении как «*eglise fortifiee*» (особенности которой отмечал еще Виолле-ле-Дюк и Огюст Шуази).

На момент своего появления система культовых сооружений укрепленного типа включает в себя почти все новые элементы, которые в дальнейшем будут приняты и применены при реконструкции или возведении самых мощных военных сооружений XI и XIII вв. Найденные соотношения между внешними фортификационными элементами, характером внутреннего пространства и источниками света позволили насытить пространство культовых романских интерьеров Окситании настроением мистической тишины и покорности при внешней защищенности объекта. Разработанная окситанскими мастерами концепция синтеза военной и культовой архитектуры, позволяющей эффективно оборонять от всяких нападений сакральное пространство религиозных объектов, создала удивительный архитектурно-художественный симбиоз «меча и креста». Тем более что теория творчества, четко разделявшая весь процесс возведения культовых романских и готических сооружений на замысел, исполнение и результат, уже была достаточно разработана в «зрелой» схоластике и поэтому реализация в материале «формы», «идеи», «образца» заранее существующего «помимо самих вещей» в головах теологов-донаторов была такой быстрой и дала такие разнообразные плоды.

На формирование своеобразных идейно-художественных программ культовой архитектуры *eglises fortifiees* Окситании весьма существенное влияние оказало наличие богатой римской традиции, достигшей своего дальнейшего развития в богатстве образов романской архитектурной школы Лангедока и Прованса. Этот регион, являвшийся римской «Нарбоннской Галлией» (*Narbonensis prima*), в период крушения Римской империи во многом сумел сохранить местное муниципальное самоуправление в своих многочисленных городах. На протяжении почти трехсот лет все завоеватели практически не меняли старинных римских законов, согласно которым города Окситании продолжали управляться и развиваться. Стоит ли говорить, что авторитет римского наследия длительное время был абсолютно непререкаем, тем более что римские постройки стояли буквально перед глазами и служили прямыми образцами для подражания. Использование богатства ритмических вариантов, унаследованных Окситанией от античности, позволяет мастерам оперировать повторением сходных, но различных по форме элементов (чередование столбов, колонн и арок), менять сочетание элементов в одном и том же ритмическом ряду или пользоваться комбинацией нескольких различно построенных рядов. На сложение своеобразной архитектуры Окситании большое влияние также оказала Ломбардская архитектурная школа, поскольку города Окситании и Ломбардии были тесно связаны религиозно-политическими и торговыми связями.

Говоря о культовой архитектуре *eglises fortifiees* Окситании исследуемого периода, можно выделить ряд региональных особенностей. Архитектура укрепленных соборов и церквей не является такой сквозной, как архитектура «классических» соборов Франции и северных регионов, поскольку внешняя стена романских сооружений Окситании сохраняет свою оборонительную массивность и плотность, подчеркнутую контрфорсами, непосредственно прилегающими (встроенными) к плоскости стены. Оболочка стены как бы скрывает боксы-капеллы внутри культового сооружения, а трансепт, как правило, отсутствует. Таким образом, вся плоскость стены обретает свои права крепостной куртины, несмотря на то что изящно профилируется довольно многочисленными глухими аркадами, машикулями или круглыми световыми люками — окнами, явно под влиянием ломбардской архитектурной школы. Объемы зданий стремятся к большей, по сравнению с «классической» романикой, замкнутости всего сооружения, планомерно устраняя все «лишние» выступающие части здания, что вообще характерно для военной архитектуры X—XIII вв. Капеллы-боксы занимают все пространство между контрфорсами внутри зданий и представляют собой составную часть единого целого культового интерьера. При этом ритмика чередования капелл-боксов создает специфическое настроение некой сакральной «соборности», составляющей «единое в многообразии», чем выгодно отличается от нервной вертикальной много сложности «классических» соборов. Скульптура стремится занять внутреннюю часть пространства культового сооружения, перемещаясь туда с внешнего пространства фасадов и порталов. Важное место в создании мистического настроения прихожан церквей Окситании, наряду с традиционными готическими витражами, занимает «Библия для неграмотных» — церковная настенная живопись, сюжеты которой посвящены Спасителю, Деве Марии, пророкам, апостолам и христианским святым. При этом не вызывает никакого сомнения тот факт, что богословские, моральные и даже научные программы культовой живописи того времени находились под внимательным контролем клириков (и прежде всего нищенствующих орденов). Еще со времен Второго Никейского собора 787 г. неукоснительно действовало правило: «Создание церковных образов не должно быть оставлено на произвол мастеров: они отражают положения учения Вселенской Церкви и религиозную традицию. Художнику принадлежит лишь его искусство, порядок и расположение образов определяется Отцами». Таково всегда было учение Церкви, причем как западно-католической, так и восточно-православной, которое неукоснительно соблюдалось при создании культовых сооружений VIII—XIII вв. Западные фасады укрепленных культовых сооружений Окситании отличаются, как правило, сдержанной (фор-

тификационной) трактовкой, а башни-донжоны (часто напоминающие боевые башни) примыкают непосредственно к боковой части здания (обычно наиболее уязвимой для нападения). Таким образом, сегодня можно говорить о том, что культовая романика *eglises fortifiées* Окситании вовсе не носит «подражательный» характер, ее своеобразие было обусловлено разнообразными идейно-художественными и фортификационными программами, взаимное пересечение и сложение которых в результате и породило такое многообразие форм укрепленных культовых сооружений в относительно обширном регионе.

RESUME ENGLISH

The Romanic and Gothic art of Occitany, which for a long time had been considered in foreign and native medievalism as the art of “invaders from Northern France”, is the manifestation of the creative genius of local architects and customers. It was the masters from Southern France who could find their own original “Gothic style” by way of creative revising the Parisian “radiant” Gothic which was fashionable at that time in Europe and which they used as their model. This style has been known in art studies as “*eglise fortifiée*” (church-fortress, fortified church). The monks of the new orders (first of all Dominicans and Franciscans) played the most important role in introducing the new «Parisian style» (Gothic). As these orders had to struggle with the heresy of Cathars (widespread in the region), so they were most interested in creating a new type of cult architecture called “predicatory Church”, which would be different from the classic Gothic of Île-de-France. Further, when the struggle with heretics became repressive (with the introduction of inquisitional tribunals), it was bishops from the Dominicans who initiated the development of the concept of religious Gothic structures in the style of “indestructible fortress of faith”; they were erected in the areas (Albi, towns of the Toulouse diocese) where the struggle with the Cathars was at its peak. And vice versa, where the heresy of the Cathars was completely extirpated either by repressions (Béziers) or by resettling the population infected by heresy from captured towns (Carcassonne, Narbonne), cathedrals were built as a mere imitation of the “Parisian Gothic”, which later caused such a dismissive attitude to the Gothic of Languedoc.

Another important factor which in a most prominent way influenced the formation of peculiar ideological and artistic programs of Occitany's Romanic and Gothic became the heritage of Rome's ancient tradition, the latter achieving its further development in a wealth of images in the Romanesque architectural school of Languedoc and Provence. It is to this style of South that France and Europe owe the appearance of Gothic

sculpture plastic, the beautiful images of which are exhibited nowadays in the Museum of Augustinians in Toulouse.

Besides, Lombard architectural school (partially Tuscan) influenced greatly the formation of Languedoc's peculiar Romanic and Gothic, because the towns of Occitany and Lombard were connected by both trade and political, as well as religious ties (the Cathars doctrine). The architectural schools of Anjou (through its trade, political and dynastic ties), Burgundy and Auvergne (connected with Occitania from early Christian times) also had a great impact on the formation of Languedoc's Gothic.

On the whole, speaking about the religious Romanic and Gothic of Occitany of that time, we can point out some regional features. The architecture of cathedrals and churches is not so prevailing as of the "classic" cathedrals of northern France, because the outer wall preserves its massiveness and density specially accentuated by abutments adjoining tightly the wall. The shell of the wall seems to hide the chapels, and as a rule there is no transept. Thus, the wall plane gets back its rights despite the fact that it is profiled with orbs, mashiculi or round skylights (under the influence of the Lombard school). The volumes of buildings tend to greater cliquishness, removing systematically all "extra" protrusive details; it is typical for the 14th c. religious Gothic architecture of parish churches, influenced by mendicant religious orders. Chapels occupy the space indoors between buttresses and are an integral part of the whole. Sculpture tends to occupy the inner part of the interior, moving there from the outer space of Gothic portals. "The Bible for the illiterate" — church wall painting scenes devoted to Christ, Virgin and the saints — plays an important role in the creation of the mystical mood of parishioners along with traditional Gothic stained glass windows. The religious Languedoc Gothic has almost no example of the "classic" two-tower scheme of the western façade, with the exception of "imitative cathedrals" in Narbonne and Beziers. Western façades in the Languedoc Gothic style have a restrained, even austere, interpretation, and single bell towers similar to Italian campaniles directly adjoin the side of the building.

Thus, we can say that Occitany's Gothic was not of an obviously imitative character, as it was considered earlier; its peculiarity was conditioned by various ideological and artistic programs, the intersection and combination of which created such a variety of forms of religious Gothic constructions in a small enough region. It was the religious Languedoc's Gothic that later exerted a material effect on the formation of the original Catalan Gothic of the Kingdom of Aragon and the peculiar Gothic of the Kingdom of Palma-Mallorca.

In his monographs "The religious Gothic of Languedoc" (Moscow Stroganov Academy, NPO Orius, 2010) and "Anticatharistic fortresses of faith — the religious Gothic of Languedoc" (Lambert Academic

Publishing, GmbH, 2012) the author suggests the following classification of the researched religious Gothic structures:

1. Monastic churches of mendicant orders (first of all those orders, whose creation had fighting the Cathars' heresy as their aim or the reason of foundation). To these orders we should first of all pertain the order of "mendicant preachers", or the Dominican order, whose origination, organization and activities were connected with the Cathari doctrine. A wonderful model of Gothic "predicatory church" in a Dominican monastery in Toulouse is an evidence of it. The monographs contain a semantic analysis of the Gothic forms of the Jacobins church in Toulouse as an "anticatharistic" preaching in the material, through its architectural forms.

Besides, the author analyses the architectural forms, composite solutions and conceptual iconographic programs of religious Gothic structures of the "predicatory" type. Apart from the church of a Dominican monastery, the author investigates the church of an Augustinian monastery (now the Augustin museum). The iconography of this church was greatly influenced by the ideological and artistic programs embodied in the Jacobins church. The Activities of the Augustinian missionary order was brought to life (even if indirectly) by the necessity to cleanse the Church through the promotion of the concept of «return to earlier simple life» of early Church, which was determined by the speeches of Albigensian preachers revealing the abuse of Catholic prelates of the South. Based on the above, the church of the Augustinian monastery can also be considered as a "Predicatory Church".

2. Churches of urban and rural parishes located in those regions, where the spread of the Cathar heresy, and therefore the intensity of the struggle against them were especially great. We also suggest the division of parish churches into two sub-groups according to the characteristics that stand out in one group or another.

– The first subgroup includes churches, whose ideological and artistic program was directly or indirectly influenced by the iconography of the churches of Toulouse "mendicant orders" and partly by the lofty Gothic of Northern France: Notre-Dame la Dalbade and Saint-Nicolas in Toulouse, Saint-Michel in Carcassonne. That kind of churches was built in the regions where the anticatharistic preaching was carried out in word and deed (the Tribunal of the Inquisition), and, as a result, "the Dominican component" of the Jacobins church in Toulouse takes the leading place in the basis of ideological and artistic programs of these religious buildings. There are simple and strict external forms and a well thought-out semantic and iconographic scheme of the epic building in general.

– The second subgroup comprises churches, whose iconography reveals the typical features of Toulouse and Occitany: Saint-Salvy in Albi and parish churches with west facade being of a decorative character, a kind of

screen: Notre-Dame du Taur and Midi toulousain churches. The research of ideological and artistic programs of these religious buildings reveals the presence of a long-standing tradition of Romanesque Languedoc, i.e. the construction of single-nave buildings (originally without the apse at times) spanned with simple bars. Later, a special type of parish churches was formed in connection with Albigensian wars and the necessity to conduct the anticatharistic preaching and under the influence of ideological and artistic programs of Dominican “predicatory” churches. Due to the peculiarities of financing the construction of parish churches, their western facades acquire an independent role of a front-screen, i.e. a façade that doesn’t perform any constructive function (except, probably, a few bells, which, however, are mounted later).

3. Cathedral churches (churches which were built where there was an episcopal or archiepiscopal see) built in the towns where the spread of the Cathars’ heresy and therefore their influence on city life and culture was so great that the Catholic church was forced to found there constant tribunals of the Holy Office for the extermination of heretics. So here the division into three sub-groups is appropriate.

– In the first sub-group there should be churches which were built “in accordance with the models of the French Kingdom”, as Narbonne’s canons would write, and which were built directly under the influence of the Parisian “radiant” style. Such are, first of all, the Saint-Nazaire cathedral church in Upper Carcassonne (the capital of the possessions of viscounts Trencavel). The reconstruction, while in fact the construction, of the church anew was caused by a wide spread of the Cathars’ heresy in the region and, as a consequence, by complete expulsion of the citizens to Lower City (Bastida) after seizing Carcassonne. The new citizens (true Catholics) and the new regents (the king’s seneschal) naturally aspired to confirm power of the King of France through ideological and artistic programs of the “radiant” Gothic, which by that time had become international. Taking into account the importance of strengthening his power in Languedoc, Saint Louis the King personally took the initiative in building the Saint-Nazaire cathedral. It is due to these reasons that the choir and the transept of the Saint-Nazaire cathedral in their Gothic part virtually reproduce the concept of the royal chapel of Sainte-Chapelle. The construction of the cathedral performed under the control of French kings Saint Luis and Phillip the Bold in 1269–1322, together with the double system of defensive walls of Carcassonne, was undoubtedly a realization of “the royal concept of the world” in Languedoc. That was why both specialists from the French kingdom and local masters were invited for the erection of a symbol of that power. Despite the fact that the building of the cathedral never finished, the ideological and artistic programs and constructive solutions which were applied during the erection of Saint-Nazaire had a big impact on the formation of the French-Occitan Romanic

and Gothic alliance in Languedoc architecture. In particular, the “radiant” Gothic of Carcassonne had an indubitable influence on religious Gothic constructions in the cities of Beziers (the cathedral of Saint-Nazaire) and Narbonne (the cathedral of Saint-Just-Saint-Pasteur).

– The second sub-group should include the cathedrals of the “transitional type”; during their construction the new Gothic design of space and masses was based on the rich inheritance of the Romanesque architecture of Occitany. Among them are, first of all, “the majestic Toulouse” (the capital of the Toulouse county) with the Saint-Etienne cathedral. The features of iconography due to which this religious building can be related to the “transitional” type first of all ride on the historical and cultural features of the city itself as the heart of Quatari heresy and the main center of the Occitan culture. It was in Toulouse, which until the final stages of the Albigensian wars was loyal to its suzerains (counts de Foix), that ideological and political resistance to Catholic clergy and French barons (and later to the king) prohibited erecting religious buildings in the classic Gothic style regarded as a symbol of the “occupying” power. That was why bishop Fulk (1206–1231), who initiated the reconstruction of the Saint-Etienne Cathedral, had to seek for the “architectural compromise” between the rich Toulouse’s Roman tradition and the new architectural outlook of the “French Kingdom”. Such was the original concept of the Saint-Etienne Cathedral’s erection in Toulouse (since a tense struggle with both Quataris and local clergy and patricians, partially sympathizing with them, was carried on during the construction period). Later, as this religious and political struggle was fading, the ideological and artistic scheme began to change. The materials given in Igor Orlov’s monographs clearly show that the Cathedral of a later (second) period (after 1272) was constructed according to the “classic” plan (possibly under the influence of the Narbonne Cathedral’s schemes). The bold attempt to combine the two ideological and artistic programs into one conceptual building, unfortunately, met no success. As a result, the construction of the Cathedral in Toulouse wasn’t completed till the French Revolution, that is why nowadays it demonstrates a wonderful phenomenon of mixing diverse ideological and artistic programs.

– Finally, cathedrals which most completely demonstrated the ideological and artistic programs of Occitany’s religious Romanic and Gothic and then influenced widely Romanic and Gothic architecture in other regions are to be gathered into the third group. First of all, the Cathedral of Saint Cecilia in Albi should be referred to this class. In researching this type of Gothic constructions the author primarily notes the fact that the cathedrals which are considered to be classic examples of Languedoc’s Gothic were built in the cities where Catharists’ heresy was fought most heatedly and this contention lasted for a long time. Because of this opposition Dominican inquisitors are appointed local bishops.

Surprisingly, it is to bishops-inquisitors that we owe the creation and the design of the ideological and artistic features of a Gothic cathedral of the “indestructible fortress of faith” type. The Cathedral of Saint Cecilia in Albi is the most typical example of Languedoc’s Gothic, which demonstrates the “sacramental hymn” in honor of victory over heretics and a formidable “indestructible fortress of faith”. If it comes to comparing this astonishing Languedoc’s Gothic construction with Carcassonne’s, Beziers or Narbonne’s cathedrals (which were erected according to the “classic” Gothic of Ile-de-France), it has to be noted that it has a peculiar ascetic and exalted beauty in it in contrast with the fervent dynamic of “radiant” style cathedrals. The oversimplification of configuration makes the Cathedral of Saint Cecilia look like a citadel, which produces an impression of sullen force, thus demonstrating the inevitability of judgment on heretics already here, on the Earth.

Since the period of time considered in our research is the 13th and 14th centuries, the author regarded it necessary to apply in his monographs the general scholastic scheme of designing medieval treatises of the researched period (*secundum ordinem disciplinae*), so as to move step by step from one judgment to another, constantly informing the reader on the development of this logical process. Such methods, both simple and clear, applied to the classification of religious Gothic structures made it possible to investigate the “Occitany” Gothic knowing (or assuming) before the ideological and artistic programs which were initially stipulated by the place of an erected church in the suggested classification. As a proof to support the correctness of the suggested method, which our investigation followed, it would be appropriate to quote E. Panofsky as saying that “just as the scholastic movement prepared by the Benedictine doctrine and founded by Lanfranc and Anselm of Bec was carried on and perfected by Dominicans and Franciscans, the Gothic style prepared in Benedictine monasteries and founded by Suger in Saint-Denis climaxes in city churches. The main achievements in the Romanesque period were Benedictine abbeys, in High Gothic — cathedrals, while in Late Gothic they were parish churches” .

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к Главе 1.

Истоки возникновения укрепленных культовых сооружений Окситании

43. «Право убежища» (лат. — *jus asyli*) — древнейшее право Римской республики, предоставлявшееся первоначально лишь некоторым языческим храмам и алтарям. Со времен императора Антонина это право формально было распространено на все языческие храмы, посвященные обожествленным императорам (например, таким как «храм божественного Юлия Цезаря» или «храм божественного Августа» и т.д.). Эта привилегия со времен Константина Великого была распространена и на христианские храмы по всей Империи. Интересно, что в Западной Церкви пространство в 50 шагов вокруг церкви тоже пользовалось правом убежища. Законодательным порядком *jus asyli* было признано за Церковью лишь в 431 г. указом императора Феодосия II. Прибегшие к защите храма должники, преступники, беглые рабы освобождались от преследования, а епископ должен был вступить в переговоры о прощении их вины. Со временем формально это право было перенесено и на площади перед церковью, на ограду вокруг него, и даже на жилище клириков. Во времена императора Юстиниана I было даже признано, что человек, идущий возле епископа или священника, не может быть взят силой под стражу без соизволения клирика. Более подробно об истории становления и развития «права убежища» можно прочитать в капитальной работе проф. В.В. Болотова «Лекции по истории древней Церкви» в 4 т. — Минск, «Харвест», 2008. Т. 3–4. С. 115–117.

Примечания к Главе 2.

Укрепленные церкви *eglises fortifiees* Романского периода X–XI вв.

44. «Песня о Святой Фе» (*Chanson de Sainte Foy*) приписывается серданскому автору куплетов (*chansones*), написание ее датируется периодом между 1054 и 1076 гг. Подробнее об этом можно найти: P. Alfarcic: *La chanson de Sainte Foy et les Croisades*, *Rev. des Etudes historiquee*, janv. — mars 1924.; и также — A. Bouillet: *Liber mirac. St. Fidis*, IV, 6, p. 182–183.
45. Подробнее о влиянии ломбардской школы на архитектуру различных регионов Европы можно найти: BONNET. *L'influence Lombarde dans l'architecture romane de la region montpelliaine*, *Bull.*

- Archeol. Du Comite, 1907, p. 210–218; J.-A. BRUTAILS. Notes sur l'art religieux du Rousillon, Bull. Archeol. Du Comite, 1892. (Guide du Congrès de Perpignan, 73-e session, 1906); PUIG y CADAFAALCH. Les influences Lombardes en Catalogne, Congrès archeol. De Perpignan, 1906, p. 684–703 (в этом докладе подробно излагается данный вопрос. См. также карту влияния, приложенную к докладу на с. 582 рис. 504); а также V. De TRUCHIS L'architecture Lombarde, ses origines, son extension le centre et le midi l'Europe, Congrès archeol. de France, 76 session a Avignon, 1909, vol. 2. И др.
46. Подробнее о взаимном проникновении мавританской архитектурной школы в европейскую можно найти в работе: M. Dieulafoy Espagne et Portugal (coll. Ars una), p. 76 и т.д. В качестве примеров Дьелафуа приводит башни-колокольни кастильских и каталонских церквей: Сан-Педро-де-лас-Пеллас (San-Pedro-de-las-Puellas), XII в. в Барселоне, Сан-Педро-де-Галлиган (San-Danial), XI в. в Жироне, Сен-Хуан и Сен-Пабло (San-Juan et San-Pablo) в Сан-Хуан-де-лас-Абадас, Санта-Мария-де-Риполь (Santa-Maria de Ripoll) и пр.
47. Машикули (от франц. Mache-col — «бить в голову») — навесные бойницы зубчатого парапета, вынесенные вперед и укрепленные на выступающих из стены консолях. Появились, поскольку из бойниц можно было вести огонь лишь в некотором удалении от подошвы стен, а у последней образовывалось не поражаемое («мертвое») пространство, которое позволяло неприятелю накапливаться для атаки. Некоторые сооружения такого рода имели два этажа, это упоминающиеся в описаниях Альбигойского крестового похода знаменитые «двойные катаfalки» (см.: Шуази Огюст. История архитектуры. В 2 т. / Пер. с франц. — 4-е изд. — М.: Издательство В. Шевчук, 2005. — Том 2. С. 518–520).
48. Епископ города Сен-Лизие (Saint-Lizier) считался спасителем города от нашествия сарацинов. Впоследствии религиозное и хозяйственное значение города, ярусами расположенного на холме, было подавлено возвышением соседнего города Сен-Жирон (Saint-Girons), который сумел объединить городки Сала (Salat), Лез (Lez) и Бо (Baur) и стал религиозным центром поклонения св. Жирону (Saint- Giron), христианскому подвижнику варварского происхождения, который в начале V в. проповедовал христианство в этой местности.
49. Подробнее об архитектурно-фортификационных традициях военно-монашеских орденов в Пиренейском регионе можно прочитать в работе профессора Тулузского университета «LE MIRAIL 2» М-м. Nelly Pousthomis-Dalle: Les orders relidieux militaires dans le Midi XII–XIV siècle. Editions PRIVAT, 2011. — 264 с.

50. Осевшие на завоеванном побережье Окситании и Каталонии сарацины даже после того, как христиане отвоевали у них эти земли продолжали жить там, сохраняя свою веру при христианских правителях. Их многочисленные потомки, обосновавшись навсегда во многих благодатных местах, вплоть до XIII столетия составляли отдельный, обособленный от христианского населения класс населения. Подробнее об этом интересном периоде средневековой истории Окситании можно прочесть в капитальной монографии: PAPON: *Histoire gener. de Provence*, t.II, p. 171- глава «Pour les ravages des Sarrassins en Roussillon»; а также в монографии CALMETTE et VIDAL: *Histoire de Roussillon*, 1923, p. 62.
51. Замок Сафет (Safita), известный также как Кастель-Блан (Chastel-Blanc), находится в западной части Сирии и представляет собой крепость в проходе между средиземноморским Левантом и внутренней частью страны, так называемом Хомском коридоре. Первое укрепление здесь было построено еще византийцами во второй половине X в., когда они предприняли попытку отвоевать Сирию у владевших ею мусульман. Его стратегическое значение особенно возросло в эпоху Крестовых походов, поскольку именно здесь проходило укрепленное пограничье между христианским графством Триполи (сюзереном которого являлся граф Тулузский) и мусульманскими эмиратами Хамы и Хомса. Для контроля над этими территориями и сбора дани в 1132 г. был выстроен замок, который в христианских хрониках фигурирует под названием «Chastel Blanc», или «Castrum Album», что, по всей вероятности, является переводом средневекового греческого «Argyrokastron» (Белый Замок). Современное его название является сокращением от арабского «Burdj Safitha» (т.е. «Белая Башня»). Первоначально укрепления имели форму эллипса и охватывали вершину холма по периметру. Стены были сложены из массивных каменных блоков и включали четырехугольные бастионы наподобие укреплений Тартуса или Атлита. С наружной стороны укреплений в середине XIII в. был воздвигнут гласис и вырублен в скале 15-метровый ров, а за первой линией обороны была устроена вторая. Чтобы проникнуть внутрь замка, противнику приходилось прокладывать себе путь через четверо ворот, каждые из которых были укреплены башнями. Сердцем обороны являлся 28-метровый донжон, который представлял собой массивную башню прямоугольной формы. Вокруг башни находились вспомогательные хозяйственные постройки, которые представляли собой жилища рыцарей и конюшни. Гарнизон замка насчитывал 50 рыцарей, а в лучшие времена здесь находилось до 700 воинов. В 1270 г. султан Бейбарс начал методичное уничтожение крепостей крестоносцев в северной Сирии, и в 1271 г. Сафет подвергся осаде мусульман.

После короткого и яростного сопротивления крепость была сдана, а уцелевшие защитники замка ушли в Тартус. Сегодня часовня в башне остается действующей и в настоящее время принадлежит Греческой православной церкви. К великому сожалению, большая часть укреплений замка сильно пострадала от рук местного населения, которое беззастенчиво использовало добытый из его руин камень для собственных построек. Только донжон, сложенный из массивных блоков, соединенных к тому же один с другим забитыми в камень железными штырями, как и прежде, сопротивляется натиску времени (рис. 4.9).

52. Справедливости ради стоит отметить тот факт, что скошенные основания крепостных башен также можно иногда встретить в некоторых романских фортификационных сооружениях Галлии: подробнее об этом см., например, в работах М.А. Blanchet: pl. XI «башня Магдалена» (tour-Magdeleine) крепости Ман (du Mans), или pl. XIII, 4 башня крепости Дакс (de Dax).
53. Возведение замка госпитальеров Крак-де-Шевалье (Krak-des-Chevaliers) общепринято датируется началом XIII в., основываясь на известных работах барона Ж. Рея (baron J. Rey). Однако М. Дьелафуа (M. Dieulafoy) в своих исследованиях придерживались иного мнения и относили дату возведения Крак-де-Шевалье к середине XII в. Мы также считаем вместе с Р. Реем (R. Rey), что этот замок был возведен позже замка Кастель-Блан (Chastel-Blanc), а впоследствии был подвержен второстепенным реставрационным работам после его осады армиями Нуреддина (Noureddin) и Саладдина (Saladdin), а также особенно после сильного землетрясения 1202 г.
54. Подробнее об этом можно найти в работе Д. Прингла «Архитектура Латинского Востока 1098–1571». (The Oxford Illustrated History of the Crusades / Edited by J. Riley-Smith.: Oxford University Press, 1995. Part VIII); а также в работах: T. S. R. Boase, Castles and Churches of the Crusading Kingdom / Oxford, 1967; J. Folda, Crusader Art in the Twelfth Century / Oxford, 1982.
55. Апсида — выступ культового христианского сооружения, расположенный в алтарной, как правило, в восточной части храма и перекрытый полукуполом или полусводом (конхой).
56. Хоры — верхняя открытая галерея или балкон христианского храма (расположенные, как правило, на втором ярусе), на которых располагались певчие.
57. Трансепт — поперечный неф (проход) в культовых церковных зданиях базиликального типа.
58. Сохранившиеся до наших дней постройки эпохи Крестовых походов в Леванте и Святой земле (согласно перечню Э. Виймар):

- *Турция. Графство Эдесское. Христианские постройки:* УРФА (Эдесса), ЖЕРЖЕ (возле Эски Кахты), БИРЕСИК (Биль), ТЕЛЛ БЕШИР (Турбессель, в 29 километрах к югу от Газантипа).
  - *Княжество Антиохийское. Христианские постройки:*
АНТАКЬЯ (Антиохия), БАГРАС (Гастон, Гастюн, в 26 км к северу от Антакьи), КЮРСАТ (16 км от Антакьи, затем 45 минут пешком), ТРАПЕЗАХ (деревня Ала Бейли, в 44 км от Антакьи).
  - *В Сирии. Королевство Иерусалимское. Христианские постройки:*
КАЛААТ эль-СУБЕЙБ (территория, принадлежащая Израилю, замок Банияс).
  - *Княжество Триполи (рекомендуется двигаться от Тартуса):*
ТАРТУС (Тортоса), РУАД (остров напротив Тартуса), КАЛААТ ЯМУР (Шатель Руж, на дороге в Хомс), САФИТА (Шатель Блан), КАЛААТ эль-ГИСН (Крак де Шевалье).
  - *Княжество Антиохийское:*
МАРКАБ (замок Маргат в 2 км от Банияса, бывший на дороге между Триполи и Латтакией), КАЛААТ САЙУН (замок Саон, его можно посетить, выехав из Латтакии), КАЛААТ БЕЙТ РАББИ (замок Бюрзей, можно посетить, выехав из Латтакии).
  - *В Ливане. Графство Триполи. Христианские постройки:*
ТАРАБУЛУС (Триполи, Триплъ), ДЕИР БАЛАМАНД (в 14 км, аббатство Бельмон, или Вальмон), АККАР (40 км на восток от Триполи, трудно добраться).
  - *Королевство Иерусалимское:*
БЕЙРУТ, САИДА (Сайетта, Сидон): Калаат эль-Бар или замок Моря.
  - *На дороге из Саиды в Мерджайун:*
КАЛААТ эш-ШАКИФ (замок Бофор), СУР (Тир), ТИБНИН (замок Торон в 34 км).
  - *В Иордании. Королевство Иерусалимское. Христианские постройки:*
ИЕРУСАЛИМ (старый город находится под военной юрисдикцией Израиля), ЭЛЬ-КЕРАК (Крак де Моаб), ШАУБАК (Монреаль).
  - *В Израиле. Королевство Иерусалимское. Христианские постройки:*
КАЛААТ КУРЕЙН (замок Монфор), АКРА (Сен-Жан-д'Акр), АТЛИТ (Шатель Пелерин), МОН ФАВОР, ЦЕЗАРИЯ (Сезер), РАМЛА, АБУ ГОШ (Кариэль эль-Энаб), АШКЕЛОН (Аскалон), НАЗАРЕТ.
59. Контрфорс — устой, поперечная стенка или вертикальный выступ, укрепляющий (поддерживающий) несущую конструкцию здания.
60. Тартус (Торотоса) — основан в древности как Антарадус (Анти-Арадус — город, смотрящий на Аруад) финикийской колонией Арадус (сегодня остров Аруад). Он был заново отстроен в 346 г. н.э. императором Константином I, который переименовал его

в Констанцию. Город процветал в течение римского и византийского периода. Он был главной христианской цитаделью, а в IV веке здесь была построена часовня, которая, как утверждают христианские источники, является первой часовней, посвященной Деве Марии (Богородице). Крестоносцы заняли Тартус, далее известный как Тортоса (Тортоза), во время Первого Крестового похода, превратив его в город-крепость, и успешно защищали его от опустошительных нападений в XII в. В 1123 г. крестоносцы построили на месте старинной часовни, посвященной Деве Марии, величественный кафедральный собор «Девы Марии Тортосской». В алтаре собора и поныне хранится древняя чудотворная икона Девы Марии (Богородицы), которую, как полагают, нарисовал Святой Апостол и Евангелист Лука, которая привлекает множество паломников со всего света. Похожая икона (возможно, древний список) находится в Саедная. Султан Нур-Аль-Дин захватил Тартус на короткое время, но затем город был вновь отбит крестоносцами. Тортоса была передана под защиту и управление Ордена тамплиеров, которые восстановили и усилили обороноспособность города. Затем город снова был захвачен Султаном Саладином в 1188 г., однако вновь был отбит, заново восстановлен и оставался под контролем Ордена тамплиеров вплоть до 1291 г. Тортоса (Тартус) была последним оплотом, который тамплиеры имели в Сирии. Отсюда они переправились на Арвад, который удерживали еще десять лет. С началом османского завоевания город утратил свою значимость, пока его порт вновь не получил развитие уже в XX столетии.

61. Подробнее об архитектурно-художественных особенностях Овернской (и других) школ Романского периода можно найти в прекрасной работе Н.К. Соловьева: История интерьера. Древний мир. Средние века: Учебник / Н.К. Соловьев. — 3-е изд., испр. — М.: В. Шевчук, 2007. — 384 с.
62. Тамплиеры / Храмовники (фр. Temple — храм) — духовно-рыцарский орден, созданный девятью французскими рыцарями во главе с Гуго де Пейном из Шампани (Бургундии) и Готфруа Сент-Омерским в Иерусалиме в 1118—1119 гг. вскоре после Первого крестового похода. Полное наименование ордена — «*Paupere Commilitiones Christi Templique Salomonici*» (бедное рыцарство из Храма Соломонова). Целью ордена тамплиеров заявлена защита христианских паломников в Палестине и Сирии. Благодаря энергичной поддержке цистерцианского подвижника Бернара Клервоского (дядя которого Андрей был одним из девяти рыцарей-основателей), написавшего пламенное послание в прославление «нового рыцарства» («*Liber de lande novae militia ad milites Tampli*»), на церковном соборе в Труа в 1128 г. орден получил

Устав, который утвердил папа Гонорий II. В 1139 г. папа Иннокентий II в своей булле «*Omne Datum Optimum*» («Всякий дар совершенен») предоставил ордену исключительные привилегии (освобождение от уплаты церковных налогов, самоуправление, право возведения собственных часовен и храмов, «право убежища» и пр.), изъяв его из общей церковной юрисдикции местных епископов и патриархов и подчинив непосредственно папе. Орден состоял из рыцарей и сержантов, клириков и служителей. Возглавлял орден Великий магистр (гроссмейстер), избиравшийся Конвентом пожизненно и обладавший почти абсолютной властью. Благодаря такой поддержке храмовники получили значительную поддержку почти всех владетельных домов Европы. Император Лотар подарил им часть своих родовых владений в графстве Суцилинбург. Ему последовали король Генрих I Английский, граф Дитрих Фландрский, граф Раймонд Беренгар Барселонский и многие другие сеньеры. Со временем тамплиеры (*milites Templi*, *Templari*) стали наиболее могущественным военно-монашеским орденом в Палестине и Европе. Например, в XIII столетии численность тамплиеров составляла около 18 000 человек, а «провинции» (владения) ордена имелись в Палестине, Сирии (Сафет, Тортоза, Шастель пелерин, Торан, Крак де Шевалье и пр.), Апулии, Сицилии, Аквитании, Провансе, Лангедоке, Каталонии и Арагоне, Испании, Португалии, Фландрии, Англии, Ирландии, Шотландии, Чехии, Венгрии, Польше и других странах. Благодаря богатым пожертвованиям, торговле и ростовщическим операциям тамплиеры в XIII веке становятся крупнейшими международными банкирами Европы и владеют громадными земельными фондами (особенно на Юге Франции). К финансовым услугам тамплиеров прибегают папы, короли и более мелкие государи. Королевская казна Франции хранится в Париже в Тампле (резиденции тамплиеров). В этом же XIII столетии орден Храма уже владел 9 тысячами замков и ему полностью принадлежал остров Кипр.

63. Цистерцианцы (бернардинцы) — монашеский орден, отличавшийся особой строгостью устава, представлял собой ветвь ордена бенедиктинцев. Название цистерцианцев произошло от названия монастыря *Cistercium*, основанного в 1098 году святым Робертом (основателем этой ветви монашества), на том самом месте, где теперь расположен городок Сито (*Cîteaux* — департамент Кот д'Ор). Роберт проповедовал возврат к «чистоте» нравов и строгости правил монашества времен св. Бенедикта Нурсийского. Папа Пасхалий II взял монастырь под свое покровительство и утвердил свод правил «*Instituta monachorum Cisterciensium*», которые составил приемник Роберта монах Альберих. Строгость

и аскетизм жизни цистерцианцев создали им высокий авторитет в обществе. Авторитет ордена особенно возрос благодаря деятельности яркого представителя цистерцианцев Бернара Клервоского (1091—1153), который в силу своих высоких личных достоинств пользовался громадным влиянием на современников. Его часто называли вторым основателем ордена, который иногда даже называли «бернардинским» вместо цистерцианцев. Благодаря его проповеди уже в 1200 г. ордену принадлежало около 2000 монастырей во Франции, Германии, Англии, Испании, Италии, Венгрии и Скандинавии. Во главе ордена стоял аббат центрального монастыря Cistercium, который вместе с четырьмя аббатами старейших монастырей — Клервоского (1131), Лаферте (1115), Понтиньи (1114) и Моримонского (1115) — составлял коллегия, управлявшую всеми делами ордена под непосредственным надзором римского папы. Генеральный капитул собирался раз в год в Сито. Вершина славы ордена цистерцианцев пришлась на XII столетие, когда авторитет св. Бернара был непререкаем и громкая слава монахов-бернардинцев распространилась по «всему христианскому миру», а сам орден занимает первое место среди прочих по своему богатству и влиянию. Непосредственно под влиянием цистерцианцев в дальнейшем создаются военно-монашеские рыцарские ордена тамплиеров в Палестине, Калатравы, Алькантары, Монтеза и Альфама — в Испании, фельянтинцев и траппистов — во Франции. Однако позднее с связи с отступлением от строгости правил и внутренних раздоров среди аббатов авторитет цистерцианцев падает. С XVIII века начинаются правительственные гонения на орден в Австрии и во Франции, где власти просто изгоняют монахов и закрывают монастыри. В настоящее время несколько цистерцианских монастырей осталось в Италии, Австрии, Бельгии, Швейцарии и Польше.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Августин Бл. О граде Божием. — Минск, 2000.
2. Антология средневековой мысли. Т. 1–2 / под ред. С. Неретиной. — СПб., 2008.
3. Аполлинарий Сидоний. Жалоба на враждебность варваров / пер. О. Смыки // Поздняя латинская поэзия. — М., 1982.
4. Аристотель. Сочинения. Т. 1–4. Под ред. З.Н. Микеладзе. — М., 1978.
5. Бартинян Р.М. Источники для изучения истории павликианского движения. — Ереван, 1961.
6. Боэций. Комментарий к Порфирию I / пер. Т.Ю. Бородай // Средневековые в свидетельствах современников. — М., 1984.
7. Витрувий. Десять книг об архитектуре. Т. 1. — М., 1936.
8. Ваганты. Поэтический сборник. Составитель В.Б. Муравьев под ред. Н.В. Алехина. — М., 1998.
9. Григорий Турский. Житие Отцов / Vita Patrum. Пер. о. Серафим (Роуз), П.Бартлет и Л. Васениной / под ред. о. Серафим (Роуз). — М., 2005.
10. Евсевий Памфил. Церковная история. — М., 1993.
11. Мистическое богословие Восточной Церкви / Ориген. Григорий Нисский.
12. Дионисий Ареопагит. Пер. Л.С. Кукушкиной. — М., 2001.
13. Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. — М., 1970.
14. Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. — М., 1972.
15. Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. — М., 1988.
16. Платон. Диалоги. Сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев. — М., 1986.
17. Поздняя латинская поэзия. М., 1982.
18. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. / «Библиотека всемирной литературы». Т. 23 / под ред. М. Ваксмахера и С. Шланоберской. — М., 1974.
19. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. — М., 1990.
20. Регистры ремесел Этьена Буало / пер. Л.И. Кисилевой под ред. А.Д. Люблинской. — «Средние века». Вып. X–XI. — М., 1957–1958.
21. Средневековый роман и повесть. / «Библиотека всемирной литературы». Т. 22. Под ред. С. Шланоберской. — М., 1974.
22. Средневековые в свидетельствах современников. — М., 1984.
23. Тайные фигуры розенкрейцеров: каталог / под ред. фон Эрцен-Глерон В.Э. «Ваклер», 1997.
24. Хрестоматия по западноевропейской литературе / сост. проф. А. Шор. — М., 1938.
25. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. Т. I–II. — М., 1938–1939.

26. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. Т. I—III. — М., 1949—1950.
27. Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. С.Д. Сказкина. Т. I—II. М., 1961—1963.
28. Хрестоматия по истории средних веков (V—XV века). Под ред. В.Е. Степанова и А.Я. Шевеленко. Ч. 1—2. — М., 1980.
29. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. — М., 1932.
30. Ямвлих. О Пифагоровой жизни. Пер. И.Ю. Мельниковой. — М., 2002.
31. Alain de Lille. *Anticlaudianus*. Ed. R. Bossuat. Paris, 1955.
32. Allix P. *Remarks upon the Ecclesiastical History of Ancient Churches of the Albigenes*, 1962. Reedition: Oxford, Clarendon Press, 1821.
33. Bacon R. *Opus Majus*. Ed. with intr. and analytical table by John. Vol. I—III. Oxford, 1900.
34. Bacon R. *Essays*. Col. and ed. by Little. Oxford, 1914.
35. Baronius, *Annales ecclesiastici a Chronicon nato ad annum 1198*, Mainz, 1605.
36. Saint Bernard. *Oeuvres mystigues*. Trad, et pres. Par A. Beguin. Paris, 1953.
37. Benoist. *Historiae des Albigeois et des Vaudois ou Barbets* (2 v. in 12). Paris, 1691.
38. S. Bonaventurae *Opera omnia*, vol. 1—10, Firenze, 1883—1902.
39. *Cahiers de Fanieaux, Cathares en Languedoc*, Privat, Toulouse, N 3, 1968.
40. Circei A *Arquitectura gotica Catalana*, Barcelone, 1968.
41. Charlres de Fanjaux *La naissance et l'essor du gothique meridional au XIII siecle*, 1974.
42. *Cartulaire de Beziers (Livre Noire de Saint-Nazaire)* / Ed. J. Rouquette. M.: P., 1918.
43. Catel, *Historiae des comtes de Tolose*. (издание с древнейшего Манускрипта Парижской библиотеки № 261: *Guilelmus de Podio Laurenti Chronicon super historia negoti Francorum sive bellorum adversus Albigenes ab a. 1092—1271, sen historia Albigenium*), 1623, p. 49, app.
44. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*, Wien.
45. Dando M. *Les origins du Catharisme*, edit. du Pavillon, Paris, 1967.
46. Dante. *Tutte le opera*, a cura di Luigi Blasucci, Sansoni, Firenze, 1965 (contient *Il Fiore*).
47. *Documents de l'histoire du Languedoc* // Publ. Sous la direction de Ph. Wolff. Toulouse, 1969.
48. Dondaine, A.O.P. *Le Liber de duobus principiis (un traite manicheen du XIII siecle, suivi d'un fragment du Pituel cathare)*; Instituto storico domenicano, Santa Sabina, Roma, 1939.
49. *La Liturgie et l'Eglise Cathares, Cahiers d'Etudes Cathares*, printemps 1965, automne 1967, Arques, Aude, 1967.
50. Du-Chesne, *Historiae Francorum scriptores coetanei*. 1649.
51. Dupont A. *Les cites de la Narbonnaise Premiere depuis les invasions germaniques jusqu'a l'apparition du consulat Nimes*, 1942.
52. Ias. *De Waldensium secta ab Albigenibus bene distinguenda*. (Leyde. 1834, in 4).
53. Fauriel, *Collection de Documents medits*, 1857.
54. *Gallia Christiana*. Paris., 1715—1863.

55. Gouron A/ Diffusion des consulat dans le Midi de la France // La ville. Part 1. Bruxelles, 1954. P. 348–366.
56. Holt E.C. A Documentary History of Art. New York, 1957.
57. Hugonis de Sancto Victore Practica geometriae. Ed. R. Baron. — “Osiris”, XII, 1956, p. 176–224.
58. Hugh of St. Victor. The Didascalicon. Ed. J. Taylor. New York, London, 1961.
59. Rainerii Sacchoni. Summa de Catharis et Leonistis, Gott., 1834.
60. Imbert J. Histoire du droit prive. Paris, 1972.
61. Johannis Duns Scoti Opera omnia. Ed. Ch. Balic, Vaticano, 1950.
62. Jean Fornier de Montauban. Historiens des guerres faites en plusieurs lieux de la France etc., Tolosa, 1562.
63. Jean Leger. Histoire generale des Eglises evangeliques des vallees de Piemont ou Valdoises, divisee en deux livres, Leyde, 1669.
64. Jean du Tillet. Sommaire de la guerre faite contre les heretiques albigeois, Paris, 1590.
65. Jean Chassanion. Histoire des Albigeois, touchant leur doctrine et religion, contre les faux bruits qui ont este semes d'eux, et les ecrits don't on les a tort diffames; et de la cruelle et longue guerre qui leur a este faite, pour ravir les terres et seigneuries d'autrui, sous couleur de vouloir extirper l'heresie, en 4 livres. (Paris, 1595, in 16).
66. Jean Paul Perrin. Histoire des chrestiens albigeois, contenant les longues guerre, persecutions qu'ils ont souffert a cause de la doctrine de l'Evangile; le tout fidelement recueilli des historiens qui en ont escrit, et des memoires, qui nous ont este fournies par personnes dignes de foy, (Geneva, 1618, in 16).
67. Luca Tudensis. Adversus Albigensium errors. Ing., 1603.
68. The Medieval World. Ed. By N.F. Cantor. New York, 1967.
69. Martin-Chabot E. La chanson de la croisade les Albigeois, traduite du provençal, 3 vol., Les Belles-Lettres, Paris, 1960–1961.
70. Maitland. Facts and documents, illustrative of the history, doctrine and rites of the ancient Albigenses and Waldenses (London, 1833, in 8).
71. Meister Eckhart. Die deutshe und lateinische Werke. Stuttgart, 1956–1962. Bd. I-III.
72. Migne J.P. Patrologia Latina, cursus completes. 1844–1864.
73. Migne J. Patrologiae cursus completes. 1855.
74. S. Pantaleonis. Annales Colonienses Maximi (ab 576 usque ad a. 1237). (Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 2 Ausg. Berlin, 1866, S. 500).
75. Petrus Sarnensis seu monachus coenobii Vallium Cernait (Pierre de Vaux-Cernay, P. Cern). Historia Albigensium et sacri belli in eos anno 1209 suscepti duce et principe Simone de-Monteforti. 1615.
76. Selections from medieval philosophers. Vol. 1–2. New York, 1957–1958.
77. Textes philosophiques du Moyen Age. Paris, 1958.
78. Theophilus De Diversis Atribus. Ed. By C.R. Dodwell. London, 1961.
79. Thomas Aquinas. De veritate catholicae fidei contra gentiles. Vol. I-II. Paris, 1854.
80. Thomas Aquinas. Opera omnia. Roma, 1882 и след. годы.

Литература

1. Арсеньев Ю.В. Геральдика [Текст] / Ю.В. Арсеньев — М.: ТЕРРА, 2001.
2. Арсеньев (о. Иоанн). Секты Европы. От Карла Великого до Реформации [Текст] / Ю.В. Арсеньев — М.: ВЕЧЕ, 2005.
3. Алпатов М.В. Всеобщая история искусств [Текст]: в 2 т. Т.1 — М.-Л., 1948.
4. Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве [Текст] / Л. Альберти. — М., 1935.
5. Альфан Л. Великие империи варваров [Текст] / Л. Альфан. — М.: ВЕЧЕ, 2006.
6. Бартенев И.А. Форма и конструкция в архитектуре [Текст] / И.А. Бартенев. — Л., 1968.
7. Бартенев И.А., Батажникова В.Н. Очерки истории архитектурных стилей [Текст] / И. А. Бартенев, В.Н. Батажников. — М., 1983.
8. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919.
9. Библейская энциклопедия [Текст] / под ред. Архим. Никифора. — М., 1891.
10. Брунов Н.И. Пропорции античной и средневековой архитектуры [Текст] / Н.И. Брунов. — М., 1935.
11. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры: [Текст] / Н.И. Брунов: в 2 т. — М.-Л., 1937.
12. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.-Л., 1940.
13. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М., 1964.
14. Верман К. История искусств всех времен и народов: в 3 т. СПб., 1903.
15. Виоле-ле-Дюк Э. Беседы об архитектуре. — М., 1938.
16. Виоле-ле-Дюк Э. Жизнь и развлечения в Средние века. СПб., 1997.
17. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства [Текст] / Б.Р. Виппер. — М.: В. Шевчук, 2004.
18. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций [Текст] / О.В. Вовк. — М.: ВЕЧЕ, 2005.
19. Всеобщая история архитектуры: в 2 т. — М., 1958–1963.
20. Всеобщая история архитектуры: в 2 т. — М., 1960–1975.
21. Всеобщая история искусств: в 6 т. — М., 1956–1965.
22. Гартман К. История архитектуры: в 2 т. — М., 1936–1938.
23. Генон Р. Символы «Священной науки». — М.: Беловодье, 2002.
24. Глазычев В.А. Эволюция творчества в архитектуре. — М., 1986.
25. Гнедич П.П. История искусств. Зодчество. Живопись. Ваяние. В 3 т. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
26. Гоголь Н. В. О средних веках. Сщч. Т. 5. — М., 1889.
27. Гоголь Н.В. Об архитектуре нынешнего времени. Соч. Т. 5. — М., 1889.
28. Гофф Ле Ж. Рождение Европы. — СПб.: ALEXANDRIA, 2008.
29. Груббе Г., Кучмар А. Путеводитель по архитектурным формам. — М.: СТРОЙИЗДАТ, 1990.
30. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М., 1984.

31. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М., 1989.
32. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М., 1990.
33. Даркевич В.П. Путиями средневековых мастеров. — М., 1972.
34. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. — М., 1988.
35. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. Пародия в литературе и искусстве IX—XVI веков. — М., 2004.
36. Дворжак М. Идеализм и натурализм в готической скульптуре и живописи. — В кн.: Дворжак М. Очерки по искусству средневековья. — М., 1934.
37. Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. — СПб., 1902.
38. Дживелегов А.К. Вольный город в Европе. М., 1922.
39. Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). — Пг., 1918.
40. Добиаш-Рождественская О.А. Западная Европа в Средние века. — Пг., 1920.
41. Добиаш-Рождественская О.А. Западные паломничества в Средние века. — Пг., 1924.
42. Добиаш-Рождественская О.А. Западное средневековое искусство. — В кн.: История искусств всех времен и народов. Т. 4 — Л., 1929.
43. Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. — М., 1987.
44. Доброклонский М.В. Западноевропейский рисунок средневековья IV—XIV века. — «Труды Госуд. Эрмитажа», т. 1. — М.-Л., 1956. С. 40—42.
45. Дюби Ж. Европа в Средние века. — Смоленск., 1994.
46. Иконников А.В. Художественный язык архитектуры. — М., 1985.
47. История архитектуры в избранных отрывках. — М., 1935.
48. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. раздел «Средние века». — М., 1962.
49. Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. — М., 1912.
50. Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков. — СПб., 1912.
51. Карсавин Л.П. Очерки средневековой религиозности в XII—XIII веках. — СПб., 1915 (новое издание в 1997).
52. Карсавин Л.П. Культура средних веков. — Пг., 1918.
53. Карсавин Л.П. Католичество. — М., 1918.
54. Карсавин Л.П. Культура Средних веков. — М., 1918.
55. Карсавин Л.П. Святые Отцы и Учители Церкви. — М.: Издательство МГУ., 1994.
56. Карташов А.В. Вселенские соборы. — Клин: АТЛАСС-ПРЕСС, 2004.
57. Каплун А.И. Стиль и архитектура. — М., 1985.
58. Кидсон П., Мюррей П., Томсон П. История английской архитектуры. — М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2003.
59. Ковалевский М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1—3. — М., 1898—1903.

60. Кон-Винер. История стилей изобразительных искусств. — М.: В. Шевчук, 2001.
61. Коплстон Ф. История философии. Средние века. — М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2003.
62. Кожин Н.А., Сидоров А.А. Архитектура средневековья. — М., 1940.
63. Кузнецов А.В. Своды и их декор. — М., 1938.
64. Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы: в 2 т. — М.-Л., 1931.
65. Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Пер. с франц. Т. 2–3. — М., 1897.
66. Лапковская Э.А. Прикладное искусство Западной Европы VII–XV веков. Гос. Эрмитаж. Путеводитель по выставке. М., 1956.
67. Лапковская Э.А. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. М., 1971.
68. Лебек С. Происхождение франков. V–IX века. — М.: СКАРАБЕЙ, 1993.
69. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М., 1992.
70. Лозинский С.Г. История папства. — М.: Политическая литература., 1986.
71. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. — М., 1991.
72. Ляковская О.А. Французская готика. Архитектура, скульптура, витраж XII–XIV веков. — М., 1973.
73. Маль Э. Религиозное искусство XIII века во Франции. — М., 2009.
74. Маркузон В. Семантика и развитие языка в архитектуре (Архитектурная композиция). — М., 1970.
75. Мессель Э. Пропорции в античности и в Средние века. — М., 1936.
76. Михайловский И.Б. Архитектурные формы античности. — М.: Архитектура-С, 2004.
77. Мокрецова И.П., Романова В.Л. Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях. 1270–1300. — М., 1984.
78. Мокульский С.С. История западноевропейского театра. — М., 1936.
79. Муратова К.М. Средневековый бестиарий. — М., 1984.
80. Муратова К.М. Мастера французской готики. Проблемы теории и практики художественного творчества. — М.: Искусство, 1988.
81. Некрасов А.Н. О некоторых пространственных явлениях в готической архитектуре. Иваново-Вознесенск, 1962.
82. Нелли Р. Катары. Святые еретики. — М.: ВЕЧЕ, 2005.
83. Нессельштраус Ц.Г. Искусство Западной Европы в Средние века. — М., 1964.
84. Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего средневековья. — СПб., 2000.
85. Осокин Н.Н. История альбигойцев и их времени. — М.: АСТ, 2000.
86. Орлов И.И. Культовая готика Лангедока. Монография. МГХПА им. С.Г. Строганова / И.И. Орлов. — Липецк: ПК «Ориус», 2010. — 375 с.
87. Орлов И.И. Антикатарские «крепости веры». Монография. / И.И. Орлов. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH, 2012. — 437 с. илл. ISBN 978–3–8473–2675–5 (25 п. л.)
88. Орлов И. И. Культовая архитектура Окситании «eglises fottificées» XIII–XV вв. Монография. / И. И. Орлов. — Липецк: Издательство ЛГТУ, 2013–338 с. илл. ISBN 978–5–88247–587-0 (21,1 п. л.)

89. Орлов И.И. Укрепленные церкви Окситании «*eglises fortifiées*» XI–XV вв. Целостный подход к тайне уникальных сооружений. Монография. / И.И. Орлов. — Saarbrücken. Germany: Palamarium Academic Publishing, 2014. — 437 с. с илл. ISBN 978–3–659–9803–2. (25 п. л.)
90. Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. — М., 1998.
91. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
92. Панофский Э. Этюды по иконологии. — СПб.: Азбука-классика, 2009.
93. Петрусеви́ч Н.Б. Искусство Франции XV–XVI веков. — Л., 1973.
94. Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. Горький, 1941.
95. Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XIX вв. — М., 1952.
96. Пон И.И. Искусство Чехии и Моравии IX- начала XVI века. — М., 1978.
97. Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X–XIII веков. — М., 1938.
98. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. — М., 1990.
99. Рейли-Смит Д. История крестовых походов. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
100. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. — М., 1989.
101. О. Серафим (Роуз). Vita Patrum. Святитель Григорий Турский. — St. Herman of Alaska brotherhood. Platina, California, 2004.
102. Сидорова Н.А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. — М., 1953.
103. Сказкин С.Д. Средневековая культура и зарождение буржуазной идеологии. Стенограмма лекции, прочитанной 03 марта 1940 г. — М., 1940.
104. Слейтер С. Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия. — М.: ЭКСМО, 2008.
105. Смирнов Е.И. История христианской Церкви. — М., 2007.
106. Смоули Р. Гностики, Катары, масоны, или запретная вера. — М.: АСТ, 2008.
107. Средневековый быт. Сборник статей под ред. О.А. Добиаш-Рожественской, А.И. Хоментовской и Г.П. Федотова. — Л., 1925.
108. Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города. — М., 1960.
109. Суворов Н. Средневековые университеты. — М., 1898.
110. Сукале Р., Венигер М., Вундрам М. Готика. TASCHEN / ART-РОДНИК, 2007.
111. Тальберг Н. История христианской Церкви. — М.-Н.Й., 1991.
112. Тейс Л. Наследие Каролингов. IX–X века. — М., 1993.
113. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. — М., 2000.
114. Трахтенберг О.В. Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. — М., 1957.

115. Турчин В.С. Города и замки Луары. — М., 1986.
116. Тяжелов В.Н. Искусство Средних веков в Западной и Центральной Европе. — М., 1981.
117. Ференци Б. Очерки по искусству средневековья Франции. — М., 1936.
118. Фосийон А. Жизнь форм. — М., 1995.
119. Фрейберг Н.П. Мастера и подмастерья французских цехов XIII—XIV вв. — «Известия АН СССР», 1931, № 3 (серия VII).
120. Фулканелли (Жан Жульен Шампань). Тайна соборов. — М., 2008.
121. Хейзинга Й. Осень средневековья. — М., 1988.
122. Цирес А. Искусство архитектуры. Художественный образ романских и готических соборов. — М., 1946. С. 85–98.
123. Черняк В.З. Уроки старых мастеров (из истории экономики строительного дела). — М., 1989.
124. Шастель А. Об искусстве витража. // Декоративное искусство СССР. № 4, 1983.
125. Шуази О. История архитектуры. Т. 1–2. — М.: В. Шевчук, 2005.
126. Шумов С.А. Монашеские ордена: власть над душами. — М., 2005.
127. Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907.
128. Эко У. Эволюция средневековой эстетики. — СПб., 2004.
129. Эко У. Поиски совершенного языка в Европейской культуре. — СПб.: ALEXANDRIA, 2009.
130. Эпоха Крестовых походов. Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. — М., 1914.
131. Ювалова Е.П. Королевский портал Шартрского собора. — В сборн.: Античность, Средние века, Новое время. — М., 1977. С. 18–33.
132. Ювалова Е.П. О некоторых интерпретациях ранней и высокой готики в современном искусствознании. — В сборн.: Современное искусствознание Запада о классическом искусстве. — М., 1977. С. 30–54.
133. Ювалова Е.П. Немецкая скульптура. 1200–1270. — М., 1980.
134. Ювалова Е.П. Чешская готика эпохи расцвета. 1350–1420. — М., 1980.
135. Ювалова Е.П. Сложение готики во Франции. — СПб., 2000.
136. Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. — М., 1978.
137. Abadal Y Vinals R. de. Del reino de Tolosa al reino de Toledo, Real Academia de la Historia, Madrid, 1960.
138. Abbot Suger and Saint-Denis. A Symposium. New York, 1986.
139. Abert J. J. Die Musikanschauung des Mittelalters und ihre Grundlagen. Leipzig, 1905.
140. Abraham P. Viollet-le-Duc et le rationalisme medieval. Paris, 1934.
141. Adam E. Die Baukunst des Mittelalters. Zurich, 1959.
142. Adhemar J. Influences antiques dans l'art du Moyen Age francais. Paris, 1939.
143. Album de Villard de Honnecourt. Reproduction en fac-simile du MS fr. 19093. Ed. Lassus, Bibliotheque Nationale, Paris, [s.d].
144. Aldeguier A. de. «Notice sur l'église Saint-Etienne de Toulouse», dans Actes du 96-e Congres national des societes savants, Toulouse, t. II; archeologie et histoire de l'art, 1971, Paris, CTHS, p. 157–174.

145. Allers R. Microcosmos from Anaximandros to Paracelsus // *Traditio*. II., 1944. p. 319–407.
146. Allix P. Remarks upon the Ecclesiastical History of the Ancient Churches of the Albigenses, 1962. Reedition: Oxford, Clarendon Press, 1821.
147. Amado C. Sociabilite et pouvoir Episcopal a Bezier savant 1209 in *Actes du colloque sur «La Sociabilite»*. Rouen, 1986.
148. Amado C. De la cite wisigothique a la ville medievale in *Histoire de Beziers*. Toulouse, 1986. p. 71–94.
149. Ancona P. de. Le rappresentazioni allegoriche delle arte liberali nel medio evo e nel rinascimento, — “*L'Arte*”, V, 1902.
150. Ангелов Д. Богомилството в Българияю София, 1969.
151. Anthony E. W. Romanesque Frescoes, Princeton, 1951.
152. Andrews F. The Medieval Builder and His Methods. Oxford, 1924.
153. Avril J. «La participation du chapitre cathedral au gouvernement du diocese», dans *Cahiers de Fanjeaux*, 24, Toulouse, Privat, 1989, p. 41–64.
154. «Archeologie du Midi Medieval», Revue annuelle consacree au Moyen Age meridional (V–XV siecles). Tome III–XIII., 1985–1995.
155. Aries P. Images de l'home devant la mort, Paris, Seul, 1983.
156. Armengaud A., Cathala J. P. L'Eglise Saint-Sernin de Belpeche. Societe d'histoire du Carnages. Belpeche.
157. Artistes, artisans et production artistique au Moyen Age, Colloque international (Rennes, 1983), Ed. X. Barral I Altet, 3 vol., 1–2, Paris, 1986–1987.
158. Artz F. B. The Mind of Middle Ages. New York, 1954.
159. Araguas P. Architecture religieuse. Diversites, XIIIe–XIVe siecles, coll. Patrimoine vivant, Paris, 2000.
160. Aubert M. Notre-Dame de Paris, sa place dans l'architecture du XII-e au XIV-e siecle. Paris, 1920.
161. Aubert M. L'architecture religieuse en France a l'epoque gothique. 2 vols. Paris, 1926.
162. Aubert M. La sculpture francaise du Moyen Age et de la Renaissance. Paris — Bruxelles, 1926.
163. Aubert M. La sculpture francaise au Moyen Age. Paris, 1946.
164. Aubert M. L'architecture cistercienne en France. 2 vols. Paris, 1949.
165. Aubert M. Le gothique a son apogee. Paris, 1963.
166. Aubert M., Goubert S. Gothic Cathedrals of France and Their Treasures. London, 1959.
167. Aurenhammer H. Lexikon der Ghristischen Ikonographie. Wien, 1959–1962.
168. Baltrusaitis J. Le Moyen Age fantastique. Paris, 1955.
169. Begule L. La cathedrale de Lyon. Paris, 1939.
170. Branner R. Burgundian Gothic Architecture. 1960.
171. Cazes Q. Le quartier canonical de la cathedrale Saint-Etienne de Toulouse. C.A.M.L. EDITEUR, 1998.
172. Q. Cazes Le quartier canonale de la cathedrale Saint-Etienne de Toulouse, Carcassonne, 1996; I. Darnas, H. Duthu La Cathedrale de Mende, 1993;

173. Christophe BALAGNA, L'Architecture Gothique religieuse en Gascogne centrale, tt. I-VI, (These pour le Doctorat de troisieme cycle preparee sous la Direction de mme le professeur Michele Pradallier-Schlumberger). Universite de Toulouse «LE MIRAL», 1999.
174. C. Balagna, L'Arghitectoure Gothique religieuse en Gascogne centrale, Toulouse, 1999.
175. Girard A. L'aventure, gothique entre Pont-Saint-Esprit et Avignon du XIIIe au XVe siècle. Genèse des formes et du sens de l'art gothique dans la basse vallée du Rhône, Aix-en-Provence, 1996;.
176. Christ Y. Cathedrales de France. Paris, 1963.
177. Corboz A. Haut Moyen Age. Office du Livre. Fribourg, 1970.
178. Didron E. Artistes du Moyen Age. — AA, vol. 1, 1844.
179. Dieuzaides J., Prin M., L'ensemble conventuel des Jacobins de Toulouse, Toulouse, 2007.
180. Duvernoy J. Le register de l'Inquisition de Jacues Fournier (1318—1323), 3 vol., «Bibliotheque meridionale», Privat, Toulouse, 1965.
181. Durliat M. L'archptecture espagnole. Toulouse, 1966.
182. Durliat M. Art catalan. Paris/Grenoble, 1963.
183. Erlande-Brandenburg A. L'art gothique. Paris, 1983.
184. «HERESIS». Revue semestrielle d'histoire des dissidences Medievales.
185. № 40/2004, 42—43/ 2005, 46—47/ 2007.
186. Evans J. Art in Medieval France. London, 1957.
187. Focillon H. L'art des sculpteurs romans. Paris, 1964.
188. Frankl P. History of Gothic. Harmondsworth, 1960.
189. Freigang C. Imitare ecclesias nobiles. Die Kathedralen von Narbonne, Toulouse und Rodez und die nordfaanzosische Rayon-nangotik un Languedoc. Worms, 1992.
190. Grodecki L. Le Moyen Age retrouve. Paris, 1986.
191. Henderson G. Gothic. Harmondworth, 1967.
192. Kimpel D. / Sukale R. Die gotische Architektur in Frankreich 1130—1270. Munchen, 1985.
193. L. Latour, Le canton d'Auterive. Eglises & Chapelles de la Hante-Garonne, 2001.
194. Morand J. P. Clochers-murs du Midi toulousain. LOUBRATIERES, 2001.
195. Milhau D. Le couvent des Augustins, Journal des collections №1. Toulouse. 1980.
196. Odol J. Lauragais. Privat, 1998.
197. Pradallier-Schluberger M. La sculpture en Languedoc aux XII et XIV siecles. Universite de Toulouse, 1990.
198. Porter A., Kingsley. Lombard Architecture. New Haven, 1917.
199. N. Pousthomis-Dalle, D. Baudreu L'Abbaye et le village de Caunes-Minervos {Aude}, 2010; N. Pousthomis-Dalle, Moines et religieux dans la ville XII—XV siecle, 2010; N. Pousthomis-Dalle, Les oedres religieux militaires dans le Midi XII—XV siecle, 2005.
200. Sedlmayr H. Die Entstehung der Kathedrale. Zurigh, 1950.
201. Simson O. von. Die gotische Kathedrale. Darmstadt, 1972.
202. Waley D. The Italian City-Republics. London: Longman, 1988.

203. White J. Art and Architecture in Italy. 1250—1400 (Pelican History of Art). Hammondsworth, 1965.
204. Gérard Artaud, La Thiérache et ses églises fortifiées, 2003. — 47 p. dont 14 de planches couleurs — 30 cm.
205. Denis Cailleaux, Les églises fortifiées, in «L'archéologue», n° 42, 1999, p. 18—21.
206. Fabrice Cayot, La fortification des églises rurales en Bourgogne, in Chastels et Maisons fortes, III, ouvrage collectif sous la direction d'Hervé Mouillebouche, CeCab, Dijon, 2010, p. 147—180.
207. Alain Connangle, Églises fortifiées du Périgord, in «Le Festin», n° 44.
208. René Crozet, Les églises fortifiées du Poitou, de l'Angoumois, de l'Aunis et de la Saintonge, Bulletin de la Société des Antiquaires de l'Ouest, 1951.
209. Jules de Lahondès, Les églises fortifiées des pays de Foix et du Couserans, 23 p., in «Bulletin monumental», n° 288, 1883.
210. Jean Garel — «Églises fortifiées de la Thiérache» (coll. Itinéraires et découvertes, éd. Elta Paris, 1976), 32 p.
211. Thierry Hourlier — «Les églises fortifiées de Dordogne», éd. patrimoines & médias, 1997, 56 p. — (ISBN 2—910137—20—1).
212. Caroline Maupas, Thierry Hourlier — «Les églises fortifiées du littoral breton», éd. de la Plomée, 1998, 142 p. — (ISBN 2—912113—09—1).
213. R. Métivier, Les Bastides et églises fortifiées du Gers, Caen, 1903.
214. Jean-Paul Meuret — «Redécouverte et sauvegarde du patrimoine communautaire des pays picards : Les églises fortifiées de la Thiérache» in Picardie Information, n° 32, novembre 1978, p. 55 à 66 (éd. Chambre régionale de commerce et d'industrie de Picardie).
215. Philippe Pagnotta — «Les églises fortifiées de la Meuse», éd. Citedis, 2000, 142 p. — (ISBN 2—911920—36—8).
216. Philippe Pécout — «Les églises fortifiées du Midi de la France», coll. «Mémoire en Images», éd. Alan Sutton, 2006, 96 p. — (ISBN 2—84910—451—5).
217. Robert Poujol — «Les églises fortifiées de la Thiérache» «Monographies des villes et villages de France», édit. 1993, 20 X 30, br., 140 pp. ISBN 2—7428—0054—9.
218. Robert Poujol — «Les églises fortifiées de la Thiérache» (coll. Inédits du Patrimoine, éd. La Découverte Eds, mars 2004, (ISBN 284265269X). Édition fautive.
219. R. Roger, «Quelques églises fortifiées de l'Ariège», BSA T. 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ОКСИТАНИИ	6
1.1. Историко-географические и культурные предпосылки укрепления культовых сооружений в эпоху Средневековья.....	6
1.2. Возникновение культовой архитектуры eglises fortifiees Окситании	26
Глава 2. УКРЕПЛЕННЫЕ ЦЕРКВИ EGLISES FORTIFIEES РОМАНСКОГО ПЕРИОДА X–XII ВВ.....	68
2.1. Историко-культурная характеристика эпохи и сложение типологии eglises fortifiees в конце X — начале XII в.....	68
2.2. Примеры укрепленных церквей eglises fortifiees Пиренейского региона Юга Франции и Северной Испании. Укрепленные башни-колокольни (их оборонительное назначение)	107
2.3. Наиболее типические церкви-крепости Нижнего Лангедока второй половины XII века: план, сооружение, структура в Агде (Agde) и Магелоне (Maguelone)	115
2.4. Фортификационные новшества, пришедшие с Востока в результате Крестовых походов.....	124
2.5. Общие черты всех романских укрепленных церквей этого периода.....	167
Заключение	187
Примечания.....	196
Библиография	204

По вопросам приобретения книг обращайтесь:
Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа):

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел. (495) 280-33-86 (доб. 222, 564)

E-mail: books@infra-m.ru

•

Отдел «Книга—почтой»:

тел. (495) 280-33-86 (доб. 222)

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Научное издание

Орлов Игорь Иванович

**ЗАГАДКИ СТРАНЫ «ОК».
РОМАНСКИЕ ЦЕРКВИ ОКСИТАНИИ X–XIII ВЕКОВ**

Монография

Оригинал-макет подготовлен в НИЦ ИНФРА-М

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29

E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Подписано в печать 18.10.2022.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,5.

ППТ12. Заказ № 00000

ТК 659191-1913785-280817

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29